

THE

WARRIOR

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА ЧЕРНЫШЁВА
МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В КНИЖНОМ МАГАЗИНЕ

«АКМЕ»

ПЕТЕРБУРГ, ПР. МОРИСА ТОРЕЗА, 74.

ДЖАТАКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЧЕРНЫШЕВА

ПЕТЕРБУРГ · 1994

ДЖАТАКИ

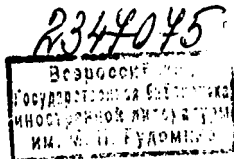
98. В 7552

ББК 87.3

Д 40

ПЕРЕВОД С САНСКРИТА
А. П. БАРАННИКОВА И О. Ф. ВОЛКОВОЙ
ВВЕДЕНИЕ И КОММЕНТАРИИ О. Ф. ВОЛКОВОЙ

Печатается по изданию 1962 г.

Джатаки, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы.
Пер. с санскрита А. Баранникова и О. Волковой. —
СПб.: Издательство Чернышёва, 1993. — 192 с.
ISBN 5-85555-019-2

Д $\frac{15}{У60(03)-94}$

© Издательство Чернышева, 1994.

94
98. Вост. 8499.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В литературе буддизма, создававшейся в течение многих веков на разных языках, значительное место занимают сказания и легенды, которыми была окружена личность основателя учения Будды Гаутамы. Среди них особый интерес представляют джатаки — повествования о легендарных событиях из прошлых рождений Будды.

Как специфический жанр литературы буддизма, отличающийся своей тематикой и своими художественными особенностями, джатаки являются результатом синтеза литературных и фольклорных традиций, существовавших в Индии ко времени возникновения буддизма, с философско-этическими воззрениями последнего. Заимствуя из неисчерпаемой сокровищницы индийского народного творчества легенды, басни, сказки и создавая новые по их образцу, буддизм приспособил эти живые и увлекательные рассказы для изложения и проповеди своей морали. Нравоучения, преподносимые в виде занимательного повествования, были доступнее пониманию простого народа, чем сухие изречения.

Самые ранние произведения этого жанра, восходящие к первым векам до нашей эры, содержатся в каноне буддизма на языке пали в разделе *Кхuddака-никая Сутта-питаки*, куда входит сборник из 547 джатак. Собственно канонической частью этого сборника являются стихотворные строфы — *гатхи*, приписываемые самому Будде, а проза служит комментарием, разъясняющим, где и по какому поводу Будда произнес ту или иную *гатху*.

В основе джатак лежит свойственное буддизму, как и другим религиозно-философским течениям Индии,

Тексты печатаются с сокращениями — *Ред.*

представление о бесконечной цепи связанных между собой причинно-следственной связью существований, через которые проходят все живые существа. Рождение в том или ином состоянии — в виде человека, животного, божества — определяется совокупностью поступков, совершенных в прошлых рождениях. Каждое существо создает себя, определяет свое будущее своим поведением, своими действиями. Такая цель, как достижение высшего просветления, совершенного знания — *бодхи*, — согласно учению буддизма, требует огромных усилий и не может быть достигнута в течение одного рождения. Буддийские предания рассказывают, что сам Будда шел к этой цели через многие существования путем тяжелых подвигов и самосовершенствования. Идущий к высшему знанию, потенциальный будда в предшествующих рождениях и в последнем рождении до момента просветления (*бодхи*) получил название Бодхисаттвы.

Все джатаки построены по одному плану: сначала идет “рассказ о настоящем”, т. е. о событиях, давших повод к изложению Буддой какого-либо случая из его прошлых рождений: он служит рамкой для “рассказа о прошлом”, в котором Будда на примере одного из собственных существований наставляет слушателей в нравственном поведении, щедрости к просящим, кротости и терпимости, правдивости, воздержании от причинения вреда живым существам, от воровства, грубых речей и т. д. Таким образом, построение джатак соответствует излюбленному в древнеиндийской литературе композиционному приему “обрамленной повести”. Оба рассказа связывались между собой отождествлением действующих лиц. Один из героев, наделенный высокими моральными и интеллектуальными качествами, объявлялся Буддой в прошлых рождениях.

Сюжеты и действующие лица, взятые из окружающей действительности, реалистические картины, отражающие повседневную жизнь индийского общества того времени, делают джатаки интересными не только как памятник, излагающий положения буддийской морали, но и как ценный исторический источник для изучения быта и социальных институтов древней Индии.

Палийские джатаки послужили основой для многочисленных переводов и пересказов. Их сюжеты и мотивы неоднократно находили отражение в изобразительном искусстве Индии и других стран, воспринявших буддизм. Значительное влияние оказали джатаки на последующее развитие басенной и сказочной индийской литературы.

“Гирлянда джатак”, хотя и относится к тому же жанру литературы буддизма, в значительной степени отличается от палийских джатак. Несмотря на то, что сюжеты почти всех санскритских джатак взяты из палийского сборника, несмотря на совпадение многих стихов, иногда даже буквальное, перед нами не просто перевод с пали, а самостоятельное произведение, отличающееся и по стилю, и, до некоторой степени, по идеям.

Вопросом времени написания “Гирлянды джатак” и выяснением личности ее автора занимались многие крупные ученые — индологи и тибетологи. Но до сих пор многое остается неясным и спорным. Не имея возможности делать какие-либо выводы из-за недоступности большинства материалов, мы попытаемся только подвести итог исследованиям различных ученых.

Опубликованный в 1891 г. Х. Керном текст “Гирлянды джатак” основан на трех рукописях, которые восходят к одному и тому же источнику, так же как и

рукопись на деванагари Парижской Национальной библиотеки и две петербургские рукописи, упоминаемые С. Ф. Ольденбургом¹.

К тому же источнику восходят, по-видимому, и фрагменты из Турфанского собрания Берлинской академии наук, исследованные и опубликованные Ф. Веллером. Делать какие-либо определенные выводы в этом случае невозможно из-за обрывочного характера фрагментов. Разночтения с текстом издания Керна не выходят за пределы вариантов внутри одной версии.

Рукопись, открытая в 1828 г. Х. Ходгсоном и описанная Раджендралалом Митрой в его труде "Непальская буддийская литература", содержит вначале еще джатаку о царе Супрабхаше, но в остальном не отличается от указанных выше.

Неполная рукопись, содержащая пять джатак, начиная с джатаки об Авишахье, находится в библиотеке Королевского Азиатского общества Бенгалии (рук. D9980, на пальмовых листьях; шрифт — старый невари, очевидно, конца XI в.).

К сожалению, как уже говорилось выше, все известные рукописи "Гирлянды джатак" восходят к одному источнику, и незначительные разночтения в них дают слишком мало материала для того, чтобы делать какие-либо выводы о первоначальном тексте памятника. А в том, что данные рукописи отошли от оригинала, сомневаться не приходится, хотя бы на основании подмеченного Х. Керном расхождения между действительным числом слогов и числом, указанным в конце каждой джатаки, начиная с джатаки XVII*. Х. Керн и Я. С. Шпейер, переведший "Гирлянду джатак" на английский, отметили как явно позднейшие добавления

¹ С. Ф. Ольденбург. Буддийские легенды. СПб., 1894, с. 90.

* Здесь и далее нумерация джатак по изданию: *Арья Шура*. Гирлянда джатак. М., 1962. — *Ред.*

только концовки джатак и редкие отождествления действующих лиц, бывшие, очевидно, замечаниями переписчиков на полях.

Мы не можем даже судить о количестве рассказов, входивших в “Гирлянду джатак”, ибо характер сборника позволял менять порядок, выбрасывать и вставлять новые джатаки, что мы и видим в рукописи Х. Ходгсона и в использованной Х. Керном рукописи Парижской Национальной библиотеки, в которую после XVI джатаки вставлена джатака о Каччхапе, взятая из *Магавасту* и совершенно отличающаяся по языку от остального памятника. Таранатха в своей “Истории буддизма” сообщает предание, что автор “Гирлянды джатак” хотел написать сто джатак — по десять о каждой из десяти *парамит* — совершенных достоинств Бодхисаттвы, но умер, не осуществив своего намерения².

В комментарии на “Гирлянду джатак” Ваджрасинхи, сохранившемся только в тибетском переводе, говорится, что первые тридцать джатак посвящены трем *парамитам*. Но если первые девять джатак действительно посвящены *дапа* — щедрости, даянию, то в дальнейшем этот порядок нарушается. В санскритских рукописях после каждых десяти джатак идет перечень, что говорит о каком-то делении джатак, но эти перечни могли быть поздним добавлением переписчиков.

Что касается времени написания “Гирлянды джатак”, то здесь мнения ученых, занимавшихся этим вопросом, сходятся в том, что самым поздним пределом является VI в., так как, во-первых, в тибетском каноне есть комментарий Дхармакирти на этот памятник; во-вторых, под некоторыми фресками Аджанты,

² *Дараната*. Буддизм, его догматы, история и литература. [Пер В. Васильева.] СПб., 1869, с. 100.

относящимися к VI в., имеются подписи со строфами “Гирлянды джатак”.

Об авторе “Гирлянды джатак” мы не имеем никаких данных, кроме указанного в колофоне имени Арья Шура. Возникают сомнения в действительном существовании поэта с таким именем.

Дело в том, что китайский путешественник И-Цзин, посетивший Индию в VII в., т. е. очень близко к предполагаемому времени жизни Арья Шуры, не упоминает имени последнего, хотя говорит о широкой популярности “Гирлянды джатак”, приводя как китайскую транслитерацию названия памятника, — *Шэ дэ цзя мо ло*, так и перевод — “Ряд предшествующих рождений”. Однако неясно, имеет ли он в виду нашу “Гирлянду джатак” или же употребляет слово *jātakamālā* как обозначение рода литературного произведения.

Ни словом не упоминают об Арья Шуре и более поздние сочинения по истории буддизма в Индии: ни *Манджушримулакальпа* (конец IX в.), ни “История буддизма” Путона (1290–1364 гг.), основного кодификатора *Танджура*.

В *Магавьютпатти* имя Арья Шуры встречается в разделе “Первые учителя”, рядом с именами Нагарджуны, Арьядевы, Васубандху, Ашвагхоши, Диннаги и т. д.

Таранатха в своей истории буддизма (1608 г.) несколько раз упоминает учителя по имени Шура, который, по его словам, известен также под именами Ашвагхоша, Матричета, Питричета, Дурдарша, Триратнадаса, Дхармика-Субхути и Матичитра. Этот учитель, согласно Таранатхе, собирался написать сто джатак, но умер, пожертвовав свое тело тигрице и написав перед смертью своей кровью гимн в 50 шлок. Далее Таранатха приводит приписываемый Дхарма-

кирти стих, где он с гордостью говорит, что является достойным преемником искусного в просодии лирика Шуры. Таранатха называет также некоего Ачарья Шуру, который при царе Бенгала Гопале I основал храм Налендра около Отантапури³. Гопала I правил примерно в 750–770 гг., и потому последний Шура вряд ли имеет какое-либо отношение к автору “Гирлянды джатак”, так как она создана, как говорилось выше, не позднее VI в.

Имена Питричета и Матичитра, приводимые Таранатхой, ученые считают вариантами имени Матричеты, поэта II в. н. э. Имена Триратнадасы, Дхармика-Субхути и Дурдарши известны по тибетским переводам их произведений. Однако эти произведения по своему мастерству и известности значительно уступают “Гирлянде джатак”.

Предположение о тождественности Ашвагхоши и Арья Шуры высказывалось Сильвэном Леви на основании сходства “Гирлянды джатак” и *Сутраланкары*. Но так как весьма спорной является принадлежность последней Ашвагхоше, а сходство между остальными его произведениями и “Гирляндой джатак” не выходит за пределы поэтического стиля, то можно лишь сказать, что автор последней принадлежал к поэтической школе последователей Ашвагхоши.

Наиболее правдоподобной является гипотеза об идентичности Арья Шуры с Матричетой. Д. Р. Шэклтон Бейли в своем предисловии к изданию и переводу *Шатапанчашатка* (“Гимна в 150 шлок”) Матричеты приводит доводы в подтверждение подобного предположения: употребление в обоих памятниках редких в санскрите слов, буквальное совпадение некоторых фраз, аналогичные синтаксические конструкции, сход-

³ *Дараната*. Буддизм, его догматы, история и литература. М., 1954, с. 200.

ство метрики. Все это, а также отсутствие у И-Цзина и позднейших писателей упоминаний имени Арья Шуры ставит под сомнение его авторство.

Однако, как признает сам Бейли, И-Цзин, говоря о популярности “Гирлянды джатак”, не называет ее автором и Матричету, которому он дает самую высокую оценку и произведения которого он переводил на китайский язык. Что касается сходства фраз и синтаксических конструкций, то Бейли признает возможность влияния и заимствования. Кроме того, бросается в глаза и различие обоих памятников: “Гирлянда джатак” — типичное произведение стиля *кавья*, чего нельзя сказать о *Шатапанчашатке*. В отличие от последней в “Гирлянде джатак” довольно часто упоминаются детали небуддийских мифов и легенд: Кришна — убийца демона Нараки, мудрый наставник богов Брихаспати, кровавая междоусобица родов Вришни и Андхака, мифический первый врач Дханвантари и т. д.

Нельзя не согласиться со сходством метрики обоих произведений: близок процент *випула*⁴ по отношению ко всему количеству полушлок. Также сравнительно часто встречается 3-я разновидность *випула* (— — — / — — — —), не употребляемая в эпосе и классической поэзии Индии: у Матричеты на 150 шлок — 8 раз, в “Гирлянде джатак” на 410 шлок — 13 раз, в то время как у Ашвагхоши в *Буддзачарите* (297 шлок) и *Саундарананде* (382 шлоки) всего три раза. Однако ни у Матричеты, ни у Ашвагхоши в первых четырех видах *випула* вторая стопа не оканчивается кратким слогом, а в “Гирлянде джатак” есть семь таких случа-

⁴Размер шлока делится на две разновидности: в первой — *pathya* — вторая стопа должна иметь следующий вид — — — — —, а первая может принимать любую форму; во второй — *vipula* — первая стопа строго определена и зависит от второй. Имеется пять разновидностей *випула*.

ев. Кроме того, у Матричеты 3-я и 5-я разновидности всегда начинаются с краткого гласного, а в “Гирлянде джатак” из 50 полушлок 14 начинаются на долгий.

Таким образом, хотя возможность авторства Матричеты очень вероятна, но некоторые факты говорят и против нее.

Если обратиться к произведениям, автором которых предположительно является Арья Шура, то картина получается следующая: на санскрите, кроме “Гирлянды джатак”, в колофоне которой автор указан как Арья Шура, есть два стиха поэта Шуры в антологии XII в. *Субхашитавали*. Сильвэн Леви обнаружил в Непале рукопись *Субхашитаратнакарандака*, в колофоне которой дано имя автора Ачарья Шура. Этот памятник состоит из заключительных стихов *Джавиншатьяваданы*. К сожалению, ни *Субхашитаратнакарандака*, ни *Джавиншатьявадана* до сих пор не изданы. А их издание и исследование, возможно, пролили бы некоторый свет на эту проблему.

Кроме того, в *Танджуре* в колофоне трех произведений имя автора дается как Slob drop drañ bo, т. е. Ачарья Шура.

Имеются в тибетском каноне и два комментария на “Гирлянду джатак”: один, приписываемый Дхармакирти, второй — Ваджрасинхе.

Интересный материал содержится в китайской *Трипитаке*. В каталоге под N 1349 стоит произведение *Карманхаласанкшинтанирдеша-сутра*, которого нет ни в индийском оригинале, ни в тибетском переводе. Оно было переведено на китайский язык в 434 г. Автором назван бодхисаттва Да Юн (“великий храбрец”), что может означать Арья Шуру, но возможны и другие реституции.

Точное китайское соответствие имени Арья Шуры — Чэнь Юн встречается в колофоне другой работы

Пу са бэнь шэн мань лунь (“Рассуждение о предыдущих рождениях Бодхисаттвы”), переведенного при династии Сун (960–1278 гг.). По мнению П. Пельо, изучавшего этот памятник, в нем объединены два различных произведения: сборник из 14 рассказов, близких по сюжетам и композиции к джатакам, и философский комментарий на “Гирлянду джатак”. Последнее дало название всему памятнику.

Таким образом, имя автора “Гирлянды джатак” Арья Шуры известно из индийских, тибетских и китайских источников. Но масса противоречивых фактов не позволяет сказать что-либо определенное о нем, тем более, что в его произведениях нет никаких автобиографических сведений; ничего не сообщают нам и его комментаторы.

Можно еще добавить, что Сомендра во введении к *Аваданакальпалате* Кшемендры говорит о существовании многих “Гирлянд джатак”, написанных Гопадаттой и другими наставниками. Но до нас дошла только одна, и можно думать, что она была лучшим образцом произведений этого рода, если судить по многочисленным тибетским подражаниям ей и по фрескам Аджанты.

Основным мотивом “Гирлянды джатак”, проходящим через все рассказы и отличающим ее от палийского сборника, является идея Бодхисаттвы — спасителя, преисполненного безграничной любви и неисчерпаемого милосердия и сострадания ко всему живому. Личное спасение, достижение высшего просветления и нирваны, отходит на задний план, и на первый выдвигается стремление спасти мир, “измученный страданиями, не имеющий ни защитников, ни покровителя, ни руководителя, полный многих несчастий, как болезни, старость, смерть, разлука с приятным и т. п.”, и “прине-

сти высшее благо и счастье даже противникам своим и незнакомым людям”.

В джатаках все время подчеркивается, что в основе всех поступков Бодхисаттвы, проявлений его щедрости, кротости, правдивости и т. п. лежит сострадание. Все гибнет и исчезает в этом мире, но никогда не иссякает великое сострадание Бодхисаттвы. Сострадание — это суть дхармы, нормы нравственного поведения. “Сострадание к живым существам считаю я, — говорит Бодхисаттва-руру, — сжатым выражением дхармы, которая подразделяется на воздержание от причинения вреда, воровства и т. д.”. Сострадание способствует росту всех остальных добродетелей, как дождь — росту хлебов.

Проявляя и воспитывая в себе совершенные нравственные качества, Бодхисаттва поступает так ради блага мира. “Желанна щедрость мне на благо мира, а не та, что средством к собственному счастью служит”, — говорит Бодхисаттва Маре, пытавшемуся помешать ему совершать даяния. Больше всего Бодхисаттва желает, чтобы у него “всегда хватало сил уничтожать страдания и счастье миру даровать, как солнце, тьму уничтожая, свет даруя”. Безразличный к собственному благу, “в своих страданиях огромных стойкость проявляя”, Бодхисаттва “дрожит при виде самых незначительных страданий ближних”. Его не так мучает рана, нанесенная ему предателем, как то, что он послужил косвенной причиной совершения подобного дурного поступка. Накормив своим телом тигрицу, Бодхисаттва спасает ее не только от голодной смерти, но и от греховного поступка — убийства собственных детей.

Различие между Бодхисаттвой палийских джатак, который только наставлял в нравственном поведении слушателей примерами из своих прошлых рождений, и

героем “Гирлянды джатак”, “ставшим бодхисаттвой ради живых существ”, особенно наглядно видно, если сравнить соответствующие строфы из обоих памятников. На вопрос министров, зачем он хочет отдать свои глаза нищему брахману, царь Шиби отвечает: “Я этим не стремлюсь достичь владычества над всей землей, ни неба, ни конечного спасения, ни славы: спасти весь мир — единственная цель моя”. А в палийской джатаке: “Не ради славы я даю, я не ищу ни сына, ни богатства и ни царства: издавна добродетельные так себя ведут, и поэтому в даяниях находит сердце радость”. Или же в джатаке об Агастье отшельник говорит Шакре: “Повторное рождение — страдание ужасное, а также старости несчастье и различные болезни; рассудок помутить способна мысль о неизбежной смерти, поэтому стремлюсь спасти я мир”. А в соответствующей строфе палийской джатаки: “Повторное рождение — страдание, о Шакра! а также тела разрушение; и заблуждение, и смерть — страдание, поэтому я подвигаюсь здесь, о Васави”.

Щедрость Бодхисаттвы, истекающая из его безграничного милосердия к страдающему миру, не останавливается перед пожертвованием собственного тела, которое только потому и имеет ценность, что при помощи его можно принести благо ближнему. Характерно, что из четырех отсутствующих в палийском источнике сюжетов “Гирлянды джатак” три посвящены именно пожертвованию собственного тела: о тигрице⁵, о Майтрибале и о слоне.

⁵ Существует легенда о том, что автор “Гирлянды джатак”, следуя примеру Бодхисаттвы, накормил своим телом голодную тигрицу (*Дараната*. Ук. соч., с. 100–101). Этот сюжет неоднократно встречается в различных произведениях северного буддизма, но в палийских текстах он не отразился.

Преклоняясь перед бескорыстной любовью и неисчерпаемым состраданием Бодхисаттвы, автор “Гирлянды джатак” заставил свое произведение звучать как гимн во славу великой нравственной сущности Бодхисаттвы — защитника и покровителя всего живого.

В остальном же “Гирлянда джатак”, хотя и созданная на несколько веков позднее палийских джатак и отражающая более поздний этап в развитии буддизма, стоит близко к палийскому источнику. Так же, как и там, в “Гирлянде джатак” проповедуются правила нравственного поведения, способствующие накоплению добродетельных заслуг (*рипуа*), которые “есть лучшая опора мира в его вращенье трудном по пути перерождений” и ведут к высшему спасению. В джатаке “О жертве” осуждается ритуальное жертвоприношение животных. Более сильно, чем в палийских джатаках, звучит осуждение мирской жизни, состояния домохозяина, “связанного с приобретением и сохранением богатств, и потому ведущего к легкомыслию и небрежению, привязанности к дурным деяниям, являющегося мишенью для сотен стрел различных несчастий, мешающих умиротворенному спокойствию и удовлетворенности”. И в противоположность этому восхваляется уединенная и чистая жизнь отшельника. Этому целиком посвящена джатака “О бездетном”, отсутствующая в палийском сборнике.

В “Гирлянде джатак”, затрагивающей вопросы морали, нельзя было ожидать более или менее последовательного изложения философских воззрений буддизма. Но в джатаке “О Махабодхи” (как и в ее палийском источнике) Бодхисаттва разбивает своих противников, излагая основные положения буддизма о причинно-следственной связи, отрицании верховного творца —

ишвары, свободе воли, отрицании теории уничтожения.

Кроме подчеркивания безграничного и бескорыстного милосердия Бодхисаттвы, в "Гирлянде джатак" больше ни в чем не отражаются особенности северного буддизма: здесь нет ни сонма будд и бодхисаттв, ни концепции трех тел Будды, ни достижения спасения единственно через веру и преклонение перед буддами и бодхисаттвами. По некоторым чертам (познание через восприятие при помощи органов чувств и реальное существование объектов восприятия в прошлом, настоящем и будущем) можно предположить, что автор "Гирлянды джатак" принадлежал к школе *сарвастивадинов*, относящейся к хиньяне.

Но "Гирлянда джатак" представляет интерес не как произведение, излагающее воззрения буддизма, а главным образом как выдающийся памятник классической литературы на санскрите. Ее автор, человек высокоталантливый и образованный, с большим мастерством и блеском изложил народные сказания, взятые из палийского сборника, в стиле, который в санскритской поэтике носит название *кавья*. Он выполнил те требования, которые, согласно индийской классической поэтике, предъявлялись к произведениям стиля *кавья*. Здесь и герой, наделенный высокими моральными и интеллектуальными качествами, и сюжеты, взятые из исторических преданий, ибо у правоверного буддиста не возникало сомнения в достоверности событий прошлых рождений Бодхисаттвы, и описания моря, гор, восхода солнца и луны, игр в воде, садов и рощ, путешествий, битвы и победы и т. д., которые были обязательны в художественном произведении этого жанра. Во вступительном гимне Будде сам автор называет свое произведение *кавья*.

Написана “Гирлянда джатак” на изобилующем длинными композитами классическом санскрите, с рядом лексических заимствований из буддийского гибридного санскрита. Автор умело использовал многозначность и синонимичность санскритской лексики, употреблял редкие слова, известные лишь из словарей. Все это говорит о его высокой культуре и образованности. Стихи и проза в “Гирлянде джатак” несут одинаковую нагрузку; автор свободно переходит от одной формы к другой, и, таким образом, “Гирлянда джатак” является одним из первых произведений того стиля изложения, который впоследствии получил название *чампу* и первые зачатки которого мы встречаем в палийских джатаках.

Стихотворные строфы “Гирлянды джатак” поражают применением самых разнообразных размеров, иногда украшенных причудливой рифмой.

Изопренность и украшенность поэтического стиля “Гирлянды джатак” особенно ярко выступает при сравнении ее стихов с соответствующими местами из палийских джатак.

Вот, например, Сумукха просит охотника-нишадца отпустить попавшего в сеть Бодхисаттву-лебедя:

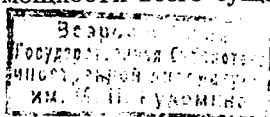
Палийская джатака

“Увидят пусть его, тобой освобожденного, отсюда улетевшего, большие стаи, министры и друзья, слуги, домоладцы и родные”.

“Гирлянда джатак”

“Тогда увидят пусть его обрадованные стаи лебедей, их предводителя, тобой освобожденного, сияющего в чистом небе, словно повелитель звезд, отпущенный владыкой дайтев”.

Или же сравним строфы из слова Айогрихи о неизбежности смерти и беспомощности всего существующего перед ней:

“Ядовитые, гневом распаленные, они (змеи) людей кусают и убивают, но смерть не смеют укусить”.

“Змеи людей кусают острыми зубами, несущими огонь смертельный яда, зажженный гневом; но даже не пытаются ужалить смерть, хотя бы стоило ее убить за зло, которое она искусно причиняет.”

“Якши, пишачи, а также преты, людей одолевают в гнев; но смерть не могут одолеть”.

“Ужасные, уродливые духи-граха, вцепившись крепкой хваткой, все жизненные силы выпивают у людей; но если смерть им предлагает схватку, теряют свою наглую, надменную хватку”.

В джатаке о Супараге мореплаватели, увидев незнакомое море, обращаются к кормчему Супараге:

“Мы видим море, похожее на простоквашу и на молоко. И спрашиваем у тебя, о Суппарака, что это за море?”.

“Что это за море, которое волнами, в пене потонувшими, словно укутано покровом белым из дукулы; как будто смех там ширится повсюду, несущий месяца лучи расплавленные”.⁶

Рядом с традиционными образами (месяц, заставляющий расцветать улыбкой лотосы; огонь с включенной гривой дыма черного; слон, подобный громаде облаков осенних, опоясанных молнией; взоры прекрасных женщин — пчелы, садящиеся на цветы; символ изменчивости, непостоянства — танцующие лианы молний, символ стойкости — покрытая снегом горная вершина, символ красоты — осенний месяц; черный цвет сравнивается с напоенными водой облаками,

⁶Д у к у л а — легкая ткань из растения того же названия. Здесь применен традиционный образ индийской поэзии: символом белизны служат молоко, лунный свет и смех Шивы.

белый — с осенними облаками; бесчисленны сравнения с лотосом: лотосы — глаза, руки, ноги, пальцы; лицо царя, отдавшего свои глаза, подобно пруду, лишившемуся лотосов; клинок меча, как лепесток голубого лотоса, и т. д. и т. п.) можно встретить поэтические образы, подсказанные автору его талантом и наблюдательностью, поражающие своей выпуклостью, зримостью. Так, лев, с испачканными кровью пастью, когтями и гривой, сравнивается с темным облаком, освещенным отблеском вечерней зари; берега озер украшены золотой нитью, свитой пальцами волн из пылицы лотосов и лилий; не спят лотосы, ласкаемые лунным светом, напоминая осколки месяца в тени деревьев; синева моря — это небо, расплавленное жаркими лучами солнца, а синее небо подобно клинку меча. Интересны сравнения и параллели, взятые из социальной жизни: заяц (стремясь принести себя в жертву) при виде пылающего костра проникся такой же радостью, как алчущий богатств при виде сокровищ; люди, произнося учтивые, но лживые и лицемерные речи, поступают, как купцы, которые идут на издержки в надежде получить прибыль.

Неоднократно пользуется автор “Гирлянды джатак” приемом поэтической аллегории. Вишвантара идет на бой против страданий, окутавших мир, вооружившись луком — состраданием и стрелами — щедростью. Панцирь кротости добродетельных делает тупыми стрелы речей злодеев. А вот как оплакивает народ Вишвантару, изгоняемого из царства: “О, если мать-земля не постыдится топоров, которым позволили срубить такое дерево, тенистое и сладкие плоды дающее, то, без сомнения, она рассудок потеряла”.

Можно привести также многочисленные примеры игры слов, основанной на одинаковом звучании различ-

ных по смыслу слов или же на различных значениях образований от одного корня.

Но не только смысловыми украшениями (*артхаланкарами*) изобилует “Гирлянда джатак”. Ее автор проявил поистине блестящее мастерство и в звуковой организации поэтического языка своего произведения.

Если палийские джатаки привлекают читателя своей безыскусной простотой, графической четкостью поэтического стиля, то “Гирлянда джатак” вызывает восхищение разработанностью поэтических образов, сложность которых иногда доходит до вычурности, обилием красочных описаний, богатством метрики и звуковой организации.

Издание русского перевода “Гирлянды джатак” открывает возможность для углубленного изучения философского содержания памятника, оценки его исторического и социального значения.

Русский перевод “Гирлянды джатак” Арья Шуры издается впервые. Ранее существовал лишь пересказ этого произведения в книге С. Ф. Ольденбурга “Буддийские легенды” (СПб., 1898). “Гирлянда джатак” была переведена акад. А. П. Баранниковым в 20-х годах. Перевод был проверен и отредактирован О. Ф. Волковой.

О. Волкова

ДЖАТАКИ,
или
СКАЗАНИЯ О ПОДВИГАХ
БОДХИСАТТВЫ

Ом!¹ Поклонение всем возвышенным буддам и бодхисаттвам!

1. Дивные и благодатные своим содержанием возвышенных качеств, восхваленья достойные, неповторимые, влекущие душу — чудесные подвиги, свершенные мудрым муни² в его прежних рождениях, — смиренно почту я поэмы своей горстью цветов!

2. Эти славные подвиги путеводными стали столбами: ими означен тот путь благой, что ведет к состоянию будды. Да снизойдет же благодать и на жестокие сердца, и да будут сказанья святого закона еще более пленительны.

3. “На благо людей!” — с этой мыслью я приложу все усилия к тому, чтоб заставить свое вдохновенье достигнуть благосклонности слуха путем беспорочным, согласным со священным писанием, а также с преданьем, изображая величие подвигов высочайшего в мире.

4. Того, кто жизнью своей на благо других достиг добродетели столь дивного блеска, недоступного для тех, кто стремится к личному благу: того, блеск славы которого в несложных словах его именования “Всеведущий” передан, того несравненного, совместно с законом святым и общиной, почту я склоненьем главы.

I ДЖАТАКА О ТИГРИЦЕ

“Наш Владыка еще в прежних рожденьях всей своей сущностью был исполнен безграничной и бескорыстной любви ко всему живому; он жил душою в каждом существе. Поэтому мы должны быть проникнуты величайшею верою во владыку Будду. Вот как повест-

вуется о следующем подвиге, совершенном владыкой в его прежнем рожденье, подвиге, восхваляемом моим учителем, почитателем трех сокровищ¹, достигшим всеобщего высокого уважения своим глубоким изучением добродетели и любви своего учителя — своей высокодобродетельной жизнью.

Владыка наш, будучи еще бодхисаттвой, в соответствии со своим высочайшим обетом, осыпал мир излияниями своего сострадания: дарами, добрыми словами, помощью и другими безупречными деяниями, проявлениями своей проникновенной мудрости. Он принял рождение в великом, высоковыдающемся брахманском роде, отличавшемся чистотою жизни вследствие преданности своим религиозным обязанностям. Очищенный надлежащим образом *джатакарманом*² и другими священными обрядами, он вырос и, благодаря природной живости ума, превосходной помощи в занятиях³, своему высокому рвению к знанию и усердию, очень быстро достиг степени учителя в восемнадцати областях знания⁴ и во всех искусствах, которые соответствовали традициям его благородного рода.

5. Был чтим он брахманами как само священное писанье, а кшатриями — словно царь их⁵; для народа был словно бог тысячеглазый⁶, для тех, кто к знанию стремился, — благодетелем-отцом.

Благодаря своей чрезвычайно счастливой судьбе он достиг поразительной славы, почестей и богатства. Но Бодхисаттва, ум которого был погружен в изучение святого закона, познавший отречение от мира, не наслаждался этими благами.

6. Разум его был прежней жизнью просветлен, он видел в наслаждениях земных источник многих зол и потому, покинув домохозяина

ашраму⁷, словно она была болезнь, своим присутствием возвышенность лесистую украсил.

7. И там своею отрешенностью, спокойствием души, столь просветленной мудростью глубокой, он словно наставлял народ, который из привязанности к злым делам утратил добродетели спокойствие.

8. Спокойствие, проникнутое дружеской приязнью ко всему живому, казалось, изливалось из него, и находило доступ в сердца зверей лесных; словно отшельники-аскеты, там жили звери хищные, забыв взаимную вражду.

9. Своею жизнью добродетельной и чистотою чувств⁸, удовлетворенностью и состраданием достиг того он, что даже незнакомым людям, живущим в мире, дорог стал, равно как и весь мир был дорог для него.

10. От скромности его желаний зависть была неведома ему: он был свободен от стремлений к наслаждению, выгоде и славе, сердца самих богов склонил он к поклонению и вере.

11. Услышав, что он сделался отшельником-монахом, люди, сердца которых привлекли к нему его высокие достоинства, оставив семьи и родных, к нему стекались и, как спасенья, добивались счастья сделаться его учениками.

12. По мере сил своих учил учеников он поведению доброму и целомудрию, обузданью чувств своих, средоточению вниманья, удалению от мира, а также углубленным размышлениям о дружелюбии и прочем⁹.

Однажды, когда большинство его учеников, число которых очень возросло, было наставлено им на прекрасную стезю спасения и достигло уже совершенства; когда народ был направлен им на благой путь отрече-

нья от мира; когда врата погибели были как бы закрыты и, напротив, путь к блаженству словно превратился в широкую царскую дорогу, Великосущный гулял в сопровождении Аджиты, своего тогдашнего ученика, среди поросших кустарником горных пещер, столь располагающих к созерцанию, желая насладиться существующим порядком вещей.

13. И увидел он в пещере горной тигрицу молодую, которая пришла в изнеможение полное от мук родильных и двигаться была не в силах.

14. От голода ее глаза ввалились, бока запали у нее глубоко; и даже на своих столь маленьких детенышей она смотрела как на пищу.

15. И с жаждой молока ее сосцов к ней приближались дети доверчиво, без страха, как к матери, — она же, как врагам, грозила им раскатами ужаснейшего рева.

16. Бодхисаттва, увидав ее, как ни был тверд он духом, от сострадания в великой скорби задрожал, как от землетрясения дрожит царь гор¹⁰.

17. Какое это чудо, что милосердные душой, способные твердость полную хранить в страданиях великих личных, — дрожат при виде самых незначительных страданий ближних!

И Бодхисаттва, в волнение повторяя слова, тут обратился к своему ученику с такою речью, проникнутой великим состраданием и проявившей чудесное величие его природы: "Милый! Милый!

18. Смотри, как лишена достоинств всех сансара¹¹! Животное ведь это от голода готово съесть и собственных детей, закон любви тем преступая!

19. Увы! О сколь ужасна себялюбия жестокость, из-за которой даже мать своих детей пожрать готова!

20. Да как же можно воспитать врага такого, как себялюбие, если из-за него мы можем сделать шаг к подобным действиям?

Пойди ж скорей и поищи где-нибудь что-либо, чем утолить ей муки голода прежде, чем она успеет погубить своих детей и самое себя. Я в это время постараюсь удержать ее от безумного поступка". И тотчас же тот ученик послушно отправился на поиски пищи. А Бодхисаттва, под этим предлогом отослав ученика, так стал размышлять:

21. "Зачем искать мне мяса у кого-нибудь другого, если мое все тело пригодно для этой цели? Удастся ли ему добыть что-либо, от случая зависит, а я возможность потерю долг исполнить свой.

К тому же:

22. Ведь бrenно, тленно и бессильно наше тело; оно является источником страданий, оно неблагоприятно и всегда нечисто. И кто не рад его употребить на благо ближних, тот не достоин называться мудрым.

23. Мы можем мимо проходить и не заметить ближнего страданий, либо когда привязаны мы слишком к наслаждениям личным, либо когда нет сил помочь. Но не могу я счастлив быть, когда страдает ближний: и если у меня возможность есть помочь, зачем стою я равнодушно?

24. Когда бы равнодушным я остался к горю даже злодея, погруженного в страдания, меж тем как у меня была б возможность облегчить их, то по совершении такого злодеянья огнем ве-

ликим бы горело мое сердце, как сухой кустарник!

25. И потому падением с утеса лишу я жизни свое ничтожнейшее тело; и тем от пожирания детей тигрицу я избавлю, а детей — от матери голодной. И более того:

26. Примером будет то для всех, кто жаждет блага мира, и поощрением пламенным для слабосильных; радостью для тех, кто сам способен на великие жертвы; для благородных сердец же — призывом увлекательным.

27. Это вызовет уныние огромных полчищ Мары¹² и радость светлую у тех, кто добродетель Будды любит; то будет посрамлением всех, погрязнувших в делах своекорыстных, себе несущих гибель себялюбием и вожделением.

28. Поднимет это веру приверженцев лучшей колесницы¹³ и в изумление повергнет тех, кто глумится над самоотверженностью; расчистит путь широкий к небу на радость тем, кто сам стремится к самоотречению.

29. “Когда же я смогу принести добро какое-либо ближним и телом собственным моим?” — таково страстное мое желанье было; и вот теперь столь близко осуществление его и достижение совершенной мудрости.

К тому же:

30. Если истинно то, что решение мое истекает не из самолюбия, не из желанья славы, не из стремления достигнуть неба иль земного царства и не из жажды вечного блаженства для себя, а только из стремленья к благу ближних¹⁴,

31. То пусть чрез это у меня не иссякает сила в одно и то же время уничтожать страдания

мира и счастье дать ему, подобно солнцу, что рассеивает тьму и миру свет дарует!

32. Войду в преданья я и обо мне рассказывать повсюду будут, когда увидят добродетели мои; творить я вечно буду благо миру и к счастью вести его”.

33. Решив так, он радости исполнился, что и кончиною своей он может ближним благо принести, и, тело бросив вниз, привел тем в изумление даже спокойные сердца богов.

Шум от падения тела Бодхисаттвы возбудил любопытство и гнев тигрицы, и она, перестав думать об умерщвлении своих детей, стала озиаться по сторонам. Увидев бездыханное тело Бодхисаттвы, она быстро подскочила к нему и стала его пожирать.

Когда же ученик его, так и вернувшийся без мяса, не видя своего учителя, стал оглядываться вокруг, он увидел бездыханное тело Бодхисаттвы, которое пожирала молодая тигрица. И хотя он был поражен великой горестью и скорбью, однако удивление перед величием необычайного подвига оттеснило эти чувства и выразилось в следующих прекрасных словах, которые как бы сами излились из его души, проникнутой преклонением перед добродетелями учителя:

34. “О сострадание великое к погрязшему в пороках миру! Сколь поразительно Великосущного пренебрежение к благу своему! О твердость добродетельных, достигшая в нем высочайшей степени, разрушившая славу громкую его врагов!

36. Как мягок от природы он и в то же время стоек, любовь, страха лишенная, которой вся основа — добродетель! О сколь высокого почтения достойно его тело, и до того великое своими добродетелями!

36. Как мягок от природы он и в то же время стоек как земля! Не мог спокойно видеть он страданий ближних! Увы, как ясно видна в этом совершенном блеске его душевной силы моя грубость.

37. Отныне мир оплакивать не должно, нашедший в покровителе таком опору твердую. Теперь Манматха¹⁵, верно, вздохи испускает, обеспокоенный боязнью поражения своего!

Да преклонимся мы перед этим Великоблаженным, защитником всего живого, исполненным всеобъемлющего сострадания, несравненным, ставшим бодхисаттвой ради живых существ". Потом он поведал о случившемся своим соученикам.

38. Тогда его ученики, лица которых просияли изумлением пред подвигом его, а также и гандхарвы¹⁶, якши¹⁷, наги¹⁸ и цари богов покрыли землю, на которой кости драгоценные его покоились, венками, украшениями, одеждами, дождем из порошка сандала...

Таким образом, еще в прежних своих рождениях Владыка наш всей своей сущностью был исполнен безграничной и бескорыстной любви ко всему живому; он жил душой в каждом существе. Поэтому мы должны быть проникнуты великой верой во владыку Будду. ["И родившаяся в нас вера во владыку Будду должна в нас пробудить величайшую радость; ибо таким образом мы как должно исправляем свою веру", — с этими словами должно нам предлагать этот рассказ. Точно так же следует с благоговением слушать святой закон, так как он достался нам лишь благодаря свершению сотен трудных подвигов. Также и в проповеди о сострадании должно сказать: "Сострадание, побуж-

дающее нас к деяниям на благо ближних, способно проявить дивное величие нравственной сущности”.]¹⁹.

II ДЖАТАКА О ЦАРЕ ШИБИ

Этот благой закон приобретен для нас Владыкой ценою сотен тяжких подвигов, поэтому должно с благоговением слушать его. Вот как об этом назидательно повествуется: некогда наш Владыка, бывший еще Бодхисаттвою, благодаря накопленному и усвоенному им в своей деятельности, длившейся в течение неизмеримо долгого времени, множеству заслуг, был царем племени Шиби. Его всегдашнее глубокое почтение к старшим, которое он проявил с самой юности, и высокая благовоспитанность привлекли к нему любовь народа; его ум, благодаря своей природной силе, был обогащен изучением многих наук; он был исполнен энергии, благоразумия и силы, и счастье во всем сопутствовало ему. Своим народом он правил, как родными детьми.

1. Потоки добродетелей, что соответствуют триаде¹, казалось, обитали в нем в соединении радостном и не теряли своего великолепия, хоть их различия могли бы к столкновеньям привести.

2. И счастье, которое является насмешкою для тех, кто высоты достиг путем бесчестным, злым бедствием для глупых и опьяняющим напитком для душевнослабых, поистине там было тем, что этим именем обозначать нам должно.

3. Душою благородной одаренный, состраданья полный и весьма богатый, сей лучший из царей с великим наслаждением взирал на лица нищих, что яркой радостью сияли, когда он их желанья исполнял.

И вот этот царь по своей щедрости повелел устроить всюду в городе дома бесплатной раздачи всего необходимого: зерна, всякого добра и разнообразной утвари. И, пролив, подобно облаку Критаюги², достоинством своим высоким дождь даров, желанья каждого исполнил, чего бы кто ни захотел, с поспешностью дары сопровождая ласковыми словами. Нуждающимся в пище он предоставлял пищу, жаждущим он предлагал питье, иным давал постели, сидения, платья, лакомства и благовония, венки, серебро, золото, — каждому давал то, в чем тот чувствовал нужду. И когда молва о дивной щедрости царя распространилась повсюду, то люди, жившие в самых отдаленных концах земли, с великим изумлением и радостью в сердцах, устремились в эту страну.

4. Духовным взором обойдя весь мир, ни в ком не встретивши к себе расположенья³, бедняки, сияя радостью, к нему стремились, словно слоны лесные — к озеру большому.

Исполненные радости, в надежде на щедрое даяние, отовсюду нищие стекаться стали, и хоть они в своих дорожных запыленных одеждах выглядели непривлекательно, царь,

5. Глаза которого от радости раскрылись широко, встречал их, как друзей своих, вернувшихся издалека, и с удовольствием выслушивал их просьбы, будто радостные вести. Исполнив просьбы же, доволен был он более просивших.

6. Как ветер далеко разносит ароматы, так и молитва тех бедняков распространила славу о щедрости его и сбила тем надменность всех других царей, как запах слона, что источает маду, лишает гордости других слонов⁴.

И вот однажды тот царь, обходя поочередно один за другим все свои благотворительные заведения и уви-

дев лишь незначительное количество нуждающихся, ибо все уже были удовлетворены, остался недоволен, так как лишен был возможности далее проявлять щедрость...

7. Бедняк-проситель, к нему явившись, свою лишь жажду утолял, а он, просителей встречая, удовлетворенья щедрости своей не получал. Так сильно было в нем стремление к щедрости, что массой просьб своих они не в состоянье были стремление это победить.

И у царя явилась мысль: "Поистине блаженны те избранные среди праведных, к которым нуждающиеся доверчиво и без стеснения обращаются со своими просьбами, даже если они касаются их тела. Ко мне же нуждающиеся, словно испугавшись суровых слов отказа, приходили лишь с робкими просьбами об имуществе".

8. Узнав о размышлении столь высоковозвышенном царя, проистекавшем из стремления к подаянью, что победило даже любовь естественную к телу своему, сама великая земля, подобно любящей супруге, содрогнулась.

Когда же от землетрясения задрожал сияющий блеском различных сокровищ царь гор — Сумеру, Шакра⁵, владыка богов, стал размышлять о причине этого. Постигнув, что причиной землетрясения была лишь высочайшая мысль того царя, он исполнился глубокого, сердечного изумления и подумал:

9. "Да подлинно ли это так? Действительно ли этот царь, чья мысль в стремлении блаженном к жертвам заходит так высоко, с готовностью глубокой жертвовать настолько тверд в решении своем, что может он отдать и тело собственное?

Попробую я его испытать!"

И вот однажды царь сидел в собрании в своем приемном зале, окруженный советниками. Когда раздалось обычное приглашение: “Кто из нуждающихся желает чего?”, — когда были открыты охранявшиеся казначеями запасы драгоценных камней, золота, серебра, денег; когда раскрыты были сундуки, наполненные разнообразными одеждами; когда было доставлено много прекрасных разнообразных колесниц, в которые были запряжены разные великолепные выезженные животные, и когда нахлынул поток нуждающихся, Шакра, владыка богов, своей чудесной силою приняв вид старого слепого брахмана, явился перед глазами царя. Взор царя, спокойный, ясный и милостивый, исполненный сострадания и дружелюбия, словно встретил и обнял его. В ответ на вопрос царских слуг: “В чем твоя нужда?” — Шакра-брахман приблизился к царю и, после приветствия и благословения, обратился к нему с такими словами:

10. “Я стар и слеп, пришел издалека, молю: дай глаз один мне, величайший из царей! Чтоб править миром, о лотосокий повелитель, тебе достаточно и одного ведь глаза”.

И Бодхисаттва почувствовал прилив высокой радости: осуществлялось ведь его заветное желание! Но потом, однако, в нем сомнение возникло: “Действительно ли, — думал он, — сказал брахман эти слова, или же мне так послышалось вследствие того, что я многократно представлял себе возможность этого?” И он, всем сердцем жаждавший услышать дорогие слова просьбы о глазе, обратился к просителю-брахману:

11. “Кто научил тебя прийти сюда, о лучший из брахманов, и обратиться с просьбою о глазе? Пословица ведь говорит: “С оком разлука — великая мука”. Кто же столь высоко мыслит обо мне?”

Тогда, постигнув намерение царя, Шакра, повелитель богов, носивший личину брахмана, сказал так:

12. “То Шакра! Образ Шакры надоумил меня, и я пришел сюда к тебе, чтобы обратиться с просьбою об оке. Пусть не бесплодной будет его вера и моя надежда! О, дай мне око!”

Услышав имя Шакры, царь подумал: “Конечно, по воле божества, брахман таким путем получит очи, себе на радость”. И с этой мыслью обратился он к брахману с такою речью, в которой светилась радость:

13. “Твое желание, которым приведен ты был ко мне, исполню, брахман, я. Тебе, просящему один лишь глаз, отдам я оба!”

14. И ты с лицом, украшенным, как лотосы, расцветшими очами, иди тогда куда тебе угодно! И все, кто будут на тебя смотреть, как бы качаться будут на сомнения качелях: “Да подлинно ли это он?.. Иль нет?” — И в радостном потом ответят изумленье: “Да это он, действительно!”

Тогда министры царя, узнав о его решении отдать свои глаза, до глубины души смущенные, взволнованные и опечаленные, обратились к нему с такими словами:

15. “Ты в радостном стремлении к жертвам не заметил, что совершить готов неверный шаг, который нам грозит последствиями злыми. Будь милостив, о государь, не нужно поступать так! Не должен отдавать ты очи!”

16. Ты ради одного лишь брахмана пренебрегать не должен нами! О, перестань же жечь огнем глубокой скорби свой народ, тобою к процветанью приведенный!

17. Дари источник процветанья — деньги — всем, блестящие и дорогие камни, иль коров;

давай им колесницы с упряжками обѣзженных коней, давай слонов, сияющих красой и силою, могучих в течке!

18. Дари дома, приятные в любое время года, что красотою превосходят облака осенние; дома, в которых раздается звон колец у женщин на ногах, — но не давай своих очей, о ты — единственное око мира!

И сверх того, великий государь, ты должен принять во внимание следующее:

19. Каким путем глаз одного другому вставить можно? И если б даже сила божества могла то сделать, то разве непременно нужен здесь твой глаз?

И далее, о государь:

20. Что пользы бедняку от зренья? Что сможет наблюдать? Чужое счастье? Поэтому ты лучше денег дай ему. О государь, остерегись свершить ты безрассудство!”

Тут царь к министрам обратился с такою мягкою увещающею речью:

21. “Кто скажет “дам” и станет помышлять о том, как бы не дать, тот петлю жадности в душе своей завязывает снова, едва лишь распустив ее.

22. “Я дам!” — кто обещает, а затем решение изменит, от жадности колеблется в своем уме, — кто хуже может быть такого человека?

23. Кто укрепит просящего надежду своим “я дам”, вину за слово грубого отказа тот никогда не сможет искупить!

Что же до вашего соображенья: “Почему бы не исцелиться его глазу силой одной лишь воли богов?” — то я скажу на это:

24. Да разве неизвестно всем, что для осуществления намерений необходимо много средств, и потому судьба, хоть и божественна, нуждается ведь в помощи других!

Поэтому вы не должны стараться отклонить меня от моей решимости к великой жертве!”

Министры сказали: “О государь! Благоволи дать ему денег, хлеба и драгоценных камней, но никак не свое око, таков наш совет. Ведь этим мы не увлекаем государя на неправый путь!”

Царь сказал:

25. “Должно давать лишь то, что просят. Какая радость получить, что не желаешь? К чему вода тому, кого уносят волны? Вот почему я дам ту вещь, которую он просит”.

Тогда первый министр, который пользовался особой любовью и доверием царя, побуждаемый глубокою любовью, обратился к нему с такими словами, пренебрегая даже соблюдением должного почтения:

“О, не делай этого, государь!

26. Есть царство у тебя, которое своим благополучьем может поспорить с царством Шакры, которое приобрести лишь созерцанием и подвигом тяжелым можно; им обладая, ты достигнуть можешь, свершивши сотни жертв, и славы, и небес; а ты теперь пренебрегаешь тем, что есть, и хочешь очи сам отдать свои. С какой же целью, почему? Как можно поступать так?

27. Своими жертвами достиг ты места среди богов, своею славою сияешь всюду! Смотри же, на ногах твоих ведь виден отблеск сияющих корон других царей! Чего еще стремишься ты достигнуть, когда даешь свои глаза?”

И царь обратился к министру с такой ласковой речью:

28. “Я этим не стремлюсь достичь владычества над всей землей, ни неба, ни конечного спасения, ни славы: спасти весь мир — единственная цель моя. Напрасной да не будет мука мольбы его, которую он обратил ко мне”.

После этого царь велел вынуть глаза. Когда осторожно и согласно указаниям врачебной науки был вынут совершенно невредимым один глаз, чарующая прелесть которого напоминала лепесток голубого лотоса, он с величайшей радостью отдал его просившему. Тогда Шакра, владыка богов, сотворил своею чудесною силою так, что царь со всеми окружающими увидел, как его глаз вошел в глазную впадину. Сердце царя, когда он увидел, что его око расцвело у выпросившего его слепца, наполнилось величайшей радостью, и он отдал ему также и другое око.

29. Когда царь отдал очи, лицо его подобным стало пруду, лишившемуся лотосов. Но горожане радости его не разделяли. Брахман же смотрел совсем здоровыми очами.

30. Повсюду во дворце и в городе его земля орошена была слезами скорби. А Шакра изумления преисполнился и радости высокой, увидев, как тверд, непоколебим был царь в своем стремлении к совершенной мудрости.

И сердце Шакры было полно изумления, и он размышлял так:

31. “О стойкость! О доброта! Высокое стремление к благу всех живых! Хоть этот подвиг был перед моими же очами совершен, с трудом в него поверить можно!

Поэтому сей муж столь дивной доброты не должен долго терпеть страдания, я постараюсь вернуть ему глаза, указав средство для этого”.

И вот, когда постепенно зажили раны на месте глаз царя, значительно ослабела и перестала чувствоваться скорбь крестьян, горожан и обитателей дворца, царь в стремлении к полнейшему уединению сидел однажды, скрестив ноги, в своем загородном парке на берегу заросшего лотосами пруда, окруженного чудеснейшими деревьями, склонившимися под тяжесть цветов; приятный ветерок навевал прохладу и нес нежное благоухание; рой пчел наполнял воздух однообразным жужжанием. И перед царем предстал Шакра, владыка богов. На вопрос царя: “Кто это?” — он сказал:

32. “Я — Шакра, владыка богов, я пришел к тебе”.

Царь сказал:

“Добро пожаловать. Благоволи сказать, что тебе угодно”. Встреченный таким приветствием, Шакра снова обратился к царю:

33. “О царь: святой мудрец, дар выбирай себе! Скажи, чего ты хочешь”.

Но царь, привыкший расточать дары и не вступавший никогда на скорбный путь печальных просьб, с удивлением и достоинством сказал:

34. “Богатства велики мои, и армии огромны и сильны, но из-за слепоты теперь хочу, чтоб смерть пришла моя.

35. Исполнил я желанья всех, кто с просьбой обращался, и теперь, когда не вижу я ни лиц, ни их очей, открывшихся широко от радости, веселья, — теперь желанна смерть мне, Индра!”

Шакра сказал:

“Оставь, оставь свое намерение! Ведь лишь истинно добродетельные люди достигают такого состояния, как твое. Я снова обращаюсь к тебе с вопросом:

36. Ведь в это состоянье приведен ты теми, кто обращался с просьбой. Так почему же и теперь твое привязано к ним сердце? Скажи же слово. Не надо скрытничать, ты можешь встать на путь другой, оставив это состоянье”.

Царь сказал:

“Почему ты настойчиво заставляешь меня хвастаться? Однако да услышит богов владыка!

37. Если и прежде и теперь еще молящие слова просителей приятны мне всегда, как будто бы слова благословенья, то пусть одно мне око возвратится!”

Едва успел царь промолвить эти слова, как силою его врожденной постоянной правдивости и множества накопленных высоких заслуг у него явилось одно око, как прекрасный лепесток лотоса, со зрачком подобным кусочку сапфира. Радуюсь всем сердцем такому чудесному появлению одного глаза, царь снова обратился к Шакре:

38. “Тому, кто у меня просил одно лишь око, я с радостью отдал сам оба; и если правда, что в моей душе одно высокое лишь было ликование и радость, то пусть же явится другое око у меня!”

Едва лишь успел царь произнести это, как появилось у него, словно соперничая с первым, и другое око.

39. Тогда земля и небо задрожали, и, выступив из берегов, повсюду океан разлился, и низкими, приятными тонами звучали в небесах литавры небожителей.

40. И дивная небес краса вокруг сияла безмятежной лаской, блистало солнце ярко, словно осенью; с небес посыпались различные цветы,

окрашенные порошком сандала, что в воздухе носился.

41. Сбежались небожители туда с раскрытыми от изумления очами, за ними ганы⁶ и апсары⁷, подул приятный, нежный ветерок; в сердцах всего живого радость расцвела.

42. Со всех сторон слышались прекрасные напевы, с восторгом восхвалявшие высокий подвиг тот царя. Так гимны воспевали толпы существ могучих, полных радости и изумленья:

43. “О благородство! Состраданья глубина! Смотрите, чистотой какой его душа сияет! О дух, столь безразличный к личным наслаждениям! Хвала тебе, возвышенная стойкость, мужество!

44. Поистине нашел весь мир в тебе надежную защиту, когда твой чудный лотос-глаз, вновь пробужденный, засиял! О, никогда не могут быть напрасны великие сокровища святых заслуг: в конце всего святая праведность великую победу одержала!”.

И Шакра повторял, выражая свое одобрение: “Прекрасно, как прекрасно!” Потом он снова обратился к царю:

45. “Нам не осталась неизвестной чистая твоя душа, и потому, о царь, тебе я очи возвратил твои.

46. Они дадут тебе неразрушимую способность видеть все вокруг на сотню йоджан⁸, хотя бы скрытое горами”.

Сказав так, Шакра тотчас же исчез.

После этого Бодхисаттва, сопровождаемый приближенными, глаза которых, широко раскрытые от удивления, преисполнившего их сердца, с трудом могли мигать, привлекая взоры горожан, прославляемый

и благословляемый брахманами, вступил в столицу, сиявшую великим торжеством, разукрашенную разноцветными флагами и развевающимися знаменами. И, воссев на трон в зале, куда явились для выражения своей преданности главный министр, брахманы и старейшины горожан и селян, стал проповедовать святой закон, приводя в пример то, что случилось с ним:

47. “Кто в мире будет медлить своим богатством просьбы бедняков удовлетворить, увидев, как заслугой щедрости своей я получил чудесной силой наделенные глаза?”

48. На сотню йоджан все вокруг, и даже то, что скрыто за горами, я вижу всюду ясно, как будто это предо мною.

49. Какой путь к счастью может лучше быть, чем щедрости, рожденной состраданием к ближним и скромностью, если, отдав человеческие очи, я здесь еще смог получить чудесные глаза?

50. Шибийцы! Зная это, используйте свои богатства на даянья и получайте этим наслажденья — ведь это лучший путь и к счастью, и к славе как здесь, так и в грядущем мире.

51. Богатств единственная ценность — хотя бы и ничтожных, — в том, что стремящийся ко благу мира отдать их может: ведь то, что отдается, обращается в сокровище, а что не отдается, тому один конец — уничтожень⁹.

Таким образом, “этот благой закон добыт для нас владыкою ценою сотен тяжких подвигов”, и потому должно с благоговением слушать его.

[Этот рассказ следует приводить, как и предшествующий, говоря о великодушии Татхагаты, а также поучая состраданию и показывая, что награда за добрые дела последует уже здесь, в этом мире, причем

должно сказать: “Заслуги — эти приятные цветы растущей славы, — благоговейно собранные при помощи добрых дел, уже здесь проявляют свое влияние”.]

VII ДЖАТАКА ОБ АГАСТЬЕ

Героическое проявление щедрости является украшением даже лесных отшельников, а тем более домохозяев.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Будучи еще Бодхисаттвой и шествуя на благо мира по пути перерождений, Владыка осчастливил своим рождением великий брахманский род, отмеченный среди других своей хорошей жизнью, добродетелями и чистотой; он был украшением всей земли, подобно тому как поднявшийся высоко полный месяц осенью украшает небо своим ярким диском. Над ним были исполнены в надлежащем порядке различные священные обряды, предписанные священным писанием и священным преданием, — *джатакарман* и так далее; изучив *Веды* с *Ангам*¹ и весь ритуал, он наполнил весь мир славой о своей учености; благодаря же богатствам, которые он собрал, обращаясь к щедрым людям, ценившим высокие моральные достоинства, он составил значительное состояние.

1. Как облако большое, над страной дождем пролившись, так он своим богатством всем нес радость — родным своим, и близким, и друзьям, и людям, жившим под его защитой, — всей толпе несчастных бедняков, а также и наставникам и почитаемым гостям своим.

2. Блеск его славы, что ученостью своей он приобрел, сиял еще сильнее от дивной щедрости его: так совершенная краса луны становит-

ся еще прелестней, когда она прояснена осенней ночью.

Но вот Великосущный постиг, что состояние домохозяина является источником греховности и тесно связано с деяниями дурными, оно — причина упования мирскими делами и пренебрежения к религиозному долгу, оно причиняет беспокойство, вынуждая заниматься приобретением имущества и его охраной; оно — мишень для сотен стрел пороков и страстей, противных успокоению; оно изнурительно, так как связано с исполнением множества деяний, и в то же время не дает удовлетворения. Узревши также, что отречение от всего земного, столь благостное и свободное от всех этих пороков, благоприятное для выполнения религиозных обязанностей, является тем состоянием, в котором можно приступить к осуществлению святых законов правды, ведущих к освобождению, он, отбросив, как траву, свое богатство, приобретенное им без особенных усилий и привлекательное для него лишь тем, что благодаря ему он пользовался уважением среди народа, весь отдался аскетизму — отречению от мира и строгому исполнению обетов. Однако, хотя Великосущный и ушел из мира, благодаря чудесному сиянию его славы, воспоминаниям о его прежнем восхвалении, отличавшему его спокойствию и преклонению перед высокими достоинствами, народ, привязанный к нему всем сердцем за его многочисленные добродетели, в своих исканиях спасения стремился к нему так же, как и прежде. Он же, избегая подобных встреч с мирянами, как нарушающих высокое блаженство уединения и служащих препятствием к освобождению от страстей, в своей любви к уединению удалился из прежних мест и украсил дивным сиянием своего подвижничества остров Кара². Остров этот находился далеко в Южном океане. Берега его были одеты

гирляндой шаловливых волн, которые, колыхаясь от ветра, сверкали, как темно-синие куски смарагда; земля на острове покрыта была чистым белым песком; он был разукрашен различными деревьями, а на их ветвях красовались цветы, побеги и плоды; недалеко от берега находилось озеро с прозрачною водой.

3. И, сильно исхудавший от тяжких подвигов, сиял он там, прекрасный, как на небе сияет тонкий месяц молодой, очарованья полный.

4. Подобно мудрому отшельнику, он жил в лесу, весь погруженный в исполнение обетов и подвигов, все чувства, действия его спокойны были благодаря спокойствию души; и звери дикие, и птицы понимали это, насколько позволял им слабый ум, и подражали в действиях своих ему.

Но в это время Великосущный, сохранивший, даже живя в лесу отшельником, старую привычку к подаяниям, продолжал почитать являвшихся к нему по временам гостей собранными надлежащим образом кореньями и плодами, чистой водой и сердечными, приятными речами приветствий и благословений, приличествующих отшельнику-аскету. Сам он пищу принимал в количестве, необходимом лишь для поддержания жизни, и питался только остатками скудной лесной пищи после угощения гостей.

Слава о его поразительных подвигах распространилась повсюду и привлекла сердце Шакры, владыки богов; и он, желая испытать стойкость Великосущного, заставил постепенно исчезнуть в этой лесной пустыне все употребляемые отшельником в пищу коренья и плоды. Однако Бодхисаттва, мысли которого были поглощены созерцанием, привыкший к чувству удовлетворенности, равнодушный к внешнему миру и потому безразличный к еде и своему телу, не обратил

даже внимания на причину исчезновения всего. Приготовив на огне нежные листья деревьев, он ел их, не желая ничего другого, не стремясь к лучшей пище, и проводил время в таком же спокойствии, как и раньше.

5. Нигде не будет затруднений в пище того, кто верен обету удовлетворенности. Где же не найти травы, иль листьев, или пруда с водой?

Шакра, владыка богов, был еще более изумлен таким поведением Бодхисаттвы, и глубокое уважение к его добродетелям стало в нем еще сильнее. Для нового испытания он снял, подобно знойному ветру в летнюю жару, всю массу зелени со всех кустарников, трав и деревьев в той местности в лесу, где Бодхисаттва жил. И Бодхисаттва, собрав еще свежие опавшие листья, питался ими, нисколько не падая духом, и, всем сердцем наслаждаясь блаженством созерцания, он проводил там время, словно питаясь амритой³.

6. Ведь скромность образованных и бескорыстие богатых, аскетов удовлетворенность, в лесу живущих, — вот наилучший путь украсить добродетели свои.

Тогда Шакра, удивление которого еще более возросло от этой необыкновенной постоянной удовлетворенности, словно раздраженный этим, предстал перед ним как гость под видом брахмана, как раз в то время, когда Великосущный, совершив, согласно своему обету, жертвоприношение *агнихотра*⁴, шептал последние молитвы и озирался, желая увидеть гостя. И Бодхисаттва, чье сердце исполнилось радости, приблизился к брахману и после предварительных приятных слов приветствия пригласил его откусать, возвестив, что настало время принятия пищи. И, заключив из молчания гостя, что его приглашение принято, Великосущный

7. От радости глубокой, что сможет проявить свою щедрость, расцвел прекрасным ликом, расширились его глаза, и, гостя ласково приветствовав словами нежными, приятными для сердца и для слуха, ему он пищу всю свою отдал, добытую с таким трудом, а сам как будто радостью одной насытился.

И вслед за этим он, войдя в свой дом для созерцания, провел тот день и ночь в великой радости. И вот Шакра являлся перед ним подобным же образом во время, предназначенное для исполнения обета [гостеприимства], и во второй, и в третий, и в четвертый, и в пятый день. И Бодхисаттва со все возрастающей радостью ему постоянно оказывал почтение.

8. У добрых ведь стремление к даяниям, которое основано на постоянном проявлении сострадания, не ослабевает малодушно даже из-за смертных мук.

Тогда сердце Шакры исполнилось глубочайшего изумления, и он постиг, что если только Бодхисаттва возымеет желание, он в силу своих несравненных подвигов сможет достигнуть даже блеска дивного — владычества над самими богами; в сердце Шакры зародились опасения и заботы, и он, приняв свой полный божественной красоты облик, обратился к Бодхисаттве с вопросом о причине его подвигов:

9. “Оставив дорогих родных в слезах и состояние свое, источник наслаждений, — куда забросил ты крючок своих надежд, сам опираясь на эти тяжкие страдания — подвиги?”

10. Презрев легкодоступные улады жизни, повергнув в скорбь родных, их оставляют мудрые ведь не по прихоти пустой и сами отправляются в леса отшельников, далекие от наслаждений.

11. Коли находишь ты возможным это мне сказать, благоволи ты утолить мое большое любопытство: что же за цель то, высокие достоинства которой даже твой прельщают ум?”

Бодхисаттва сказал:

“Да услышит господь, что является целью моих стремлений.

12. Повторные рожденья — зло ужасное, а также — старости несчастье и различные тяжелые болезни; а мысль о неизбежной смерти рассудок помутить способна. От этих зол спасти весь мир — вот я к чему стремлюсь!”

После этого Шакра, владыка богов, понял, что Бодхисаттва стремится не к его божественному великолепию, и успокоился в своем сердце; ум его был умилен прекрасными словами Бодхисаттвы, и, с похвалой назвав речь его прекрасной, он предложил ему выбрать желанный дар:

13. “Отшельник Кашьяпа⁵, я за твои прекрасные достойные слова тебе дам все, чего бы ты ни пожелал, так выбирай же!”

В ответ на это Бодхисаттва, равнодушный к счастью и наслаждениям бытия и считая неприятным обращаться с просьбами, так как он был весь проникнут удовлетворенностью, сказал Шакре:

14. “Если ты хочешь дать мне милостивый дар, то выбираю я, о лучший из богов, такой дар:

15. Жадности огонь, который жжет не знающие удовлетворенья сердца тех, кто получил желанную супругу и детей, достиг богатства и могущества — и даже больше, чем желал, — да не проникнет в мое сердце”.

Тогда Шакра, умиленный еще в большей степени его стремлением к удовлетворенности, так ярко выра-

женным в его прекрасно сказанных словах, снова обратился к Бодхисаттве и, похвалив его возгласом: “Прекрасно! О, прекрасно!” — предложил ему выбрать еще один дар:

16. “Отшельник! Я в награду за твои прекрасные, достойные слова с высокой радостью даю тебе еще дар”.

Тогда Бодхисаттва, под предлогом просьбы о желанном даре, имея в виду показать трудность достижения освобождения от врожденных дурных страстей, снова дал ему наставление в законе:

17. “Желанный если дар ты мне дашь, о Васава⁶, вместилище достоинств чудных, то выбираю я ничуть не худший дар другой, о величайший из богов:

18. Да будет ненависти пламя, которое, как враг, созданными овладевая, заставить может их прийти к утрате всех богатств и к осквернению касты и блага доброй славы, да будет пламя то далеко от меня”.

Услышав это, Шакра, повелитель богов, с изумлением выразил свою похвалу: “Прекрасно! О, прекрасно!” — и снова обратился к нему:

19. “Поистине возлюбленной подобна слава, она сопровождает всюду тех, кто мир покинул! За эти дивные слова свои ты получи здесь от меня еще другой желанный дар!”

Тогда Бодхисаттва по своей вражде ко врожденным дурным страстям, выражая порицание общению с существами, зараженными этими страстями, как бы принимая предложенный дар, сказал:

20. “О, сохрани меня ты от несчастья слушать где-нибудь глупца, иль на него смотреть и говорить с ним! Не дай мне испытать тяже-

лый гнет совместной жизни с ним! Сей дар я выбираю, его я у тебя прошу”.

Шакра сказал:

21. “О, без сомнения, в беду попавший человек особенно достоин сострадания добрых; глупость ведь корень всех несчастий, а потому она и есть страшнейшее несчастье.

22. Но почему же ты, столь сострадательный, не хочешь даже видеть глупого — того, кто больше всех других достоин сострадания?”

Бодхисаттва ответил:

“По причине его неизлечимости, о господин. Пойми, владыка:

23. О, если б глупого возможно было излечить тем иль иным путем, то разве человек, подобный мне, не приложил бы всех усилий ради его блага?

Но человек такой, должен ты понять, совершенно недостоин, чтоб принимались за его лечение.

24. Он поступает недостойно, но считает праведным такое поведение, и потому других направить на превратный путь стремится; он не привычен к скромности и честности пути и гневом закипает, когда дают ему благой совет.

25. Когда такое существо, жестокое в своей ужасной злобе, безумьем восплает от уверенности в мудрости своей и обнаглеет от недостатка скромности и воспитания, скажи, какое средство есть тогда к добру его направить?

26. По этой-то причине, от невозможности помочь, о бог великий, те, кто склонен к состраданию, встречаться с глупым избегают, поскольку он неизлечим!”

Услышав это, Шакра, одобрил его слова возгласом: “Прекрасно! О, прекрасно!” — и, изумленный, вновь сказал:

27. “Никто не может оценить сокровище — прекрасно сказанное слово; но в радости своей я словно горсть цветов даю тебе теперь — возьми же дар желанный!”

После этого Бодхисаттва, желая показать, что добродетельный может быть счастлив во всех пожеланиях, обратился к Шакре с такими словами:

28. “Хотелось бы мне видеть мудрого, его послушать, а также жить с ним вместе, Шакра! Хотел бы с ним вести разумные беседы: сей дар ты дай мне, лучший из богов!”

Шакра сказал:

“Мне кажется, ты слишком уж привержен к мудрым. Скажи однако мне:

29. Что сделал мудрый для тебя? Скажи, о Кашьяпа, причину, зачем ты, как немудрый, так стремишься видеть мудрых?”

Тогда Бодхисаттва, желая показать ему величие добродетельных, сказал:

“Да узнает господин, почему мое сердце стремится видеть мудрых!

30. Ведь мудрый сам идет путем благим, а также и других ведет дорогой той же; слова, как ни были б они суровы, в нем раздражения не вызывают, коль сказаны они ему на благо.

31. Всегда украшен мудрый скромностью и прямотой, всегда принять во благо сказанное может, и так как дух мой сам стремится к добродетели, то он склоняется к сторонникам добра”.

Тогда Шакра выразил свое одобрение словами: “Прекрасно! О, великолепно!” — и с возросшей ми-

лостью он предложил Бодхисаттве избрать себе еще дар:

32. “Конечно, ты достиг всего, приобретаешь душевное удовлетворенье, но окажи мне милость и благоволи еще один ты дар принять.

33. Ведь милость, что предложена с любовью, с надеждой помощь оказать по мере сил своих, становится источником страданий тяжких, когда она отвергнута!”

Тогда Бодхисаттва, увидев великое стремление Шакры проявить свою милость и желая сделать ему благое и приятное, показывая всю силу своей жажды проявлять щедрость, сказал:

34. “Пусть пища дивная твоя, свободная от пагубы и разрушенья, и сердце, что сияет решимостью быть щедрым, а также просящие, украшенные чистым поведением — да будет это все мое! Сей лучший дар я выбираю!”

Шакра сказал: “Ты — целая сокровищница прекрасных речей!” — и далее он произнес:

35. “Как ты просил, все так и будет, и сверх того тебе даю я новый дар за то прекрасно сказанное слово”.

Бодхисаттва сказал:

36. “О, если хочешь даровать мне дар благой, являющий твое расположение, о превосходнейший из всех живущих в небе, то не являйся мне опять в таком сиянье дивном — сей дар я выбираю, сокрушитель дайтьев⁷¹!”

Тогда Шакра, как бы раздраженный, в изумлении сказал: “Не говори так, господин!

37. Народ весь жаждет лицезреть меня, стремясь достичь того путем молитв, обетов, жертв и изнурительных тяжелых подвигов. Ты ж этого не хочешь. По какой причине? Ведь

я пришел сюда с желанием дар предложить тебе”.

Бодхисаттва сказал: “О, откинь свое недовольство! Тебя я успокою, о повелитель богов! Это не есть ни недостаток учтивости, ни выражение недостаточно высокого почтения, ни желание больше не встречаться с тобой в одном и том же месте, о владыка! Напротив!

38. Когда я созерцаю дивный образ твой, нечеловечески прекрасный и полный ясной прелести, сияющий небесным блеском, меня охватывает опасенье: “О, как бы не забыть о подвигах своих!” — боюсь я даже вида твоего, столь милостиво благосклонного!”

После этого Шакра, поклонившись Бодхисаттве и обойдя его с почтением слева направо, исчез. На рассвете Бодхисаттва увидел большое количество небесной пищи и питья. Это было ниспослано силою Шакры. И увидел он также много сотен *пратьекабудд*⁸, явившихся по приглашению Шакры, и много божественных юношей, высоко опоясанных поясами, готовых служить им.

39. Отшельник мудрый, угостив той пищей и питьем великих риши⁹, пришел в возвышенную радость, а потом он наслаждался жизнью, отшельнику приличною, все время проводя там в исполнении обетов несказанных, созерцание и спокойствии души.

Таким образом, “героическое проявление щедрости является украшением даже лесного отшельника, а тем более домохозяина”. Помня об этом, добродетельные должны украшать себя героизмом в делах милосердия.

[Эту джатаку следует приводить, говоря о несравненной радости щедрого человека, при порицании жадности, ненависти, ослепления и глупости, говоря о добродетелях, развивающихся от общения с прекрасны-

ми друзьями, о чувстве удовлетворенности и о величии Татхагаты¹⁰.

Таким образом, даже в своих первых рождениях наш владыка был дивным кладезем сокровищ — прекрасных слов; тем более, когда он достиг просветления.]

VIII ДЖАТАКА О МАЙТРИБАЛЕ

Сокрушаясь о страданиях ближних, высокострадательные не обращают внимания на собственные удовольствия. Вот как об этом назидательно повествуется:

Некогда Бодхисаттва, всегда направлявший все свои помыслы на спасение мира, отдался всей своей высокой душой состраданию, и, преуспевая в возвышенных добродетелях, способных облагодетельствовать мир, таких, как щедрость, смирение, самообуздание, благожелательность и так далее, всем сердцем исполненный дружелюбия ко всему живому, был царем по имени Майтрибала.

1. Случалось ли несчастье или радость у его народа, все это царь переживал, как личное свое: умел искусно он народ свой охранять; и потому, смотря по обстоятельствам, за меч он брался или за законы¹.

2. Но меч его служил лишь украшением; ведь приказаниям его цари внимали, почтительно склонившись пред ним; закон же ярко проявлялся в мудрых мерах, несущих людям благо.

3. И, применяя наказание или поощрение, не нарушал он этим справедливость. Все помыслы направив на добро, весьма искусный в

управление царством, он, как отец, вникал в дела народа.

В то время как он столь справедливо охранял народ свой, стремясь всем сердцем доставить ближним счастье правдивостью и щедростью, спокойствием и мудростью, и тем преуспевал в необычайных и возвышенных деяниях своих, служащих средством для достижения состояния *бодхи*², в царство его пришли однажды пять якшей оджохара³, привыкших убивать других и изгнанных царем⁴ из царства якшей за какую-то провинность. Увидев, что в этом царстве, благодаря отсутствию всяких бедствий, народ живет в довольстве и радости и в полном благополучии, проводя время в постоянных разнообразных празднествах, они возымели желание лишить жителей этой страны силы.

4. Но хоть и с крайним напряжением взялись они за дело, однако же у жителей страны той силу не смогли отнять.

5. Могущество царя столь поразительно огромно было, что мысль его "мое" высокою защитой становилась; и оттого они не в состоянии были лишить кого-нибудь в стране той силы.

Когда, несмотря на величайшие усилия, они не смогли отнять силу у кого-нибудь из жителей этой страны, то стали так говорить между собой:

"Да что бы это могло значить, друзья?

6. Ведь нет у них особых преимуществ в знанье, в волшебной силе или подвигах, при помощи которых они могли бы противодействовать великой нашей мощи; и все ж пришли сегодня мы к тому, что наше имя "оджохара" бессмысленным казаться стало".

И вот те якши, приняв вид брахманов и блуждая по стране, увидели вдруг некоего пастуха, живущего в лесу; он сидел на зеленой траве у подножия тенистого

дерева; на ногах его были башмаки, на голове — венчик, сделанный из цветов и побегов лесных деревьев; направо от него лежали его палка и топор. Он был один и занимался тем, что вил веревку, напевая себе под нос веселую песенку.

Приблизившись к нему, они сказали: “Тха-тха-тха, да-да, ка-ка-ка-ка! Эй ты, защитник коровий! Как же не боишься ты, живя один в этом глухом, безлюдном лесу?” Тот, взглянув на них, сказал: “Чего же мне бояться?” Якши сказали: “Разве ты не слыхал еще, что якши, ракшасы⁵ и пишачи⁶ жестоки по своей природе?”

7. Ведь даже находясь в толпе друзей, вооружившись знанием, подвигами и *свастья-твояной*⁷, от них едва ль найдет спасенье человек, хотя бы, как герой, он презирал опасность.

8. Они ведь пожирают человеческое мясо. И как ты не боишься ракшасов — здесь без друзей, один в глухом лесу пустынном, наводящем ужас!”

Выслушав их, рассмеявшись, пастух ответил:

9. “*Свастьяяна* народ сей охраняет; ведь потому и сам богов владыка его не может тронуть; что ж говорить о пишачах!”

10. Поэтому в лесу я словно дома, а ночью — будто днем, один — как бы в толпе друзей, без страха здесь живу”.

Тогда те якши в сильном любопытстве, почтительно поощряя его, сказали: “А ну-ка, расскажи нам, расскажи же, братец, что тут у вас за особенная *свастьяяна*?” Тот, усмехаясь, им в ответ сказал:

“Узнайте же, какова у нас необычайная, чудесная *свастьяяна*:

11. Как камни Золотой горы, так грудь его крепка, лицо прекрасно, как манящий сердце осенний ясный месяц; как палицы из золота,

длинные и крепкие руки; его глаза и сила — как у быка: то царь наш!

Такова наша дивная *свастьяна*. — Промолвив это, он с раздражением и изумлением посмотрел на якшей и снова к ним обратился: “Но ведь это удивительно.

12. Гремит повсюду слава о могуществе царя, так как же вы могли о нем не слышать? Иль, может быть, вы слышали о нем, но из-за необыкновенности та весть забылась?

13. Боюсь, что люди той страны, откуда вы пришли, или к исканиям высоких качеств неспособны, иль любопытства вовсе не имеют; а может быть, лишились счастья знать о славе нашего царя вы из-за уменьшения своей судьбы счастливой.

Ну да, видно, есть еще у вас остаток счастливой судьбы, если из такой дикой страны прибыли сюда”.

Якши спросили: “Друг, расскажи нам, откуда такая великая мощь у вашего царя, что даже всякие ракшасы, якши и прочие не в состоянии повредить народу, населяющему его страну?” Пастух сказал:

“Мощь великого царя, нашего владыки, достигнута величием его души. Смотрите, о великие брахманы,

14. Могущество его есть дружелюбие; могучее же войско, с высокими знаменами, здесь сохраняется лишь по привычке; не знает злобы он и слова грубого не молвит никогда; как надлежит, свою страну оберегает. Его руководитель — справедливость, не извороты хитрые житейской мудрости; его богатства существуют лишь затем, чтоб выразить почтение добродетельным; он — воплощение чуда дивного, и все же гордости он выше и богатства злых людей”.

Вот какими добродетелями и еще сотнями других одарен наш государь. Поэтому никакие бедствия не могут причинить вред народу, живущему в его стране. Но как мало я могу сказать вам! Если вы хотите услышать о добродетелях великого царя, вам следует отправиться в столицу. Там вы увидите людей, ревностно соблюдающих свои обязанности, крепко держащихся установлений ариев⁸, благодаря всегдашнему спокойствию и довольству они жизнерадостны и живут в достатке, они одеты в прекрасные, но скромные одежды; в высшей степени они приветливы к гостю, зашедшему к ним; всем сердцем они увлечены добродетелями царя; в радостном воодушевлении распевают хвалебные гимны во славу его, словно молитвы или сулящие счастье заклинания; увидев все это, вы сможете сделать заключение о величии добродетелей самого царя.

И если в вас уже родилось почтение к высоким качествам его, то, желая увидеть царя, вы непременно заметите и все добродетели его”.

Тогда те якши, сердца которых и без того пылали злобой против дивного царя за сопротивление их силе, конечно, не смягчились, услышав тот, проникнутый любовью, рассказ о его добродетелях.

15. Обычно ведь бывает так, что сердце глухого, пылающее злобою к чему-нибудь, еще сильнее распаляется от восхваленья этого предмета.

Узнав о сильной склонности того царя к даяньям, якши, желая причинить ему зло, пришли к царю в приемный час и попросили пищи.

И царь, всем сердцем радуясь, отдал приказание слугам, назначенным для этого, подать скорее брахманам самой лучшей пищи.

Однако якши, не прикоснувшись даже к принесенной пище, хоть она была достойна царского стола, как тигры, не прикасающиеся к зеленой траве, заявили: "Подобной пищи мы не вкушаем".

Услышав это, царь, приблизившись, спросил их: "Какого ж рода пищу вам получить желательно? Нужно поискать такой!"

И якши сказали:

16. "О лотосоокий, лишь свежее и теплое еще мясо людей и кровь их — вот якшей пища и питье, знай это ты, о не нарушающий обетов".

Промолвив это, приняли они свой безобразный, ужасающий вид: страшные клыки высовывались из их пастей, косые, красные жестокие глаза их сверкали; у них были вывернутые, безобразные плоские носы; борода и волосы их — рыжие, как пылающий огонь, а сами они — черные, как напоенная водою туча. Рассмотрев их, царь сразу же решил:

"Ведь это пищачи, не люди, поэтому они и не хотят нашего питья и пищи".

17. И у царя того, сострадательного по природе и сердцем чистого, явилось еще большее к ним состраданье.

С сердцем, преисполненным глубочайшей жалости, он, скорбя за тех якшей, наверно, впал в такие размышленья:

18. "О, как же трудно сострадательному достать подобное питье и пищу! И ежедневно нужно ведь искать! Что за великие мучения отсюда происходят!

19. А кто жесток, коль неспособен пищу он подобную добыть, усилия все его не достигают цели, а если может пищу он добыть, насколько тяжелее положение его в необходимости всегда творить лишь зло!

20. Когда ж придут к концу страданья этих якшей, вкушающих такую пищу, сердца которых скверны преисполнены и состраданья лишены! Ведь ежедневно они губят свое счастье.

Как же мне теперь быть? Как могу лишить я жизни близких или причинить им страданья, чтобы доставить якшам пищу, хотя бы на один день?

21. С другой же стороны, не помню, чтобы когда-нибудь, надежды обманув, поверг в уныние я тех, кто обращался с просьбами ко мне, чтобы убил я красоту, сияние на лицах их, как губит лотосы холодный ветер.

Ну, так и быть! Я знаю, что мне делать!

22. От своего я тела дам им мяса с кровью, большие жирные куски. Какой же может у меня другой быть выход? Они ко мне ведь с просьбой обратились!

23. Ведь мясо тех, кто умер своей смертью, холодным будет и без крови; оно им не понравится, конечно, а по их телам измученным заметно, что страшный голод их снедает.

Хотя бы я и хотел, откуда ж взять мне мяса у другого живого существа? Они пришли ко мне с запавшими от голода и жажды глазами на исхудалых лицах. Если будут обмануты их надежды и желанья, то как они будут возвращаться, с сердцами, измученными и разбитыми еще больше? Я вижу, что время уже наступило.

24. С тяжелой раной сходное, всегда болезненное тело источником страданий было для меня; в возмездие за это причину ему я боль, однако в высшей степени приятную, воспользовавшись им для высочайшей цели”.

Решив так, Великосущный с сияющими глазами и лицом, расцветшим от нахлынувшей радости, показывая свое тело, обратился к якшам:

25. “Вот это мясо вместе с кровью я сохранил для блага мира только, и если подойдет оно для угощения гостей, то день сегодняшний великим праздником, великим счастьем будет для меня”.

Тут якши, хоть и знали образ мыслей этого царя, все же ему не поверили — ведь слишком необычайно было это! — и обратились они к нему с такою речью:

26. “Когда просящий обнаружил души страданье скорбной просьбой, кому, как не дающему, знать лучше всех, что дать?”

И вот царь, с мыслью: “Они на мое предложение согласны!” — в сердечной радости велел позвать своих врачей, чтоб вскрыли ему жилы. Но советники царя, узнав, что он решил отдать свое мясо вместе с кровью, вне себя от возбуждения и возмущения, любя его всем сердцем, такие приблизительно слова ему сказали:

“О государь великий! В своем необычайном радостном стремлении к жертвам ты не должен забывать о народе, который тебя любит! Подумай, будет ли добром или злом это для народа? К тому же неизвестно государю:

27. Все то, что злом грозит народу, о высокий повелитель, для ракшасов приятно, и действия несущие страдания другим, дают им удовлетворенье, безупречный; таков уж род их по своей природе.

28. Ты не привязан к наслаждениям, государь. Ты носишь бремя управления царством единственно для блага мира: поэтому оставь намеренье отдать свое им тело, покинь ты ложный путь решения своего!

29. О, несомненно, государь, они не могут одолеть народ, хранимый доблестью твоею; и вот, когда разрушены хитросплетенья их и козни, они теперь стремятся искусным планом наш народ в несчастье ввергнуть.

30. Ведь даже боги радуются жиру, салу и другим подобным возлияниям в огонь при жертвах, а этим якшам не понравилась и совершенная, искусно приготовленная пища, такая чистая и с твоего стола!

Конечно, люди, нам подобные, не должны, о великий государь, высказывать своих воззрений, однако ж преданность своему долгу теперь побуждает нас оставить путь учтивости, приличный нам. Всего лишь ради этих пятерых ты хочешь ввергнуть в несчастье весь мир — да разве может такая мысль быть путем к праведности, о государь? К тому же, почему такое отсутствие любви к нам? И почему наши тела, наполненные горячей кровью, которые употреблялись нами на службу господину, остались тобой незамеченными, и хотя они еще ведь не исчезли, государь все же отдать желает свои кровь и мясо?”

В ответ на это царь сказал своим советникам:

31. “Как мог бы человек, подобный мне, когда к нему с столь ясной просьбой обращаются, промолвить “нет”, сказать “не дам” или сказать неправду, меж тем как есть просимое?”

32. В вопросах справедливости я — вождь народа, и если бы на путь неправый уклонился сам, в каком же положении народ мой оказался? Ведь он в своих поступках следует моим путем!

33. И потому, радея о народе, спасу из тела я наиценнейшее. Как смог бы принести я благо миру, когда б впал в малодушие и сделался доступным себялюбью?

Что касается ваших слов, исполненных любви и глубокого доверия, проистекающих из любви и вашего высокого уважения к нам, а именно: “Зачем такое охлаждение к нам, что, хотя еще не исчезли наши тела с кровью, царь хочет отдать свое тело”, — я успокою вас. Не думайте, что недостаток доверья стал препятствием на пути моей любви к вам или что этот путь стал недоступен из-за глубокой пропасти подозрения. Однако:

34. Когда богатство постепенно убывает или благодаря превратностям судьбы совсем исчезнет, тогда уместна просьба, обращенная к друзьям; а как богатый может попросить у бедного?

35. Ведь тело у меня достаточных размеров, крепкое, покрыто толстым слоем мяса и легко доступно для просящих; и было бы неблагоприятным ваши пожелать тела.

36. Я не способен выносить страдания даже незнакомых мне существ; какой бы мог быть разговор о вас? И потому хочу отдать свое я мясо, к тому же с просьбой обращаются они ко мне, не к вам!

Поэтому не нужно удерживать меня от исполнения святого долга, хотя ваша смелость проистекает из великой любви ко мне. Поистине, вам не подобает так вести себя по отношению к тем, кто приходит ко мне с просьбою. К тому ж вам нужно обратить внимание вот еще на что:

37. Как нам назвать того, кто преграждает путь желающему ради пользы собственной дать пищу и питье? Хорошим будет ли его поступок или дурным? Тем более в подобном случае.

Оставьте же свое упорство. Взвесьте твердо и разумно все, как подобает моим слугам: и не пускайте

свои сердца по ложному пути. Вам были бы приличнее радостные, ободряющие речи, чем этот малодушный вид. И вот почему:

38. Ведь каждый день мы можем видеть тех, кто просит денег, которые одно имеют применение. Подобных же просителей нам невозможно встретить, даже умилив богов!

39. Когда приблизится подобный к нам проситель — а тело наше бrenно и являетсяместилищем страданий, — то даже размышлений путь нам говорил бы об отсутствии душевной высоты, а себялюбье жалкое глубокой было бы тьмою.

Поэтому, друзья, вы не должны меня удерживать”.

И, убедив их таким образом, царь, позвав в свою залу врачей, повелел им открыть пять жил в своем теле и обратился к якшам с такими словами:

40. “Благоволите оказать мне помощь в благочестивом деле этом и радость высочайшую доставьте, приняв сей дар!”

Они ответили согласием на это и пригоршнями стали пить кровь царя, темно-красную, как красный сок сандала.

41. И царь, позволив этим призракам ночным пить кровь свою из ран, весь просиял, из золота как будто его тело было, подобно горе Меру, облаченной облаками, зарей вечернею окрашенными и осевшими под тяжестью воды.

42. От радости необычайной и дивной стойкости и от телесной силы не ослабело его тело, не перестало биться сердце, и крови не уменьшилась струя.

И, утолив свою жажду, те якши сказали царю: “Довольно этого”.

43. Когда вместилище страданий бесконечных, тело, неблагодарное всегда, здесь средством стало выразить почтение к просящим, высокой радостью исполнилась душа царя.

Тогда царь расцвел радостью, его лицо и глаза были полны ясного спокойствия, и, взяв острый меч, клинок которого, голубой, без пятнышка, был похож на лепестки голубого лотоса, а чудная рукоятка была украшена сияющими драгоценными камнями, он стал отрезать кусками свое мясо и давать якшам.

44. Душа его от постоянно приливавшей радости свершать даяния утратила возможность воспринимать страдания от истязаний.

45. Влекомая ударом каждым острым мечом и радостью отбрасываемая далеко, боль, как бы усталостью охваченная, медлительною стала, проникая в сердце государя.

46. С такой глубокой радостью насытил якшей он свою плотью, что даже демонов жестокие сердца смягчились.

47. В своей любви к закону правды иль из сострадания, отдав на пользу ближним тело драгоценное свое, ведь можно в злато веры чистое их обратить сердца, хоть и пылающие ненависти пламенем.

И якши, посмотрев на царя, занятого вырезыванием кусков собственного мяса, и видя, что лицо его сохраняет ничем не нарушимое спокойствие и на нем не дрожит ни один мускул, несмотря на боль от вырезывания мяса, пришли в чрезвычайное умиление и изумление.

48. "О чудо дивное! О, что ж это такое? Да правда ль это?" — такие радостные мысли в них поднимались, и, забыв свою всю злобу про-

тив этого царя, они с хвалою и с умилением в сердце склонились перед ним.

“Довольно, довольно, о государь! — они сказали. — О, перестань же причинять страдания своему телу. Мы совершенно удовлетворены твоим чудесным подвигом, чарующим сердца просящих!” С этими словами они в великом возбуждении, склонившись, остановили царя. Их лица были орошены слезами умиления и, с глубочайшим почтением подняв на него глаза, они снова обратились к царю:

49. “Как прав народ твой, что, благоговей пред тобою, стремится всюду разнести он славу о тебе! О, как права богиня Шри, презревшая лес лотосов и гордая лишь тем, что жить с тобою рядом может! О, несомненно, небо, хотя находится оно под покровительством у бога Шакры, кругом обмануто, когда без зависти взирает с высоты на эту землю, хранимую твоим геройством!

Зачем тут многословие? Поистине блажен весь род людской, имея такого покровителя! И нас сжигает скорбь, что мы согласились причинить тебе страдания. Общась с таким существом, как ты, можно даже существам, нам подобным, спасти себя. И, надеясь подавить свою дурную натуру, мы спрашиваем тебя:

50. Куда стремишься ты таким путем, какого состоянья сверхчудесного достигнуть хочешь, презревши счастье царя, столь верное тебе, дающее так много наслаждений?

51. К чему же ты стремишься подвигами столь великими: к владычеству ли над вселенной, иль хочешь сделаться Куберой⁹ или Индрой, иль хочешь ты соединиться с бразманом¹⁰ и тем достичь конечного освобожденья?

52. Чего бы ни решился ты достигнуть, желанное совсем уж недалеко. Об этом, если слушать мы достойны, благоволи, о господин, нам рассказать”.

Царь сказал:

“Услышьте же, какова цель моих стремлений:

53. На бытии основанное счастье, достигнутое тяжкими усилиями и гибнущее без труда, не доставляет наслажденья никакого, ни удовлетворенности, не говоря уже о спокойствии души. Вот почему я не стремлюся к счастью даже богов владыки, тем более к иному!

54. Взирая на создания беспомощные эти, отягощенные работою тяжелой и тяжкими пороками, к которым мы привязаны, — уничтожением страданий только личных не удовлетворяется мое сердце.

55. Заслугой этою всеведенья достигнув и победив своих врагов — все страсти злые, хочу спасти я мир из океана бытия, где воздымаются столь страшные валы, как смерть, болезнь и старость”.

И вот якши, у которых от умиления и радости поднялись волоски на теле¹¹, поклонившись, сказали царю:

“Этот подвиг твой достоин такого великого решения! Посему недалеко уже прекрасная та цель, к которой стремятся тебе подобные. С полной уверенностью в сердцах мы возвещаем это.

56. О, несомненно, к благу мира направлены стремленья все твои. Благоволи же вспомнить и о нас тогда и удели особое вниманье благу нашему.

57. Что по незнанию тебе, о господин, здесь причинили столько мук, — благоволи простить

нам: мы даже пользы собственной не ведали совсем!

58. Благоволи ж нам повеленье дать теперь, которое, исполнив, мы заслужили б твою милость, и даруй свое доверье нам, как слугам собственным”.

И царь, узрев, как их сердца смягчились верой, обратился к ним: “Вы мне не страданья причинили, а оказали услугу. Оставьте свою ненужную печаль. К тому же,

59. Когда столь труден путь закона истинного, — зачем же спутников своих я буду забывать, достигнув совершенного познания? Вас первых приобщу к бессмертью я, вам первым сообщу закон конечного освобождения.

60. И если вы стремитесь сделать мне приятное, — как яда избегать должны вы прегрешений: причинения вреда живым, стремления к чужой жене или богатству, злословия и опьяняющих напитков”.

После этого якши, ответив ему: “Да будет так”, — поклонившись и обойдя его слева направо, тотчас исчезли.

Когда Великосущный принял решение пожертвовать своим мясом и кровью,

61. Неоднократно содрогнулась вся земля и в сотрясенье привела Златую гору: от сотрясения зазвучали там литавры, посыпались цветы с деревьев.

62. Посыпавшись на землю вниз, они казались то облаком, гонимым ветром, то стаей птиц, то балдахином, а с иного места похожи были на гирлянду завитую, — и разом вокруг царя, рассыпавшись, упали.

63. Сам океан великий с возбуждением, все возраставшим, казалось, удержать хотел властителя земли, и яростно вздымались волны, кидаясь с страшным ревом. Казалось, вся громада моря готова ринуться вперед.

64. “Что это?” — думал царь богов, охваченный волнением; потом, постигнувши причину, обеспокоенный опасностью, грозившей царю, он быстро полетел сам в царский дом, где вся семья царя была потрясена боязнию и скорбью.

65. Глубоко изумленный спокойствием на лице государя, которое он сохранил и в этом состоянии, приблизившись к нему, прославил в радости и умиление Шакра сей подвиг дивный своим прекрасным голосом:

66. “О высочайшая вершина жизни добрых! О несравненное величие сокровищ, здесь упражнением в добродетели добытых, о дух, украшенный благоволением к ближним, — в твоей руке нашла вселенная надежную опору!”

Почтив царя такой хвалой, Шакра, владыка богов, при помощи различных небесных и применяемых людьми трав, способных немедленно исцелять раны, сделал его тело столь же здоровым и безболезненным, каким оно было раньше. И, приняв выражение почтения царя, которое тот оказал ему с приятностью, вежливостью и с благовоспитанной учтивостью, удалился снова в свою обитель.

Таким образом, “сокрушаясь о страданиях ближних, высокосострадательные не обращают внимания на собственные удовольствия”. [Зная это, кто же не освободится от привязанности к тому тлену, каким является богатство? Это следует рассказывать, чтобы воспламенить сердца сострадательных; равным обра-

зом, говоря о сострадании, о величии Татхагаты и для побуждения к благоговейному вниманию к святому закону. Также и слова владыки: “поистине великие подвижники — эти пять монахов”, — должны быть связаны с этой джатакой, ибо в это время те пятеро (первых учеников)¹² были якшами. Ибо их, как это и было обещано раньше, владыка первыми приобщил к бессмертию святого закона.]

IX ДЖАТАКА О ВИШВАНТАРЕ

Низкие душой не способны даже возрадоваться благу, содеянному Бодхисаттвой, а тем более поступать так же, как он.

Вот как об этом назидательно повествуется.

У шибийцев был царь по имени Санджая: он укротил и совершенно подчинил себе все чувства и благодаря своей доблести, житейской мудрости и скромности был победоносен и счастлив; благодаря постоянно проявляемому им строгому почтению к старшим он постиг истинный смысл трех *Вед* и логики; его справедливое управление и суд высоко восхвалялись преданным ему народом, который с усердием относился к своим обычным делам и наслаждался безмятежным спокойствием и счастьем. Так он жил, как надлежало жить царю.

1. И, так как он преуспевал в высоких добродетелях, любовью привязана была к нему, как верная жена, сама богиня счастья царского; и сделалась богиня недоступной даже для помышлений всех других царей, как львом хранимое убежище для всех других животных.

2. Все, кто с великим напряжением науке иль искусству отдавался иль подвигам суровым, к нему всегда являлись и, обнаружив в

испытании свои таланты, почтение и уважение его встречали.

Сын его, по имени Вишвантара, следующий за ним по высокому положению, но не уступавший ему по великому числу высоких качеств, был назначен наследником.

3. Хоть юн был он, но привлекал своим спокойствием он всех, как старец, и пылким будущи, был склонен по своей природе к кротости; украшенный познаниями, в своей учености высокомерным не был; богато одаренный красотой, он все же был свободен от тщеславья.

4. Когда по странам всем распространилась весть о добродетелях его, и славою его наполнилась миров триада¹, то места не было нигде для слабой, бледной славы других царей; казалось, она не смела даже показаться.

5. Не в силах вынести страданий, охвативших мир, вооружившись огромным луком сострадания, он, казалось, выступил на страшный бой, разя их градом стрел — своих даяний.

Он ежедневно доставлял великие радости нуждающимся, которые приходили к нему с просьбами, раздавая с великою охотой различные вещи, в размере большем, чем просили, сопровождая свои даяния приятными речами и привлекающим сердца учтивым обхождением.

В дни *парван*² он, блистая строгим исполнением поста и соблюдением покоя, омыв свою голову и обвязав ее белой льняной тканью, взойдя на прекрасного и лучшего из всех слонов слона, отлично выезженного, подобного вершине Гималаев, украшенного мадой, струившейся по голове, обладавшего к тому же счастливыми приметами, прекрасным воспитанием, быстротою и решительностью, — осматривал свои рассеянные по

всему городу благотворительные дома, которые были как бы водоемом, утолявшим жажду бедных. От этого он испытывал великую радость.

6. Богатство, в доме находясь, не доставляет щедрому и милосердному той радости великой, какую даст оно же, розданное бедным.

И вот однажды, когда бедняки-просители, сердца которых были исполнены радостью, разнесли славу о столь великой его щедрости, один царь, царство которого лежало по соседству с его землей, решив, что царевича можно обмануть, воспользовавшись его чрезвычайным увлечением щедростью, послал к нему брахманов, чтобы увести его лучшего слона. Когда Вишвантара осматривал свои благотворительные дома и очи его и лик сияли от радости, те брахманы, произнося благословения, предстали перед ним, воздев к нему руки. Тогда он, остановив прекрасного слона, приветствуя учтиво брахманов, обратился к ним с вопросом о причине их появления: "Благоволите сказать, какое дело привело вас?" Брахманы сказали:

7. "Прекрасные достоинства вот этого слона, столь величавого, прекрасного в движениях, а также слава щедрости твоей заставили нас с просьбою к тебе явиться:

8. Даруй нам этого слона, подобного горе Кайласа³, и этим преисполнишь ты сердца людей глубоким изумленьем".

Услышав это обращение, Бодхисаттва, сердце которого преисполнилось радостью, так стал размышлять: "Наконец-то я вижу просителей, способных желать истинно ценное. Однако, что пользы этим брахманам от подобного царственного слона? Ясно, что это жалкие козни какого-нибудь государя, ум которого полон жадности, зависти и ненависти.

9. О, да не будет опечален крушением своих надежд тот царь, который, праведность презрев и славу добрую, однако же как друг старается для нас!"⁴.

Подумав так, Великосущный, поспешно сойдя с прекрасного слона, сказал тем брахманам: "Благоволите взять!" — и стал пред ними с поднятым золотым кувшином⁵.

10. Тогда, хотя он знал науку житейской мудрости, которая считает, что должно следовать дорогой праведности лишь постольку, поскольку это к выгоде нам служит, он, праведности преданный, отдал царя слонов, не дрогнув даже от нарушения правил мудрости житейской.

11. Отдав того царя-слона, украшенного дивной сеткой золотою, подобного громаде туч осенних, обвитых молнией, царевич радостью великою проникся; а горожане, руководствуясь лишь мудростью житейской, возмутились.

И вот, когда распространился слух о том, что царевич отдал царственного слона, в шибийцах поднялись гнев и злоба; почтенные брахманы, министры, воины и городские старейшины с криками и шумом приблизились к царю Санджае и, возбужденные недовольством и гневом, пренебрегая даже соблюдением надлежащего почтения, сказали: "Зачем ты допускаешь, царь, чтобы так губили богатства государства? Государь не должен забывать, что это создает опасность для его царства". — "В чем дело?", — взволнованно обратился к ним царь. И в ответ они сказали так:

"Да разве государь не знает, что случилось?

12. Тот слон, вокруг которого поет рой опьяневших пчел, вся голова которого благоухает мадой, и ветер, ароматом насладившись, без на-

пряженья, без труда сметает спесь, тщеславие других слонов,

13. Который своей мощью превосходит силу войск врагов твоих и словно усыпляет гордость их, тот слон твой, воплощение победы — Вишвантарою отдан и уводится теперь в чужое царство.

14. Коровы, золото, одежды, пища — вот чем прилично одарять брахманов, царь. Отдать царя слонов, в котором верный есть залог и счастья, и победы, — ведь эта щедрость слишком уж необычайна!

15. Раз удаляется царевич так с пути державной мудрости, то как его найдет богиня счастья? Здесь снисхождение неуместно, государь: ведь это лишь обрадует врагов!”

Выслушав эти слова, царь, из любви к сыну не особенно расположенный к своим советникам, все же принял во внимание все это дело и поспешно сказал: “Да, вы правы”, — и, стараясь их успокоить, он с такою речью обратился к шибийцам: “Я знаю эту излишне страстную склонность Вишвантары к щедрости, которая заставляет его забывать путь государственной мудрости; подобный образ действия не приличествует лицу, предназначенному занять первое место в царстве. Однако, как и извергнутую пищу, кто теперь может взять обратно отданного им слона? Впредь же я устрою так, чтобы Вишвантара знал меру в щедрости. Поэтому довольно гневаться”.

Шибийцы же сказали:

“О нет, государь, одним лишь порицанием за это дело ты не исправишь Вишвантару”.

Санджая сказал: “Так что же еще я могу сделать?”

16. К порочным действиям питает отвращение он, а к добродетелям привязанность его вам

представляется пороком. Что ж может быть возмездием, достойным сыну моему за то, что отдал он слона, — тюрьма ли, казнь ли смертная?

Поэтому довольно гневаться; впредь я буду удерживать Вишвантару”.

Тогда шибийцы, придя в бешенство, сказали царю:

17. “Кто стал бы одобрять казнь смертную, иль наказание заточеньем, иль порку сына твоего, о повелитель? Однако ж он, весь погруженный в исполнение святого долга, не подходит — по мягкости и состраданию своему — нести столь тяжкий груз — правление царством.

18. Ведь тронем царским те владеют, кто доблестью своей прославились, искусные в служении трем целям⁶, — а царевич добродетели столь предан, что забывает о житейской мудрости; он более подходит для жительства в лесу.

19. Известно нам, ведь недостатки дурного управления царей их подданным свои плоды приносят; для подданных они терпимы, как это наблюдалось не раз, — но для царей губительны и подрывают корни власти.

20. Зачем тут много говорить? Вот твердое решение шибийцев — ведь вынести они бы не смогли гибели твоей: уйти царевич должен на гору Ванка, в область сиддхов⁷, чтоб в подвигах высоких преуспеть”.

Народ так грубо обратился к царю вследствие привязанности, любви и доверия к нему, опасаясь гибельных последствий дурного управления и радея о его же благе, и царь, смущенный гневом подданных, опустил глаза долу и с сердцем, полным мыслей о разлуке с сыном, тяжело вздохнув, сказал шибийцам: “Если вы настаиваете на этом, то благоволите дать ему времени

хоть одни сутки: завтра на рассвете Вишвантара исполнит вам угодное". — "Да будет так!" — ответили с удовлетворением шибийцы. И царь обратился к слуге: "Пойди, поведай обо всем Вишвантаре". Тот ответил почтительным поклоном и, обливая лицо скорбными слезами, явился к Вишвантаре, который находился в своем дворце. Громко рыдая в порыве печали и страдания, он упал к его ногам. "Здоровъ ли царская семья?" — в волнении обратился к нему с вопросом Вишвантара, и слуга, в отчаянии, с трудом произнося слова и даже слоги, сказал: "В царском семействе все благополучно". — "Так почему же ты в таком волнении?" — снова спросил Вишвантара слугу. Тот, заикаясь, так как подступивший ком слез сдавил ему горло, и лепеча слова медленно из-за прерывающегося дыхания, промолвил так:

21. "Не слушаясь царева приказания, которое им выражено было в ласковых словах, шибийцы недостойные в жестоком гневѣ тебя из царства изгоняют, царь".

Вишвантара сказал: "Меня шибийцы изгоняют, прогневавшись? Что это значит?"

22. Не испытал я наслажденья, отклонившись от пути смиренья, беспечность к долгу ненавижу я: за что ж прогневались шибийцы? Не помню, чтобы я свершил дурной поступок!"

Слуга сказал:

"За твое необычайное благородство.

23. Меж тем как удовлетворение твое всегда блистало бескорыстием, в сердцах просителей оно корыстью загрязнилось, и вот, когда тобой, высокий повелитель, был отдан царь слонов, то гнев спокойствие и мудрость у шибийцев отнял.

24. Итак, шибийцы наглые, забывшись, велят тебе идти путем, которым все изгнанники уходят”.

И вот Бодхисаттва обратился к слуге со словами, в которых раскрывалась его глубокая любовь к просящим, возвышенная состраданием, а также его неистощимая стойкость: “О, как непостоянны шибийцы по своей природе, и как же мало известен им мой характер!

25. Как можно говорить о внешних нам вещах? Готов отдать я голову свою и очи. Для блага мира лишь ношу я это тело, что ж говорить тут об одежде и животных?

26. Того, кто жаждет даже своим телом почтить слова просящих, решили запугать они, чтоб не давал даров. Как ярко в этом видно ребяческое легкомыслие шибийцев!

27. О, пусть меня шибийцы отсюда изгоняют или убивают, я все же буду продолжать творить даяния и с этой мыслью в лес отшельников иду”.

Тогда Бодхисаттва обратился к своей супруге, лицо которой выражало сильнейший испуг от тяжелой вести: “Слышала ли ты решение шибийцев?” Мадри сказала: “Да, я слышала, государь”.

Вишвантара сказал:

28. “Все, сколько есть у нас имущества, полученного ли тобою от меня, иль родового твоего, все то имущество ты собери, о безупречно-окая”.

Мадри спросила: “Куда его сложить мне?” Вишвантара ответил:

29. “Всегда давай даянья благонравным, и ласковость пусть дар твой украшает. Так помещенное имущество не гибнет и следует за нами.

30. Приятное твори свекрови, свекру и за обоими смотри детьми, блюди ты праведность, не забывай о долге и не скорби со мной в разлуке”.

Услышав это, Мадри, хоть и горело ее сердце от страданий, чтоб не нарушить душевную стойкость супруга, скрыла свою жестокую тоску и скорбь и так сказала ему:

31. “Несправедливо то, великий государь, что в лес один уйти ты хочешь: каким путем ты, царь, пойдешь, таким путем и я пойду с тобою.

32. Когда я около тебя, мне даже смерть, как праздник, и хуже смерти жить здесь без тебя.

К тому ж, о государь, мне жизнь в лесу не кажется несчастьем. Подумать только:

33. В лесной глуши вдали от злых людей, где речки чистые струятся меж деревьев, полно газелей, слышно пенье птиц, земля покрыта прекраснейшим ковром травы, как изумруд, зеленой. Насколько ж там приятнее, чем в наших пригородных рощах!

Кроме того, государь,

34. Взирая на своих малюток, украшенных одеждой и венками, играющих в кустах лесных, не будешь вспоминать о царстве.

35. Увеселять тебя в лесу там будут заросли растений, что свесились беседками над ручейками с чистою водой: лесная их краса, что обновляется весною каждою, всегда нова, юна.

36. И пенье стройное там раздастся хора разноголосых птиц, тоскующих по наслаждениям любви; павлинов танцы можно видеть, обученных учителем великим — сладострастьем.

37. Там нежное, которого наслушаться не можешь, жужжанье пчел, сок сладкий пьющих; согласное их пенье будет твое сердце веселить в лесу.

38. А ночью скалы там, одетые сияньем месяца, сверкают, словно в платьях из дукулы⁸, там веет нежный ветерок лесной, забравший ароматы у деревьев и цветов.

39. А нежное журчанье речек, бегущих, спотыкаясь, по беспокойным камешкам! Их звуки так похожи на женских украшений звон и будут радовать твое там сердце!"

Так, ободренный милою женой, царевич, стремясь скорее уйти в лес, заботясь о бедняках, приступил к богатой и щедрой раздаче даров. Когда весть об изгнании Вишвантары дошла до царской семьи, там поднялась тревога, вопли и рыдания. И, словно вне себя от скорби, горя и волнения, толпа бедняков, как пьяная или безумная, в смятенье испускала вопли различных жалоб:

40. "О, если мать-земля не устыдится топором, которым дали позволение срубить тенистое то древо, дающее столь сладкие плоды, то ясно будет, что она лишилась рассудка.

41. Ведь если нет того, кто б мог остановить стремящихся разрушить водоем с водой холодной, чистой, приятной, увы, тогда ведь зря богов-мирохранителей⁹ так называют! Тогда их нет иль это слово — один лишь звук пустой!

42. Несправедливость бодрствует, а справедливость спит иль умерла, когда царевича Вишвантару из царства изгоняют!

43. О, кто способен столь искусно ввергнуть нас в несчастье, невинных, в мольбах влачащих

жалкое существование? Жестокий, кто стремится погубить нас?"

Тогда Бодхисаттва роздал нуждающимся все свое имущество, все, что было в его полной сокровищнице: драгоценные камни, золото, серебро, ценностью в несколько сот тысяч, горы разных вещей, все, что было в амбарах и житницах — различное добро, зерно, а также рабынь, рабов, колесницы, упряжных животных, утварь и прочее — все это распределил он соответственно потребностям каждого, и, с глубочайшим почтением поклонившись отцу с матерью, душевная твердость которых была глубоко потрясена скорбью и мукой, вместе с женой и детьми сев на прекрасную колесницу, сопровождаемый пожеланиями счастья, покинул столицу при громких воплях большой толпы народа. С большим трудом ему удалось убедить вернуться обратно глубоко преданных и следовавших за ним людей, опечаленные лица которых были мокры от слез; после этого он сам взял вожжи и поехал дорогою, ведущей на гору Ванка. В ясном спокойствии духа миновал он окрестности столицы, увенчанные прекрасными увеселительными садами и рощами; постепенно ему стали попадаться отдельные тенистые деревья; люди стали встречаться все реже и реже; вот уже можно было видеть большие стада антилоп, бродящих в отдалении; наконец он достиг леса, который весь был наполнен громким стрекотанием цикад. Там неожиданно приблизились к нему брахманы и стали просить коней, запряженных в колесницу.

44. Хотя ему и долгий путь во много йоджан¹⁰ предстоял, к тому ж с супругой и детьми, без всякой помощи, он все ж от радости даяние сотворить, не думая о будущем, отдал дваждырожденным четырех коней.

И между тем как Бодхисаттва хотел уже сам прячясь в колесницу и покрепче затягивал свой пояс, появились четверо юношей-якшей под видом чудных красчоватых антилоп и, словно прекрасно выезженные лошади, сами подставили свои плечи под ярмо колесницы. Увидев их, Бодхисаттва обратился к Мадри, глаза которой были широко раскрыты от изумления и радости:

45. “Взгляни, каков избыток сил святых в лесах, украшенных подвижников великих жительством, где их сердечное радушие к пришельцам пустило корни даже и среди чудеснейших животных диких”.

Мадри сказала:

46. “Я думаю, что это лишь твоя сверхчеловеческая сила: ведь и у праведных, поднявшихся высоко в добродетелях своих, не одинакова бывает степень высоты их.

47. Ведь если ночью лотоса улыбка прекраснее, чем отражение дивных звезд в воде, тому причина — месяца лучи, протянутые словно пальцы в любопытстве”.

Меж тем как они продвигались вперед, проникнутые взаимною любовью, и вели такую приятную беседу, к ним приблизился другой брахман и попросил у Бодхисаттвы его прекрасную колесницу.

48. Тогда царевич, равнодушный к личным наслаждениям, но родственник заботливый для тех, кто с просьбой обращается к нему, желание брахмана исполнив, отдал колесницу.

И вот Бодхисаттва, с сердечной радостью сойдя с прекрасной колесницы и высадив своих близких, передал ее брахману, а сам с сыном Джалином на руках пошел дальше по дороге пешком; и Мадри, тоже ничуть

не пав духом, с дочерью Кришнаджиной на руках, шла за ним следом.

49. И, наклоняя кончики ветвей с прекрасными плодами, деревья, казалось, приглашали его к себе — как будто во внимание к великой силе его заслуг склонялись перед ним в почтении ученики.

50. Когда он захотел воды, тотчас же перед ним явились водоемы; на их поверхности виднелась золотистая и белая пыльца тычинок; там колебали лебеди крылами лотосов цветы.

51. Прекрасный полог устроили тут облака; приятный, ароматный веял ветерок; а якши сократили путь, не вынеся его страданий от усталости великой.

Так Бодхисаттва, как будто выйдя вместе с детьми и супругою на прогулку в сад, испытав наслаждение и удовольствие от ходьбы пешком и не вкусив горечи изнеможенья, увидел наконец гору Ванка.

По дороге, указанной ему обитателями леса, он проник в лес отшельников, который был полон разнообразных чудесных деревьев с нежной гладкой корой, украшенных цветами, побегами и плодами. Опьяненные любовным упоением, птицы оглашали лес своим пением и криками; в нем красовались стаи танцующих павлинов; много стад газелей бродило тут; словно прекрасным поясом, лес был окружен рекою с чистой и глубокой водой; там дул приятный ветерок, несущий золотистую цветочную пыльцу. Там в уединении стояла хижина из листьев, построенная по повеленью Шакры самим Вишвакарманом¹⁰, прекрасная на вид, приятная во все времена года; войдя в нее, царевич поселился там.

52. И в том лесу, лелеемый любимую супругой, слух услаждая беззаботным милым лепе-

том детей, он, словно находясь в приятнейшем саду и думать позабыв о царстве, в суровых подвигах прожил полгода.

И вот однажды, когда царевна ушла в лес за кореньями и плодами, царевич же для присмотра за детьми находился возле дома, в эту местность пришел брахман. Его ноги по самые щиколотки были загрязнены дорожною пылью, лицо исхудало и глаза ввалились от изнурения; на плече — палка, к которой был привязан сосуд с водою; жена послала его со строгим приказанием привести какого-нибудь слугу. Когда Бодхисаттва, долгое время [не имевший случая проявить щедрость], увидел пришедшего к нему просителя, от глубокой радости умиление разлилось по его лицу и засияло в глазах. Выйдя навстречу брахману, он приветствовал его словами “добро пожаловать” и другими приятными речами и пригласил зайти к нему в обитель; потом, почтив, как подобает, гостя, он обратился к нему с вопросом и причине его прибытия. И вот брахман, который из любви к жене утратил всякий стыд и разум, думая только о том, чтоб получить желанный дар, сказал ему приблизительно следующее:

53. “Идут там люди, где есть свет и ровная дорога, а не путем, препятствий полным; но в этом мире, погрязшем в мраке себялюбья, не может моя просьба иметь другое выражение.

54. Блеском славы, рожденной щедростью твоей великой, известен ты повсюду, как и должно быть; поэтому хоть тяжело мне обращаться с просьбою к тебе, все ж я пришел сюда: отдай мне в услуженье своих детей!”

Услышав это, великосущный Бодхисаттва,

55. Давно привыкнув к удовольствию творить даянья и не умея отказать, ответил с радостью: “Я дам тебе детей любимых”.

“Благословение да будет над тобой! Но что же ты медлишь?” — так обратился к нему брахман, и великодушный Бодхисаттва, сердце которого, смятенное любовью, замирало, меж тем как у детей от изумления все помутилось в глазах, когда слышали они, что их отдают, сказал:

56. “Тебе детей я этих отдал; однако мать их в лес ушла набрать кореньев и плодов; сегодня ж вечером она вернется.

57. Пускай она на них еще раз взглянет, их приласкает и гирляндами украсит. Одну здесь ночь ты отдохни, а завтра уведешь моих детей с собою”.

Брахман сказал: “О господин! Не настаивай на этом.

58. Недаром женщину зовут прекрасной супротивницей¹¹: она препятствием ведь может стать к даянью; поэтому не хочется мне оставаться здесь”.

Бодхисаттва сказал: “О, не беспокойся, что она будет удерживать меня от даiania! Моя жена вместе со мною строго блюдет закон, но как угодно твоей милости. Кроме того, о великий брахман,

59. Какую радость могут дать тебе рабы такие? Они изнежены и юны, и не привычны к услуженью.

60. Меж тем их дед, шибийский царь, увидев их в подобном положении, конечно, даст за них богатый выкуп, какой бы ты ни пожелал.

61. Поэтому благоволи их отвести отсюда прямо в царство деда. Таким путем достигнешь ты великого богатства и в то же время так святой закон исполнишь”.

Брахман сказал: “Нет, я не отважусь приблизиться к царю со столь неприятным подношением; уж лучше

буду я держаться от него подальше, как люди, что обходят ядовитых змей.

62. Царь может их обоих у меня отнять, а то и наказание наложит, поэтому как слуг я поведу их прямо к своей супруге”.

Тогда Бодхисаттва промолвил: “Как будет угодно!” — и, не закончив это слово, стал ласково настаивать малютку с кротостью принять свои обязанности слуг, а затем наклонил над протянутой для принятия [дара] рукой брахмана свой сосуд с водой.

63. И от волнения его вода сама пролилась из сосуда, а также — слезы из очей его, подобных лотоса багряным лепесткам.

Брахман же, возбужденный радостью от своего успеха, спеша увести детей Бодхисаттвы, скороговоркою произнеся слова благословения, суровым и повелительным голосом обратился к детям: “Ну, идите же!” — и стал уводить их из хижины; и вот дети, сердца которых разрывались от невыносимо тягостного горя разлуки, склонившись к отцу и заливаясь слезами, обратились к нему с такой речью:

64. “О, отец! Ушла ведь наша мама, а ты отдать нас хочешь. Не отдавай же нас, пока ее мы не увидим!”

Тогда брахман подумал: “Мать их скоро вернется, да и он, пожалуй, станет раскаиваться из-за любви к детям”. Так поразмыслив, он связал им руки лианой, словно пучок лотосов, и, видя их сопротивление, пригрозив им, потащил за собою этих юных детей, оглядывающихся на отца. И вот девочка Кришнаджина, на которую никогда еще прежде не обрушивалось горе, громко рыдая, сказала отцу:

65. “Отец, ведь этот брахман безжалостный меня лианой бьет. Нет, он не брахман, это ясно! Известно мне, что брахманы благочестивы.

66. Ведь это якша под личиной брахмана; конечно, тащит нас он, чтоб пожрать. Зачем ты равнодушно смотришь, отец, как нас уводит этот пишача ужасный?"

Тогда мальчик Джалин, тоскуя по матери, так сказал:

67. "Не так мне больно то, что бьет меня дваждырожденный этот, как то, что мамы я сегодня не видал. О, это так меня терзает!"

68. Конечно, мама долго будет плакать в опустевшей хижине лесной и тосковать о детях бедных, как чатака¹², детей которой погубили.

69. Для нас ведь наберет она в лесу корней и плодов так много. Что же будет с мамой, когда она увидит лесную пустынь опустевшей?

70. Какие есть у нас лошадки, слоники, тележки — отдай ты непременно половину маме, чтоб горе тем ее утешить.

71. Так передай же ей от нас почтительный привет и всячески удерживай ее от скорби; ведь трудно будет нам, отец, с тобою встретиться иль с нею.

72. Идем же, Кришна, и умрем! Какая польза нам теперь от жизни? Мы отданы царем брахману, жадному до денег".

Таковы были его слова, и они ушли.

Тогда Бодхисаттва, хотя вся его душа была потрясена этим жалостным лепетом его детей, при мысли: "Кто же, отдав, будет раскаиваться?" — остался сидеть на том же месте, хотя его сердце жгло неугасимое пламя скорби; его сознание остановилось, словно парализованное ядом. Когда подувший прохладный ветерок вернул ему сознание, он посмотрел на свое лесное жилище, где уже не было детей и которое словно за-

мерло в молчании, и рыданья прервали его дыхание. Потом он сказал сам себе:

73. “Как он не постыдился у меня перед глазами мучить мое сердце, которому название — дети! Позор тому брахману, стыд потерявшему!

74. Пешком, босые, по нежности своей не в состоянии вынести усталость, как путь они пройдут и как работать в услуженье будут?

75. От утомления измучатся они в дороге, — кто успокоит их сегодня? Терзаясь от горя, холода и жажды, к кому пойдут они и обратятся с просьбой?

76. И если так ужасно мое страданье, хоть я стремлюсь достичь покоя мысли, то каково же состояние моих малюток, здесь возросших в неге?!

77. О, огонь разлуки с милыми детьми словно сжигает мое сердце! Однако кто из добрых, помня о благом законе, потом раскаиваться будет?”

Между тем Мадри чрезвычайно взволновали и расстроили различные неблагоприятные предзнаменования, предвещавшие что-то ужасное, и она хотела как можно скорее вернуться домой с собранными плодами и кореньями, но дорогу ей преградил хищный зверь, и поэтому она очень поздно пришла домой. Не видя детей ни там, где они обычно встречали ее, ни на площадке для игр, она еще больше обеспокоилась.

78. И в волнение, опасаясь чего-то страшного, она вокруг кидала взоры в поисках детей; звала их долго и, не услышав ничего в ответ, снедаемая скорбью, стала горевать:

79. “Собраньем многолюдным мне казался прежде этот лес, который оглашался лепетом моих детей. Теперь, когда я их не вижу, он слов-

но стал пустыней, где беззащитной чувствую себя.

Но что же случилось с детьми?

80. Увлечшись игрой, они устали, возможно, захотели спать и спят уже, а может, заблудились в чаще леса? Иль недовольные, что я не возвращаюсь долго, спрятались из детской шаловливости где-либо?

81. Но отчего же не щебечут птицы эти, чем-то смущенные, как если бы они свидетелями были их убийства? А может быть, они унесены рекою бурной, что гневно, дико мчится на своих конях-волнах?

О, если бы мои тревоги оказались и на этот раз напрасными! О, если бы царевич и дети были невредимы! О, если бы последствия предзнаменований, возвещавших дурное, сказались на мне самой! Но отчего же, однако, исчезла беспричинно радость моего сердца, и оно словно разрывается на части, окутанное тьмой тоски? И тело мое словно обессилело, все перепуталось в сознании, как будто весь лес колеблется, утратив вдруг свою красоту!”

Потом она, войдя в обитель и отложив в сторону коренья и плоды, которые собрала, приблизилась к супругу своему и, предварительно почтительно приветствовав его, спросила: “А где же дети?” Но Бодхисаттва, зная слабость материнского сердца, проистекающую от любви, и не имея силы вымолвить ужасное известие, не мог сказать ей ни слова.

82. Огнем известий неприятных жечь сердца людей, приятного достойных, необычайно трудно сострадательному.

Тогда Мадри подумала: “Все ясно; беда случилась с моими детьми, и потому он так молчалив, убитый скорбью и уныньем”. При этой мысли Мадри, словно

лишившись разума, стала повсюду озиаться и, не видя нигде в обители детей, захлебываясь слезами, снова обратилась к супругу:

83. “Детей не вижу я, и ты мне ничего не говоришь. Погибла, верно, я, несчастная! О неприятном ведь не говорят!”

Так сказав, она с сердцем, охваченным огнем скорби, упала на землю, как подсеченная лиана. Когда она падала, Бодхисаттва подхватил ее, подвел к ложу из трав, брызнул холодной водой ей в лицо и, когда к ней вернулось сознание, сказал, пытаясь ее утешить:

84. “Печальное известие тебе сказать внезапно, Мадри, не хотел я. Ведь в сердце, слабom от любви, нельзя предполагать спокойствие и твердость.

85. Старостью и бедностью измученный, сюда явился брахман, и отдал я ему детей; утешься же и не тоскуй напрасно.

86. Подумай обо мне, о Мадри, не о детях, не мучайся, царица! Не разрывай ты сердца моего, пронзенного, как острием стрелы, тоской о детях.

87. Как можно не отдать просящему хотя бы даже жизнь свою? Поэтому порадуйся со мною, милая, что я отдал детей”.

Услышав это, Мадри, сердце которой замирало от страха, что дети погибли, теперь, узнав, что они живы, постепенно пришла в себя от слабости и скорби; чтоб поддержать стойкость своего супруга, она отерла слезы на глазах и, с изумленьем глядя на супруга, сказала:

“Ведь это чудо! Что и говорить!

88. Теперь должны заговорить и небожителей самих сердца в высоком изумленьи, что себлюбье не нашло рожденья в сердце у тебя.

89. И небеса слагают гимн хвалебный в честь твою; в том гимне слово каждое всем ясно, каждый слог: ему могучим эхом вторят небожителей литавры; со всех сторон их звуки раздаются.

90. Как в опьянение от восторга, земля вся в содроганье великое пришла; волнуется и грудь ее, царица гор; как молниями, озарен весь небосклон цветами золотыми, что падают с небес.

91. Оставь уныние и скорбь! Когда подашь просящему, пусть будет дух твой ясен. И, став источником для мира, ты продолжай и впредь свои даянья!"

Когда царь гор Сумеру, сияющий блеском разнообразнейших сокровищ, задрожал от сотрясения земли, Шакра, владыка богов, подумал: "Что это такое?" — и, когда он узнал от властителей мира, широко раскрывших глаза от удивления, что причиной колебания земли является великая жертва Вишвантары, пожертвовавшего своими детьми, его сердце забилося от изумления и радости. На рассвете следующего дня он явился к Вишвантаре в образе просящего брахмана. Оказав гостю знаки глубокого внимания, Бодхисаттва предложил ему вопрос о причине его прибытия; и в ответ он обратился к нему с просьбой отдать ему свою супругу:

92. "Как не иссякнут в океане воды, так добродетель щедрости не иссякнет в добрых: поэтому к тебе я обращаю просьбу — благоволи отдать свою богоподобную супругу!"

С полным спокойствием и бодростью Бодхисаттва ответил ему согласием.

93. Потом, взяв Мадри левою рукою, а правую — кувшин с водою, он воду брахману на

пальцы начал лить; и тем зажег огонь тоски великой в сердце Камы¹³.

94. Но не прогневалась Мадри, не рыдала; ведь ей была понятна вся сущность сокровенная его природы; но, пораженная невыносимой мукой, ей незнакомой прежде, она, взирая на него, как статуя прекрасная, стояла.

Увидев это, Шакра, повелитель богов, пораженный в самое сердце глубочайшим изумлением, прославляя Великосущного, обратился к нему с такою речью:

95. “О, как неизмерима пропасть между добра и зла законом! Ведь не поверит подвигу такому, кто не очистил свою душу.

96. С великой нежностью любить свою супругу и дорогих детей и все ж отдать их из самоотречения, что может быть возвышеннее этого поступка?

97. О, без сомнения, благодаря рассказам тех людей, кто восхищен твоими добродетелями, наполнятся все страны славою твоею; блеск славы всех других исчезнет, как красота других светил в сиянье ярком солнца исчезает.

98. Сему сверхчеловеческому подвигу с тобою вместе радуются якши, и гандхарвы, и наги, а также боги с Васавою во главе”.

Сказав так, Шакра предстал пред ним в своем дивном сияющем виде и, открывшись, что он — Шакра, обратился к Бодхисаттве с такими словами:

99. “Тебе я возвращаю Мадри, твою супругу: когда заходит месяц, не может лунный свет ведь оставаться!

100. И не печалься ты с детьми в разлуке; не сокрушайся о потере царства: сюда отправился уж с ними вместе твой отец; он царству даст

надежного правителя, и тем правителем ты будешь”.

Промолвив так, Шакра исчез.

Силою Шакры тот брахман привел детей Бодхисаттвы прямо в страну шибийцев. Тогда народ и Санджая, царь шибийцев, узнали о трудном подвиге великого милосердия Бодхисаттвы, и сердца их умилились; выкупив у брахмана детей Бодхисаттвы и примирившись с Вишвантарой, они возвратили ему царство.

[Таким образом, действия Бодхисаттвы чудесны в высшей степени. Зная это, не следует ни выражать неуважения, ни ставить им препятствий, когда эти дивные существа обратят свои мысли на что-либо. Этот рассказ следует приводить также, рассказывая о Татхагате и наставляя к благоговейному слушанию закона.]

Х ДЖАТАКА О ЖЕРТВЕ

Чистых сердцем не склонить к дурным деяньям; помня об этом, следует стремиться к душевной чистоте.

Вот как об этом назидательно повествуется:

Некогда Бодхисаттва был, как рассказывают, царем и правил страной, которая, в силу великих заслуг его, досталась ему по наследству; он безраздельно управлял ею в безмятежном спокойствии, так как все подчиненные ему князья были ему покорны; не было у него ни внешних врагов, ни соперников, и все беспорядки внутри царства прекратились.

1. Опора царства — он преодолел все страсти как врагов своих, был равнодушен к наслаждениям, которые постылыми становятся, когда вкусишь их; все помыслы направил он на благо подданных своих; и, к добродетели стремясь постоянно, словно аскет суровый жил.

2. Он знал главнейшую черту характера людей — стремление подражать в своих поступках высшим, и потому, стремясь принести спасенье подданным своим, он был особенно пристрастен к выполнению долга.

3. Он раздавал имущество и в поведении своем всегда был благонравным; терпением был проникнут и заботился о пользе мира; и, выражая милостивым видом свое стремление к благу всех людей, блистал он, словно праведности воплощение.

Но вот однажды его страну, хотя и охранявшуюся его рукою, за незаконные деяния населения и по небрежению божеств, ниспосылающих дожди, в разных местах постигло страшное бедствие — сильная засуха. Тогда царь решил в своем сердце: “Ясно, что это несчастье обрушилось на нас вследствие нерадения к святому закону или с моей стороны, или со стороны моего народа”. И, с еще большим напряжением стремясь к благу народа, не забывая ни на мгновение о его несчастье, он созвал лучших среди знатоков святого закона — старейших брахманов во главе со своим домашним жрецом, а также своих министров и обратился к ним с вопросом о том, какими средствами можно было бы устранить бедствие. Тогда они, считая, по указанию *Вед*, причиною хороших дождей совершение жертвы, к которой страшно и приступить, так как она требует лишения жизни нескольких сотен живых существ, сообщили ему об этом. Но царь, когда ему были названы требуемые для жертвы действия — лишение жизни живых существ, по своему состраданию, не мог в своем сердце одобрить это предложение. Однако вследствие своей благовоспитанности он не огорчил советников грубым словом отказа и перевел разговор на другой предмет. Они же, напротив, воспользовались

представившейся возможностью поговорить с царем о религиозном долге и, не зная его скрытого в глубине души образа мыслей, стали наставлять его в том, как надлежит совершить жертвоприношение:

4. “Никогда не медлишь ты исполнить обязанности государя, которые направлены на приобретение и на охрану царства, причем всегда порядок исполнения их определяется святым законом.

5. Искусен ты в служении триаде; для блага подданных твой лук всегда натянут, — так почему ж столь нерадив твой ум, что медлит он построить мост, ведущий в царство небожителей, которому название — “жертва”?

6. С глубоким уважением, как слуги, относятся к твоим велениям цари, их исполнение считая счастьем. И вот приспело время, о несущий смерть врагам, великой жертвою достигнуть счастья, блещущего славой.

7. Хотя, конечно, сам ты свят, всегда, как *дикшита*¹, благодаря любви к даяньям и вниманию к обетам, но все же надлежало бы тебе долг уплатить богам, свершивши жертву, как повелевают *Веды*.

8. А боги, удовлетворенные твоею жертвой, свершенною, как надлежит, дождь ниспошлют на землю; по сей причине приступай же к совершению жертвы. Ведь эта жертва — благо для народа, да и тебя она прославит”.

И у царя явилась мысль: “Как сильно должен колебаться в своих убеждениях человек, хотя бы исполненный веры и любящий святой закон, если он будет без размышления выслушивать мнения людей; ведь его нетвердый ум легко может быть увлечен доверием к другим! Поистине ведь

9. Кого среди людей прибежищем надежным почитают, те иногда под видом ревности к закону доходят даже и до нарушения его; и человек, последовав за ними, по наставлению их на путь дурной вступает и мечется в теснине, выхода ища.

10. Какая ж связь есть между причинением страданий жертвенным животным и святым законом, пребыванием в мире небожителей иль ублажением божеств?

11. Животное, которое лишают жизни, волшебной силой таинства, как говорят, идет на небеса, — ведь потому его и убивают; по их словам, согласно с сущностью закона это; но то неправда: кто в потустороннем мире воспользоваться может тем, что сделано другим?

12. И по какой причине попадет на небеса животное, сердце которого от зла не отвратилось, и в нем не возросло решение твердое творить прекрасные дела, — неужто лишь за то, что убивают его во время жертвоприношения?

13. Когда б животное, убитое при принесении жертвы, могло попасть на небеса, то разве сами брахманы не захотели бы собою заменить животных жертвенных? Так почему ж нигде не видим мы такого? Кто после этого их слову станет верить?

14. И подлинно ли небожители, оставив дивную амриту, несравненную по аромату и чудесной силе, по вкусу и по действию могучему, которую подносят им прекрасные апсары, придут в восторг от сальника и прочих жертв, полученных от убиения несчастного животного?

Видно, теперь настало время действовать таким образом”, — подумал царь и, приняв это решение, он,

как будто желая совершить жертву и одобряя слова своих советников, обратился к ним: “Поистине, у меня есть надежная опора, и я возвеличен милостью богов, если вы проникнуты мыслью о моем благе. Поэтому я хочу совершить жертвоприношение, принеся в жертву тысячу человек. Пусть же мои советники, каждый согласно своим полномочиям, позаботятся о доставке всего необходимого для этого дела. Пусть позаботятся найти и место, наиболее подходящее для возведения построек для саттры²; следует также определить благоприятный для жертвоприношения лунный день, час, мгновение и созвездие”.

После этого домашний жрец царя сказал ему: “Для успеха предпринимаемого дела ты, о великий государь, должен совершить по окончании одного жертвоприношения очистительное омовение *авабхритха*³, после чего последовательно можно приступать к другим жертвоприношениям. Ведь очевидно, что если сразу взять для жертвоприношения тысячу человек, то это может вызвать нежелательные волнения в народе”. — “Это верно”, — сказали царю брахманы, и он ответил им: “Оставьте, о достопочтенные, все ваши опасения о гневе подданных. Я устрою все так, что мой народ не будет возмущаться”. После этого царь, собрав горожан и селян, обратился к ним со следующими словами: “Я хочу совершить жертвоприношение и принести в жертву тысячу человек. Но ни один достойный человек, не совершивший зла, не будет отдан мною, как жертва, на заклание. Поэтому каждого из вас, кого я, начиная с сегодняшнего дня, с помощью своих всюду проникающих глаз, которыми будут служить люди незапятнанные, отряхнувшие сон беззаботности, замечу как преступающего границы благонравия и нарушающего мои приказания, я отдам для принесения в жертву как оскверняющего свой род и как врага своей страны.

Да будет вам это известно!”

В ответ на эти слова старейшины, почтительно сложив руки, обратились к царю:

15. “Все действия твои направлены на благо подданных, и разве есть причина, чтобы осуждать их, о великий государь? Сам Брахма⁴ должен был бы поведение твое одобрить, о образец всех добрых поведений! Будь здесь ты наивысшим образцом для всех!

16. То, что приятно государю, приятно также и для нас: тебе ведь также кажется приятным лишь наше благо и лишь то, что нам приятно!”

Так была принята речь царя горожанами и селянами. После этого царь разослал повсюду по городам и селам достойных доверия слуг, повелев им схватить всех злых преступников, а также ежедневно возглашать следующее, предварительно оповещая об этом народ барабанным боем:

17. “Хранящий безопасность царь дарует безопасность всем добрым людям, украшенным прекрасным поведением и постоянной чистотой; для блага же народа он жертвоприношение желает совершить с закланьем тысячи преступников, для жертвы предназначив тех, кто закоснел в злочинствах.

18. И тот, кто повеление царя, что почитается даже вассалами-князьями, преступит в высокомерии своем иль в попустительстве желаньям незаконным, тот, этими поступками своими осужденный, в несчастье будет ввергнут и обратится в жертву искупленья; привязан будет он к столбу для принесенья в жертву; в своих страданиях достойный сожаленья, своими муками он будет взоры привлекать людей”.

И вот жители страны этого царя, приняв во внимание, что царь велел разыскивать безнравственных людей с целью принести их в жертву, ежедневно слыша страшные слова царского приказа и видя его слуг, разосланных повсюду с поручением хватать порочных людей, — оставив свои безнравственные наклонности, стали всеми силами стремиться к самообузданию и доброму поведению; отвратившись от склонности к вражде, они обратились к взаимной любви и уважению; среди них прекратились раздоры и ссоры; с глубоким уважением стали они относиться к словам старших; стали искусны в проявлении щедрости; стали гостеприимны и сияли скромностью и благовоспитанностью, словно жили в Критаюге.

19. От страха смерти, от мыслей о загробном мире, а также по причине семейной гордости, стремления к доброй славе, стыдливости, возросшей от великой чистоты сердечной, народ там непорочной, чистой жизнью стал сиять.

20. Чем глубже весь народ святым законом проникался, тем с большей ревностью царевы слуги старались выследить людей дурного поведения, и потому никто не преступал закон.

21. И вот, услышав обо всем, в его стране происходящем, царь просиял великой радостью и, наградивши вестников за их приятные известия, он с наставлением к своим министрам обратился:

22. “Мое стремление высшее — народ свой охранять; теперь пришел он в состояние, достойное награды; богатства эти все, что предназначены для жертвы, хочу я в жертву принести в согласии с решением прежним.

23. Пусть каждый, сколько пожелает, вволю у меня возьмет богатства, топлива для счастья.

Да будет изгнана из царства моего та бедность, которая страданиями мою страну томила.

24. Когда я принял твердое решение спасти народ, когда, благодаря высокой вашей помощи так средства возросли мои, мне кажется, что бедствие народа, гнев мой вызывая, жжет мое сердце каждый миг”.

И вот советники царя, с величайшим восторгом приняв его слова, распорядились устроить дома́ для бесплатной раздачи даров по всем деревням, городам и рынкам, а также в местах отдыха на дорогах и, согласно приказанию царя, стали ежедневно удовлетворять всех нуждающихся, с великой щедростью исполняя желания каждого.

25. Тогда народ, освободившийся от бедности и вдруг разбогатеv благодаря богатствам царским, в прекрасные одежды облачившись, блистал, как будто в дни торжеств великих.

26. И, сотканная из хвалебных гимнов радостных просителей, распространилась широко повсюду слава государя, как лотоса пыльца, его тычинками рожденная, все далее волнами легкими по озеру разносится.

27. Таким путем, благодаря тем мудрым мерам государя, народ весь к жизни добродетельной вернулся, и бедствия, утратившие силу вследствие благополучия народа, непрерывно возраставшего, исчезли, не находя ни в чем опоры.

28. Все сезоны года приятны стали, наступая регулярно, как новые цари вступают [на престол], придерживаясь строгого порядка; земля богатые там жатвы стала приносить; покрылись лотосами водоемы с чистейшей голубой водой.

29. Тяжелые болезни более не мучили народ, лекарственные травы огромную целительную силу получили; как надлежит, в то или другое время года, всегда там веял ветер; планеты двигались вокруг путем благоприятным.

30. И никому не угрожала там опасность ни извне, ни внутри царства, ни от случая слепого; народ же соблюдал святой закон и верен был своим обетам: поэтому, казалось, наступила Критаюга.

Когда таким образом царь совершил, согласно со святым законом, свое жертвоприношение, утолил страдания бедняков и пресек все другие бедствия, его страна являла прекрасную картину счастья; народ был полон радости и неустанно повторял слова благословения царю, и слава его распространилась повсюду. И вот один из его главных министров, душа которого обратилась к вере, сказал царю такие слова:

“Поистине прекрасно говорится:

31. Имея постоянно дело с деяньями людей различных — высоких, низких или средних, — властители всех превосходят мудростью.

Это истина. Ты, государь, принеся, согласно со святым законом, жертву безгрешным, безупречным способом, избегнув умерщвления животных, доставил своему народу счастье в обоих мирах; окончены его несчастья, равно как и страдания бедности, и он направлен на стезю нравственной жизни. К чему же много говорить? Счастлив твой народ!

32. мех антилопы черной, что на тебя накинут, подобен знаку на луне; твои ограничения в состоянии *дикша* несколько не ослабили естественную прелесть поведенья твоего, прическа на твоей главе теперь не менее прекрасна, чем когда она была под царским зонтиком; своею

щедростью ты отнял гордость даже у того, кто сотню жертв принес⁵: его лишил ты славы.

33. О мудрый, ничтожна, вредоносна жертва большинства людей, стремящихся к награде; а эта жертва, украшение славы, соответствует твоей моральной чистоте, чарующей своей безупречностью.

34. О сколь блаженна участь подданных, которым ты — защитник: ведь, несомненно, даже и отец не может стать таким защитником своих детей!”

Другой сказал:

35. “При наличии великого богатства люди обычно щедрость проявляют, надеясь на награду; а поведением нравственным стремятся к воздаянию в сем мире или жаждут неба, но проявление подобное обоим этих качеств — как у тебя, искусного в поступках ради ближних, не наблюдается у тех, кто не возвышен мудростью и бескорыстной добротой не блещет”.

Таким образом, “чистых сердцем не склонить к дурным деяниям”; помня об этом, следует стремиться к душевной чистоте.

36. И поскольку стремление к благу подданных несет царям спасенье, счастье и славу, нельзя им отвращаться от него.

[Так следует сказать в поучение царям. Еще следует добавить: возрастание праведности в народе ведет к благополучию; зная это, стремящийся к благополучию должен обратиться к праведности, а также следует рассказывать, что “никогда вред, причиняемый живым существам, не ведет к благополучию, а лишь щедрость, смирение и самообуздание. Поэтому всякий, кто стремится к нему, должен проникнуться щедростью и прочими добродетелями”.

Равным образом следует рассказать это, когда речь идет о Татхагате, говоря: “Наш Владыка еще в прежних своих рожденьях показал, что сердце его стремится к действиям на благо ближних”.]

ХІ ДЖАТАКА О ШАКРЕ

Ни несчастье, ни высочайший блеск могущества не ослабляют сострадания великосущных.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Некогда Бодхисаттва, упражнявшийся в течение долгого времени в святых подвигах и во всей своей сущности проникнутый щедростью, смирением, самообузданием и состраданием, направлявший все свои дивные действия на благо ближних, явился в виде Шакры, владыки богов.

1. Великолепие богов владыки особым блеском засияло благодаря соединению с Великосущным; величие его еще пышнее расцвело: так месяца сиянье еще ярче освещает палаты, сверкающие свежей известью побелки.

2. Но блеск величия его, из-за которого сыны Дити¹ грудью ополчились против стремительных слонов диннага² с их бивнями, подобными пестам, — величье то, — хоть осененное блаженства полнотой и счастьем высоким, высокомерием не запятнало его сердце.

Не будучи в состоянии вынести его дивное величие и высочайшую славу, наполнявшую все миры и достигнутую им надлежащим управлением небом и землей, — полчища дайтеев выступили войной против него с огромным войском из слонов, колесниц, конницы и пехоты. И было это войско еще страшнее от своего вооружения, которым оно гордилось; оно издавало такой

ужасный шум, как будто океан бушевал во время бури; так ослепительно оно сверкало своими доспехами и блестящим вооружением, что трудно было смотреть на него.

3. И хоть душа его проникнута была святым законом, однако же врагов надменность и опасенье за народ, чьи радости столь грубо были прерваны врагами, достоинство высокое и образ действий, вынуждавший его на путь державной мудрости вступить, заставили и Бодхисаттвы сердце к губительной войне склониться.

И вот Великосущный поднялся на дивную золотую колесницу, в которую была впряжена тысяча прекрасных коней; перед ней широко развевалось чудное знамя с изображением архата³, на колеснице ярко блистали украшения и драгоценные камни; с обеих сторон ее блистало вооружение, ярко сверкавшее, острое и лежавшее так, чтоб всегда быть под рукой. Колесница была покрыта белым шерстяным покровом. Окруженный великим воинством богов, со слонами, конницей, пехотой и колесницами, пошел владыка богов навстречу войску демонов и встретился с ним на берегу океана.

4. И вот там разразился бой, уничтожая стойкость робких; и наносились страшные удары оружием, разбивающим доспехи.

5. "Постой! Не так! Сюда! Смотри! Куда теперь? Нет, от меня ты не уйдешь! Рази! Конец тебе!" — с такими кликами они разили там друг друга.

6. Когда в пылу сражения такой поднялся страшный шум, визг, лязг оружия, от грома барабанов и от криков, казалось, треснул свод небес.

7. И, опьяняясь ароматом своей мады, слоны бросались злобно друг на друга, ужасные, как горы, швыряемые ветром при разрушение мира.

8. Носились повсюду, зловещим облакам подобно, с резким громом колесницы; как молнии, вились на них знамена.

9. Над ратями богов и *данавов*⁴ летали стрелы острые, которыми они друг друга поражали, в знамена попадая и в царские зонты, в мечи и копья, в панцири, щиты и головы людей.

10. И вот, когда полки богов владыки, ужаснувшись стрел свирепых и мечей врагов, бежали, на поле брани он один лишь оставался, своею колесницей сдерживая полчища врагов.

Тогда Матали, возница владыки богов, увидядвигающееся войско демонов, которое в чрезвычайной радости, пронзительно крича, с гиканьем и победными кликами летело вперед, в то время как войско богов думало только о бегстве, и, решив, что настало время для отступления, поворотил колесницу владыки богов. И вот во время бегства Шакра, владыка богов, увидел на хлопковом дереве несколько гнезд, которым грозило разрушение, так как они были как раз против дышла колесницы. Когда он увидел это, сердце его охватило сострадание, и он обратился к Матали, своему вознице, с такими словами:

11. “На этом древе хлопковом есть птичьи гнезда, полные неоперившихся птенцов; так поверни же колесницу так, чтоб не упали на землю они, искромсанные дышлом колесницы”.

Матали сказал: “Тем временем, о повелитель, нас настигнут полчища дайтьев!”. И Шакра сказал: “Ну что же? Побереги, как подобает, эти гнезда”. Тогда Матали снова сказал ему:

12. “О лотосокий! Единственное, что могло бы птиц спасти, то колесницы нашей поворот назад: но ведь давно уже, препятствий не встречая со стороны богов, на нас несется вражеское войско!”

Тогда Шакра, владыка богов, движимый состраданием, обнаруживая свой возвышенный образ мыслей и свою несравненную истинно благую природу, молвил:

13. “Так поворачивай обратно колесницу: уж лучше умереть мне от ударов ужасных палиц слуг владыки дайтьев, чем жить бесславно, в поношение, созданыя эти погубив, охваченные ужасом и скорбью!”

И вот Матали, ответив: “Слушаю!”, повернул обратно колесницу, запряженную тысячью коней.

14. Тогда враги, выдавшие в сражение подвиги его, заметив колесницы поворот, охваченные ужасом, заколебались и подались назад, подобно черным облакам, гонимым ветром.

15. Хотя разбито было его войско, он, повернув обратно, путь преградив войскам врагов, сбил с них заносчивость и опьянение победой, — хоть был один, — своею неожиданной отвагой.

16. Когда же рать владыки небожителей увидела, что войско демонов заколебалось, то и она назад вернулась, а ненавистники богов бежали, охваченные ужасом, — и в мыслях не было у них обратно повернуть.

17. Божественные десять троиц⁵ в смущении и радости почтили поздравленьями царя богов, затем торжественно он отбыл с поля брани, блистая чудным пламенем победы ореола. Затем отправился в свою столицу, где жители дворца его тоской томились.

Вот так была одержана победа в том сражении.
Поэтому и говорят:

18. Презренный зло творит по бессердечью своему; а средний человек, хоть и доступный состраданью, — когда бедой застигнут; но добродетельный в опасности смертельной даже своим воззреньям неспособен изменить, как неспособен океан свои оставить берега.

[Таким образом, пренебрегая божественным царством и самой жизнью, наш владыка давно уже защищал живых тварей. Зная, что достоинству мудрого противно не только обидеть дышащую тварь, но даже и помыслить злое против нее; благородный должен всячески стремиться к состраданью. Это же следует приводить, говоря, что добродетель охраняет того, кто следует по ее стезям, а также рассказывая о Татхагате и поучая благоговейно слушать святой закон.]

ХПІІ ДЖАТАКА ОБ УНМАДАЯНТИ

Даже мучимые жестокими страданиями добрые неспособны стать на путь низких, находя опору в своей высокой нравственной стойкости.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Некогда Бодхисаттва, как рассказывают, был царем шибийцев; преуспевая на благо народа в правдивости, щедрости, спокойствии, мудрости и других прекраснейших качествах, он, словно воплощенная праведность и воспитанность, был отцом своего народа, движущим вперед его благополучие.

1. От совершенья преступлений ограждаемый и укрепляемый в высоких добродетелях своим царем, как сын отцом, народ был полон радости в мирах обоих.

2. И суд его был нелицеприятен; не различал своих он и чужих и следовал во всем закону; закрыв народу беззаконный путь, он обратился как бы в лестницу, ведущую на небеса.

3. Плод добродетели народа — его благо; зная это, людей правитель был всегда одним лишь этим озабочен и, следуя стезею праведной, с душою, полною блаженства, другим не позволял он нарушать ее.

И вот у одного из знатнейших подданных этого царя была дочь поразительной красоты, которая считалась драгоценностью среди всех женщин; по необычному совершенству фигуры и всей ее прелести она казалась воплощенной Лакшми или Рати¹, или же одною из апсар.

4. И тот, чей взор случайно падал на ее красоту и кто не утерял способности любить, не в состоянии был взора оторвать, притянутый к ней блеском красоты.

За это родственники дали ей имя Унмадаянти (“Сводящая с ума”). И вот отец ее уведомил царя:

“В твоём царстве, о государь, объявилась жемчужина среди женщин, поэтому да благоволит государь решить, возьмет ли он ее в жены или отвергнет”. После этого царь повелел брахманам, умеющим различать счастливые приметы женщин: “Посмотрите дочь этого вельможи и решите, подходит ли она нам в жены или нет”. Тогда отец ее, пригласив этих брахманов в свой дом, сказал Унмадаянти: “Доченька, прислуживай сама этим брахманам”. Она, промолвив: “Слушаю!” — стала, как должно, прислуживать брахманам. И вот тех брахманов

5. Глаза, едва лишь взоры их на лик ее упали, стали неподвижны, и бог любви унес их

стойкость; не подчинялись им ни очи, ни рассудок, как будто в опьянении сознание потеряли.

Когда же они, потеряв голову, не в состоянии были сохранить твердость и благоразумие — куда уж там есть, — хозяин, удалив с их глаз свою дочь, сам стал прислуживать брахманам и затем проводил их. И вот у них явилось такое соображение: “Поразительная красота девушки, как чудесное виденье, чарует душу; поэтому царь не должен даже видеть ее, а тем более вступать с нею в брак. От ее дивной красоты он, несомненно, потеряет голову и с меньшим усердием станет заниматься своими священными и государственными делами, а упущения в обязанностях государя станут препятствием на пути народа к преуспеванию и счастью.

6. Она одним лишь видом может помешать стремлению к совершенству даже мунни, тем более владыки юного, который, счастьем наслаждаясь, бросает взоры, алчущие удовольствий.

Поэтому целесообразно поступить нам так.

Приняв решение, они явились в надлежащее время к царю и заявили ему следующее:

“О великий государь! Мы видели эту девушку. Она чарующе прекрасна, но и только: есть у нее дурные приметы, предвещающие гибель и неудачу; поэтому ты, государь, не должен даже видеть эту девушку, а тем более вступать с нею в брак.

7. Порочная жена позорит славу и счастье родов обоих, как ночь, которая, скрыв месяц в облаках, окутывает тьмою всю красоту земли и неба”.

Так дело было представлено царю. “Если у нее есть неблагоприятные приметы, как это мне говорят, то она не соответствует моему роду”, — подумал царь и перестал желать ее. Ее отец, узнав, что царь не требует

девушки, выдал свою дочь замуж за одного из советников царя по имени Абхипарага.

И вот однажды, когда настал праздник Каумули², царь пожелал полюбоваться блестящей красотой празднества в своей столице. Взойдя на царскую колесницу, он поехал по городу: улицы и торговые ряды города были убраны и политы водою; повсюду развевались разноцветные флаги и знамена; белые мостовые пестрели разбросанными цветами; повсюду были пляски, пенье, шутки, танцы, музыка; опьяняющий аромат цветов, пудры, благовоний, венков, крепких напитков, пахучей воды для омовений, благовонных мазей наполнял воздух; дивные товары были выставлены для продажи; главная улица была запружена сияющими весельем толпами горожан и селян в роскошных одеждах. Совершая свою прогулку по городу, царь приблизился к дому того министра. Тогда Унмадаянти с гневом подумала: "А, так у меня неблагоприятные приметы, и потому, как говорят, я отвергнута царем!" — и, очень любопытствуя видеть царя, она стояла, сияя дивным блеском своей красоты и освещая плоскую кровлю дома, как молния освещает вершину облака. "Пусть же соберет теперь свои он силы, чтобы удержаться от смятения и сохранить свою стойкость и память, увидев ту, у которой дурные приметы", — подумала она. И вот взор царя, с любопытством наблюдавшего величание столицы, упал вдруг на нее, когда она стояла, обернувшись к нему лицом. Тогда царь,

8. Хоть вволю насмотрелся он на красоту прелестных женщин своего двора, хоть был смиренным он и, добродетель соблюдая, стремился одержать победу над страстями,

9. Хоть, обладая стойкостью высокой, был сдержан и стыдлив, хоть взор его испуган был созерцанием чужой жены, но все же долго он на

женщину смотрел, не отрывая глаз и восхищая Каму.

10. “Не Каумуди ль это? Не воплощенное ли это божество сего дворца? Апсара ли она, иль дайтев дева? Ведь красота нечеловеческая это!”

Меж тем как царь так размышлял и глаза его не могли вдоволь насладиться созерцанием женщины, его колесница проехала мимо, не считаясь с его желаньями. И вот царь вернулся в свой дворец с опустошенным сердцем; его мысли были только с ней, вся его нравственная стойкость была похищена богом любви. Наедине он обратился к своему вознице Сунанде.

11. “Не знаешь ли, чей это дом с белыми стенами? И кто та женщина, что там сияла, словно молния на белом облаке?”

Возница сказал: “Есть у государя министр по имени Абхипарага, — так это его дом и его жена, дочь Киритаватсы, Унмадаянти по имени”. Когда царь услышал эти слова, то при мысли, что она — жена другого, его сердце упало, и взгляд стал неподвижным.

И, вздыхая глубоко и жарко, терзаясь всей душой по красавице, он обратился к самому себе с такою речью:

12. “О, как идет ей это имя нежное, где каждый слог ласкает слух: “Унмадаянти!” Своей чудесною улыбкою она меня ума лишила!

13. Забыть ее хочу — и словно вижу сердцем! Мое ведь сердце у нее, или, вернее, в нем царит она!

14. Сколь малодушен я — любить жену другого! Что за безумец я! Покинул стыд меня и сон!

15. Меж тем как ум мой восхищенный в созерцанье погружен улыбки ясной, взоров, красо-

ты ее, вдруг раздается звон³ — тот дерзкий звук напоминает о теченье дел других. О, в сердце у меня лишь ненависть те звуки порождают”.

Таким образом, стойкость царя была потрясена силою любви. И хотя он старался прийти в себя, однако же его бледность и худоба, задумчивость и частые вздохи, зевота и весь вид его показывали ясно, что царь влюблен.

16. Сердечная болезнь, хоть стойко он скрывал ее, наружу выступала ясно и на лице его, и в худобе, и в неподвижном взгляде, исполненном задумчивости.

Тогда его министр Абхипарага, который был весьма искусен в истолковании изменений во внешности и выражении лица, узнав, что случилось с царем, и поняв причину этого, и из-за своей любви к царю весьма озабоченный опасностью, которая ему угрожала, так как он знал поразительную силу бога любви, испросил у царя разрешения поговорить с ним наедине и, получив позволение, обратился к царю с такими словами:

17. “Сегодня мне, о царь, людей владыка лотосоокій, когда я воссылал богам моления, явился якша и, подойдя ко мне, промолвил так: “Как же ты не догадался, что сердце государя принадлежит Унмадаянти?”

18. Промолвив так, он вдруг исчез, а я, задумавшись об этом, к тебе явился; и если правда это, государь, то почему же ты молчишь, откуда у тебя такое недоверье к слугам?

Поэтому благоволи, о государь, оказать мне милость, приняв от меня мою супругу”.

Смущенный этим предложением, царь не мог поднять глаз от стыда, и хотя находился во власти бога любви, однако благодаря знанию праведного закона, приобретенному долгим упражнением, его стойкость

осталась непоколебленной, и он ясно и определенно отказался принять дар министра:

“Этого не должно быть. И вот почему:

19. Я не бессмертен и своих заслуг лишусь; кроме того, народ узнает о грехе моем; тебя ж в разлуке с нею любовь сожжет с такой же быстрой, с какой огонь сухой кустарник истребляет.

20. Такой поступок, что недоброе сулит в мирах обоих — том и этом, не совершит мудрец, хотя им наслаждается немудрый”.

Абхипарага сказал: “Тебе не нужно опасаться нарушения закона.

21. Ты мне поможешь щедрость проявить и тем закон исполнишь, а если от меня ее не примешь в дар, тогда, даянью помешав, закон нарушишь.

Я не вижу здесь ничего такого, что могло бы порочить добрую славу царя.

22. Ведь, кроме нас двоих, никто об этом знать не будет, и потому ты изгони из сердца страх людского порицанья!

Для меня же это будет милостью, а не мученьем, потому что

23. Какое зло возникнуть может в верном сердце от чувства удовлетворенья, что совершил что-либо ты на пользу господину? Поэтому спокойно наслаждайся ты любовью, о государь, и о моих страданиях не тревожься!”

Царь сказал: “Ни слова больше о таком грехе.

24. Из-за любви великой ко мне ты, очевидно, забываешь, что ведь не всякое даянье помогает исполнению долга.

25. Кто для меня в своей любви высокой не ценит даже жизнь свою, тот друг мне, лучший родственник, — и я его супруге друг.

Поэтому не следует вовлекать меня в неблагоприятное дело. Что же касается того, что, как ты уверяешь, никто другой не узнает об этом деле, то разве от этого оно станет безгрешным?

26. Хотя б невидимо творил кто злое дело, как благоденствовать тот может? Ведь это словно яд принять незримо! Его увидят непорочными очами и небожители, и святые йоги.

Чего же больше?

27. Кто поверить может, что ты ее не любишь, что не постигнет гибель и тебя, когда ты разлучишься с нею?"

Абхипарага сказал:

28. "С супругой и детьми я — раб твой, ты — мой господин и божество мое. Какое может быть, о государь, закона нарушение по отношению к рабе твоей?"

Что же касается моей любви, о которой говоришь ты, — что ж из этого?

29. Да, я ее люблю, о радостей податель, и потому я добровольно, сам хочу отдать ее тебе: ведь человек, отдав здесь дорогое, в том мире получает еще дороже что-то.

Поэтому благоволи, о государь, принять ее".

Царь сказал:

"Ни в коем случае! Это невозможно!

30. Скорее брошусь я на острый меч или в пылающий ужасным пламенем огонь, чем соглашусь погрязнуть так добродетель, которой я обязан счастьем великим!"

Абхипарага сказал:

“Если государю неугодно взять мою супругу, то я велю ей стать гетерой, любви которой может добиваться каждый, и тогда мой государь с ней сможет наслаждаться”.

Царь сказал: “Да что с тобою? Как обезумел ты!

31. Оставивши невинную супругу, ты, безумец, получил бы от меня возмездье и, сделавшись предметом поношений, ты стал бы мучиться и в этом мире, и в ином.

Поэтому оставим эти бессмысленные речи. Образумься же”.

Абхипарага сказал:

32. “Хотя бы то грозило нарушением закона, иль порицанием со стороны людей, или утратой счастья — всему навстречу я пойду с открытым сердцем: оно исполнено блаженства, доставив счастье тебе.

33. Не вижу в мире я огня великого, тебя превыше⁴, о земли великий повелитель! И Унмадаянти да будет вознаграждением моим жрецу; прими ее, как жрец, для усиления моих заслуг”.

Царь сказал:

“Несомненно, стремясь действовать мне на пользу, ты по своей великой любви к нам не замечаешь, что добро и что зло для тебя самого; и поэтому я с особенным вниманием должен наблюдать за тобой. Ни в коем случае не следует безразлично относиться к порицанию людей. Смотри:

34. Кто, к праведности безразлично относясь, заботиться не станет о порицании людском или награде в другом существовании, тому не станет доверять народ, и в мире том он без сомнения лишен блаженства будет.

Поэтому я и говорю тебе:

35. Не соблазняйся преступить закон для жизни этой: великий грех здесь несомненен — сомнителен и незначителен успех.

Чего же больше?

36. Ввергать людей в несчастья такие, как порицанье и тому подобное, и этим для себя добиться счастья — для добрых неприятно; пусть лучше, зло другим не причиняя, один я понесу все бремя личных дел, ничем закона не нарушив!”

Абхипарага сказал: “Да разве здесь может иметь место беззаконие, если я из преданности к господину действую ему на пользу, а государь принимает ее от меня в дар? Ведь все шибийцы, горожане и селяне, могли бы сказать: “Какое же тут беззаконие?” Поэтому да благоволит государь принять ее!” Царь сказал: “Поистине ты всей душой хочешь сделать мне приятное, но нужно подумать еще и вот о чем: из всех шибийцев — горожан и селян, тебя и меня — кто из нас самый сведущий в святом законе?” Тогда Абхипарага в смущении сказал:

37. “Благодаря почтенью к старшим, усилиям, затраченным на изучение священного писания, и остроте ума смысл истинный науки о трех целях жизни тебе открыт, о государь, как Брихаспати⁵”.

Царь сказал:

“Поэтому-то ты и не можешь совратить меня [с истинного пути].

38. От поведения царей зависит благо и несчастье народа; вот почему, привязанность народа помня, останусь я на поприще благом, что соответствует и славе моей доброй.

39. Хорош ли, неудобен путь, которым бык идет, — коровы следуют за ним; так и народ:

откинув острые преграды сомнений, он поведением государя следует всегда.

Кроме того, ты должен принять во внимание следующее:

40. Ведь если б у меня не стало силы, чтоб охранять и самого себя, в каком же состоянии оказался бы народ, который жаждет от меня защиты?

41. То зная и заботясь о благе подданных, равно как о святом законе и безупречной славе, я не хочу велям сердца следовать: ведь я же — вождь народа своего, я — бык ведь в стаде!”

Тогда министр Абхипарага, умиленный в сердце своим этой стойкостью царя, поклонившись ему и почтительно сложив руки, обратился с такими словами:

42. “Сколь осчастливлены судьбою подданные, которых охраняешь ты, людей владыка! Таковую преданность закону, пренебрежение к наслаждениям личным найти возможно ль даже в пустынях лесных!

43. О, как приличествует дивное название “великий” в имени твоём, великий государь! Ведь если бы безнравственного добродетельным назвать, то это было бы насмешкою жестокой!

44. Но к чему мне изумляться иль волноваться пред великим подвигом твоим? Как океан сокровищ полон, так ты исполнен добродетелей, о государь!”

Таким образом, “даже мучимые жестокими страданиями, добрые неспособны стать на путь низких, находя опору в своей высокой нравственной стойкости” [и в своем прекрасном знании праведного закона, которому они неустанно следовали; помня об этом, надо

прилагать все усилия для укрепления в нравственной стойкости и праведном законе.]

XVII ДЖАТАКА О ЧАШЕ

Употребление опьяняющих напитков есть ужасное зло, влекущее за собою много грехов. Помня об этом, добрые должны и других удерживать от их употребления, а тем более воздерживаться от них сами.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Некогда Бодхисаттва, сердце которого было проникнуто величайшим состраданием, который всегда всей душой стремился делать добро, доставлять удовольствие ближним, проявляя свои чистые стремления щедростью, смирением, самообузданием и тому подобными свойствами, был, как рассказывают, Шакрой, повелителем богов. И хотя у него было вволю чудеснейших небесных предметов для наслаждения, однако, по своему глубочайшему состраданию, он с неослабевающим напряжением стремился к деятельности на благо мира.

1. Обычно человек, вкусив пьянящего напитка счастья, даже о благе собственном не думает; но он, не опьяняясь и великим счастьем повелителя богов, всегда стремился к благу ближних.

2. В нем, как в родне своей, жило расположение к существам, измученным бесчисленными тяжкими несчастьями; и, опираясь на постоянство и на знание своей природы, не забывал творить он благо ближним.

И вот однажды Великосущный, озирая человеческий мир своим оком, проникнутым глубоким состраданием и дружелюбием, великим, как и его природа,

увидел царя по имени Сарвамитра, который, опустившись от общения с дурными друзьями, предавался употреблению опьяняющих напитков сам, а за ним и весь его народ, — горожане и селяне. Поняв, что царь не считал это грехом, и сознавая великую греховность употребления опьяняющих напитков, Великосущный был в глубине сердца поражен великим состраданием и впал в такие размышления:

“Увы, какая злая беда обрушилась на людей!

3. Вино вначале сладко и этим отвлекает тех, кто грех в нем видеть неспособен, от высшего блаженства, подобно восхитительному ложному пути.

Так что же мне делать в данном случае? А, я нашел!

4. Есть общее всем правило, что по своей природе народ стремится подражать стоящим выше; то зная, можно излечить царя: ведь он — источник и добра, и зла народа!”

Приняв такое решение, Великосущный своей чудесной силою принял величественный образ брахмана; его лик был цвета расплавленного золота; его волосы были спутаны и заплетены в косу, что придавало ему суровый вид; на нем было платье из мочалы и грубой кожи; в левой руке у него была умеренных размеров чаша, наполненная сурой¹; в таком виде предстал он, стоя в воздухе, перед царем Сарвамитрой, сидевшим в зале собраний со своими друзьями в то время, когда начались разговоры, какие обычно предшествуют питью суры, асавы, сидхи, майреи² и меда. Все присутствовавшие, исполненные изумления и глубокого почтения, поднялись и, благоговейно сложив руки, выразили ему свое почтение. Он же обратился к ним, издавая глухой гром, как дождевая туча, насыщенная водой, и сказал:

5. “Вот чаша полная! Вокруг нее цветов гирлянда улыбается; единственная это чаша, всех чаш венец! Кто хочет эту чашу у меня купить?”

6. Она в оправе словно — и обвила ее цветов гирлянда, которую, как бы шутя, колышет ветер; побегами прекрасными украшена она! Кто же из вас купить хотел бы эту чашу?”

Тогда царь, любопытство которого возросло от изумления, с глубочайшим почтением взирая на Бодхисаттву, смиренно обратился к нему с такими словами:

7. “Сияньем ты подобен солнцу восходящему, а прелестью — луне, своим же видом кажешься одним из муни; благоволи сказать нам, под каким ты именем известен в мире; блеск качеств дивных заставляет нас в догадках о тебе теряться”.

Шакра сказал:

8. “Кто я, узнаешь ты потом; теперь же постарайся купить вот эту чашу, коль не страшишься мук в загробном мире и тяжких в этом мире бед”.

Царь сказал:

“О господин! Свою продажу начинаешь ты невиданным мной прежде способом!

9. Изображение достоинств и сокрытие всех недостатков — вот в чем обычный в мире способ свои товары продавать.

10. Как ты же поступают все подобные тебе, которые боятся и чуждаются неправды; ведь добрые, и в крайней находясь нужде, оставить правду не хотят.

11. Поведай, высокоблаженный, что наполняет эту чашу, и что тебе подобный хотел бы получить от нас в обмен?”

Шакра сказал:

“Узнай, великий царь.

12. Нет, не водою, тучею пролитой, наполнена она, и не водой из мест священных омовений; не мед здесь ароматный, собранный с тычинок лотоса, не масло чудное, не молоко, что цветом — как лучи луны, в безоблачную ночь ласкающей роскошно распустившиеся лотоса цветы!

Послушай ты о силе зелья, что наполняет эту чашу.

13. Кто выпьем это, тот, пораженный опьянением греховным, сознание утратит и, двигаясь, на ровном месте даже будет падать; не станет различать, что можно есть и что нельзя, и насладится всем. Вот чем наполнена вся до краев постыднейшая чаша! Ты покупай, она ведь продается!

14. Лишившийся рассудка человек, питьем из чаши опьяненный, уж действует без всяких размышлений; как бык тупой и неразумный, дает возможность он врагам смеяться над собой! Способен он пуститься в пляс перед собранием многолюдным, играя, как на бубне, на губах. Достоин купленным быть вами то, что в этой чаше, — отвратительное зелье!

15. Упившись им, привычную оставят даже всю душевную стыдливость люди, и, как ниргрантхи³, развязав стеснительные узы платья, прогуливаться медленно по улицам, где сборище народа, — вот это зелье в чаше, купить я предлагаю вам!

16. Упившись им и осквернившись выблеванной пищей, сознания лишившись, люди на улицах главнейших прямо спят, и без боязни псы им лижут лица — вот зелье, налитое в эту чашу. Прекраснейший напиток этот продается!

17. Им насладившись, в опьянение даже женщина способна оковы наложить и на родителей своих; способна ставить ни во что супруга; хотя б он, как Кубера, был богат; так вот какое зелье скрыто в этой чаше!

18. Упившись им, сознание разрушив хмелем, роды Вришни и Андхака⁴, забывши родственные чувства, друг друга начали дубинками разить: ведь зелье то, что в этой чаше, всех ума лишает.

19. Высокоблагородные, великим счастьем блиставшие когда-то роды, пристрастившиеся к нему, погибли. Смотрите: вот оно — родов губитель богатейших, вот в этой чаше налито оно и продается.

20. Здесь в чаше то, что разрушает разум: упившись этим, во власти демонов как будто человек бывает; тупеет взгляд его, становится тяжелым; утрачивает сдержанность язык; рыдает он, а после вдруг хохочет. О, несомненно, человек такой заслуживает общего презренья!

21. И даже пожилые люди, напитком этим помутив сознание свое, не могут удержаться на пути, ведущему ко благу; они бросают безрассудно ненужные, поспешные слова. И вот такой напиток в чаше продается мной. О царь! Ты эту чашу можешь взять, наполненную зельем.

22. По чьей вине когда-то боги древние, став беззаботными, из-за царя богов утратили высокое блаженство, и в поисках спасенья они все

утонули в океане — вот эта чаша чем полна! Возьмите!

23. Благодаря ему неправду можно говорить нам столь же смело, как и правду, творить постыдное с такою ж радостью, как и достойное хвалы, дурное добрым находить и ложь считать за правду. Поистине, оно есть воплощение проклятья — вот что содержит эта чаша!

24. Купи же у меня сию родительницу зла, несчастье воплощенное, вместилище пороков, безумия науку, единственный и совершеннейший путь в ад; та, что ввергает разум в мрак ужасный.

25. Благодаря чему рассудка лишены, не думают о счастье, о будущем, становятся способными убить отца и мать или отшельника-аскета; возьми же, царь, купи ты у меня напиток этот!

26. Таков хмельной напиток этот, который в мире столь известен под названием сура, о государь богоподобный; в ком нет привязанности к добродетели, тот должен постараться приобрести его.

27. Им наслаждаясь, привыкают к дурному поведению люди и через это в ужасную пучину ада попадают, иль в состояние животного, иль в бедственное состоянье претов⁵. Ну кто ж решился бы взглянуть хоть на него?

28. Ведь даже легкое возмездье за питье хмельных напитков губит разум и добрые задатки тех, кто человека путь проходит⁶, а далее за это люди попадают в ад Авичи⁷, пылающий огнем жестоким, или же в мир предков⁸, иль в состояние животного дурного.

29. На жизнь прекрасную оно нам не дает смотреть и славу добрую насильственно порочит, уничтожает стыд и оскверняет разум. Как видишь, это зелье все добродетели, что существуют, губит; так как же можешь ты еще сегодня пить хмельное, государь?"

И вот царь, уразумев благодаря хватающим за сердце убедительным словам Бодхисаттвы всю греховность употребления хмельных напитков и почувствовав отвращение ко всему хмельному, обратился к Шакре с такою речью:

30. "Ты говорил, как любящий отец сказать бы мог, за преданность и скромность награждая, иль как отшельник, знающий дела благие и греховные; так ты, желая мне добра, прекрасное прочел мне поученье: за это постараюсь я почтить тебя как должно делом!

Благоволи же, о господин, в благодарность за свои дивные слова принять от нас это выражение почтения:

31. Дарю тебе пять лучших деревень и сто рабынь, пятьсот коров и десять колесниц, прекрасными конями запряженные, ведь ты учитель мой, добра ты провозвестник!

Если же угодно, чтобы я сделал еще что-нибудь сверх этого, то да благоволит господин лишь приказать мне, и получит он больше этого".

Шакра сказал:

32. "Мне не нужны твои прекрасные деревни со всеми прочими дарами: узнай во мне богов владыку, царь. А провозвестника добра почтить ты должен тем, что внемлешь ты его словам и им последуешь отныне!

33. Ведь это — славы путь и счастья, а в жизни будущей — отрада различнейших высоких наслаждений; поэтому, оставивши свое при-

страстие к хмельным напиткам и опираясь на святой закон, ты насладишься царствием моим!”

Промолвив так, Шакра тотчас исчез. Царь же вместе со своими подданными — горожанами и селянами — прекратил употребление хмельных напитков.

Таким образом, “употребление опьяняющих напитков есть ужасное зло, влекущее за собой много грехов. Помня об этом, добрые должны поэтому и других удерживать от их употребления, а тем более воздерживаться от них сами”.

[Это же следует рассказать, повествуя о Тахтагате, предпослав рассказу слова: “Таким образом, даже и в своих прежних рождениях Великосущный стремился к благу мира”.]

XXI ДЖАТАКА О ЧУДДАБОДХИ

Гнева обузданием врагов смиряем мы и возбуждаем их — противным. Вот как об этом назидательно повествуется.

Однажды великосущный Бодхисаттва принял в сем мире рождение в одном великом брахманском роде, который широко прославился благодаря величию своих упражнений в добродетели, обладал значительным богатством, был уважаем царем и любим богами.

С течением времени он вырос, над ним были исполнены священные обряды, и вследствие постоянного упражнения в добродетели учения его имя скоро стало славно на собраниях ученых мужей.

1. Ученых слава на собраниях ученых расцветает, как сокровищ слава среди знатоков сокровищ, а героев слава — в битвах.

Благодаря знакомству с отречением от мира, проникновенному познанию закона, приобретенному в предшествовавших рождениях, и уму, просветленному мудростью, эта великая душа не находила услады в доме.

И вот он, покинув земные блага за тьму вражды, раздоров, тщеславия и мерзости, за их зависимость от царя, воров, воды, огня и неприятных родственников, за то, что они вызывали в нем неудовлетворенность и были преисполнены многочисленных грехов, отбросил их из любви к душе своей, как пищу, к которой прирешан яд. Отказавшись от красоты волос своих и бороды и облачившись в выцветшее желтое платье¹, он отбросил обольщение домашней одежды и обратился к свету обетов и установлений отшельнической жизни. Из преданной любви к нему его супруга обрезала волосы, и без всяких украшений на теле, украшенная только сиянием естественной прелести и добродетелей своих, облекшись в желтое платье, собралась отправиться за ним в пúстынь. И Бодхисаттва, видя ее намерение — последовать за ним для отшельнической жизни и зная несоответствие нежности женщины с пребыванием в лесной пúстыни, сказал ей:

“Милая, ты преданности глубину уж проявила, поэтому оставь свое намерение последовать за мной. Тебе приличествует жить там, где обитают отшельницы другие. Ведь жительство в лесу сопряжено с трудом великим. Смотри:

2. На кладбищах, в заброшенных домах, в горах, в лесах, зверями дикими кишаших, отшельники, лишенные приюта, после захода солнца, где придется, на ночь остаются.

3. И к созерцанию стремясь, обычно в одиночестве они живут; даже от вида женщин их сердца отвращены: поэтому ты помыслы на-

правь на возвращенье. Что пользы для тебя от сих скитаний?"

Она, принявшая твердое решение последовать за ним, со слезами, выступившими на глазах, сказала ему приблизительно следующее:

4. "О, если б мысль возникла у меня, что я устану от счастья тебя сопровождать, то разве я тогда б себе страдания причиняла и неприятное тебе, скажи?"

5. Но так как я не в состоянье жить, лишившись, ты должен мне простить, что не исполню повеление твое".

Дважды, трижды он обращался к ней с такими речами, и, когда она все же не захотела возвратиться, Бодхисаттва молчаливо допустил ее следовать за собой.

Сопровождаемый ею, как чакравака своей чакравакой², он проходил деревни, города, селения. Однажды в какой-то уединенной, восхитительной лесной местности, украшенной чудными зарослями деревьев с густою тенью, как бы ласкаемой проглядывавшими кое-где лучами солнца, нежными, как лучи луны, и где поверхность земли была покрыта пыльюю разных цветов, он после полудня предавался созерцанию. Вечером, выйдя из глубокого сосредоточения мысли, он стал шивать лохмотья одежды. И отшельница невдалеке от него, украшая собою подножие дерева, словно божество, блистая своей красотой, предавалась созерцанию, сосредоточивая внимание, как он ее учил.

И тамошний царь, посещая рощи, украшенные пышно разросшимися побегами, рожденными весною, наполненные жужжанием пчел, роями носившихся в воздухе, оглашавшиеся радостными криками кукушек, изобиловавшие чарующими водоемами, украшенными смеющимися цветами лотосов и водяных лилий, осве-

жавшиеся приятным ветерком, напоенным ароматом и благоуханием различных цветов, прибыл в эту местность.

6-7. Леса там доставляли радость сердцу. Они чудеснейшим ковром цветов блистали, что выткала для них красавица-весна, там раздавались крики громкие павлинов и кукушек, поверхность водоемов цветами лотосов усыпана была, и на лужайках пробивалась нежная трава, и слышалось жужжанье опьяненных пчел в местах веселых игр любовных.

И царь, почтительно приблизившись к Бодхисаттве, после взаимных приветствий сел возле него в стороне. Увидев ту прелестную отшельницу, он, с сердцем, пораженным ее дивной красотой, подумал: "Это, должно быть, последовательница его во святом законе", и по своей легкомысленной натуре стал размышлять о способе похитить ее.

8. Он слышал о могуществе подвижников, в пламени гнева сжигающих проклятьями, и потому, хоть страсть ослабила в нем твердые устои, он не осмелился неуважение проявить.

У царя явилась мысль: "Нужно узнать могущество его подвижничества, тогда и можно поступить надлежащим образом, но не иначе. Если его сердце доступно для страсти к этой женщине, то, очевидно, в нем нет силы подвигов, а если он свободен от страсти и мало внимателен к ней, то в нем должна быть эта великая сила подвигов". Поразмыслив так, царь, стремясь узнать силу подвигов Бодхисаттвы, словно желая ему добра, обратился к нему с такими словами:

"Послушай-ка, отшельник, в этом мире немало есть коварных насильников; не следует тебе жить в этих глухих лесах с этой твоей прекрасной последовательницею во святом законе. Если кто-нибудь забудет-

ся по отношению к ней, то, несомненно, и тебя будут осуждать. Подумай:

9. Ведь если кто-нибудь в такой пустыне, презрев святой закон, а вместе с ним тебя, столь обессиленного подвигами, насильно бы ее увел, что оставалось бы тебе, кроме печали?

10. Предавшись гневу и терзаясь сердцем, поправ святой закон, ты погубил бы славу. Так лучше пусть она живет среди людей; к чему подвижникам соседство женщин?"

Бодхисаттва сказал:

"Правду сказал государь! Однако же следует тебе услышать, что я сделал бы при таких обстоятельствах.

11. Кто явится противником моим в приливе наглости или по глупости, тот, несомненно, пока я жив, уйти не сможет, как пыль от облака, поток воды несущего".

И царь подумал: "Он очень внимателен к женщине и, значит, лишен силы подвигов", — и, презирая Великосущего, он, не боясь опасности с его стороны и находясь во власти любовной страсти, приказал слугам, назначенным надзирать за женщинами: "Идите и уведите эту отшельницу в мой дворец".

Услышав это, отшельница, словно настигаемая хищным зверем лесная лань, с выражением страха и смущения на изменившемся лице, с глазами, затуманенными слезами, прерывающимся от муки голосом пролепетала такие слова:

12. "Для мира, пораженного страданием, прибежище, отец — земли владыка; кому ж он сам несчастье несет, кого тот призовет себе на помощь?"

13. Увы! Покинули уж должности свои хранители миров, или их больше нет, или они во

власти смерти, так как спасти несчастных не стремятся? Да и святой закон, я думаю, теперь лишь звук пустой!

14. Да что богам до этого, когда владыка, не тронутый моей судьбой, хранит молчанье; а следует ведь и чужого даже защищать, когда злодеи с ним обращаются жестоко.

15. “Погибни!” — если бы такой проклятья молнией коснулся он скалы, то от ее твердыни остались бы одни воспоминанья; а между тем молчит он, хоть оказалась я в таком ужасном состоянии. Вот до чего я дожила, несчастная!

16. Или плохая если я, не стала разве более доступной сострадания, в подобное несчастье впад? Да разве сострадательное отношение к страждущим — не путь подвижников святых?

17. Я опасаюсь, что даже и теперь в твоей душе живет воспоминание о том, что не вернулась я, хоть ты и отсылал меня обратно, что даже неприятным для тебя путем хотелось мне приятного достигнуть. Увы, за то мне каково теперь!”

И вот отшельницу, которой оставалось только рыдать и изливаться в таких жалостных сетованиях, люди царя, по его приказанию, посадив на колесницу, увезли во дворец на глазах Великосущного.

Бодхисаттва же, подавив силу гнева силою своего спокойного размышления, так же как и прежде невозмутимо и с ясной душой сшивал свои лохмотья.

И царь сказал ему:

18. “Негодованием и гневом были полны слова, проникнутые силой, которые ты громко произнес. Теперь же, видя, как уводят ту прекрас-

ноликую, бессильем опечаленный, спокойствие хранишь?

19. Так покажи же рук своих великий гнев или могущество, накопленное подвигами! Ведь тот, кто, сил своих предела не учтя, без основания что-либо обещает, тот более сиять не может!”

Бодхисаттва сказал:

“Знай, великий царь, что не напрасно даю я обещанья!

20. Кто в этом случае противником мне был, как ни старался он, не получил свободы от меня, и силой я привел его к спокойствию; поэтому я не напрасно обещал”.

И царь, почувствовав глубокое уважение к добродетели подвижника, вызванное спокойствием, свидетельствовавшим о поразительной твердости Бодхисаттвы, впал в раздумье: “Так говоря, этот брахман мыслил что-то другое; и мы по незнанию опрометчиво допустили ошибку”. Размышляя так, он обратился к Бодхисаттве:

21. “Но кто другой был твой противник, который, всем стараньям вопреки, не срылся от тебя, как не уходит пыль, поднявшись вверх, от тучи? Кто приведен к спокойствию тобой?”

Бодхисаттва сказал:

“Слушай, великий царь.

22. Когда родится он — мешает видеть, коль не родится — видят хорошо, — и мной он не был выпущен: то — гнев, своих носителей губящий.

23. Тот, чье рождение доставляет радость зла жаждущим, мной не был выпущен: то — гнев, врагов веселье!

24. При появлении которого и дело доброе не начинается, тот, слепоту несущий, гнев, о царь, я угасил!

25. Им побежденные теряют счастье и даже благо, достигнутое раньше. Тот гнев, жестокому чудовищу подобный, уже рождавшийся во мне, я сокрушил вконец.

26. Как из сухого дерева, которое мы трем, огонь является ему на гибель, — подобным образом от ложных представлений в душе у нас ей на погибель гнев рождается.

27. И кто не угашает сердца пламя — свой гнев, когда он запылает, как огонь — того исчезнет слава вместе с мыслью, что недостойн он, — как лотосов ночных подруга, луны сиянье, на рассвете исчезает.

28. Как на врага на гнев кто смотрит, дурного поведения других не замечая, того и слава, несомненно, расцветает, как месяца растущего краса.

А вот еще и другой великий недостаток гнева:

29. Не блещет он и украшениями осыпанный: ведь гнева пламя уносит красоты сиянье, и в сердце, гнева острою стрелой пронзенном, страдание мы видим, хотя бы этот человек покоился на драгоценном ложе.

30. Забыв благоприятную для счастья сторону, от гнева человек идет путем неправым, лишаясь через то награды — славы, подобно месяцу, который в темной половине свою красоту теряет.

31. От гнева он бросается в погибельную пропасть, хоть удержать его пытаются друзья; обычно в глупую вражду вступает: ведь осла-

бевший разумом не различает, где добро, где зло,

32. И в гневе отдаваясь злым деяньям, оплакивает их средь бедствий сотни лет. Что больше этого враги могли бы сделать, хотя бы, злобой возбужденные, стремились причинить жестокий вред?

33. Наш гнев — враг внутренний, я знаю это. Какой же муж захочет выносить распространение наглости его?

34. Поэтому не выпустил я гнев, хотя он бьется в сердце: как можно просмотреть врага, который вред такой приносит”.

И царь, умиленный душою этим дивным, проникнутым высоким спокойствием, хватающим за сердце словом, сказал:

35. “Достойна твоего спокойствия великого такая речь! Зачем быть многословным? Я обманулся, не поняв тебя!”

Воздав ему таким образом хвалу и приблизившись к нему, он пал к его ногам и признался в своем грехе. И, спросив прощения у отшельницы, он отпустил ее; себя же самого предложил Бодхисаттве в слуги.

Таким-то образом, “гнева обузданием врагов смиряем мы и возбуждаем их — противным”; помня об этом, следует прилагать усилия к преодолению гнева.

[“Так беззлобием смиряют злобу и благодаря самообладанью злоба не разрастается; так укротивший гнев действует обоим на пользу”. В применении к таким и им подобным сутрам, предназначенным для восхваления терпения, должно рассказывать это; также в проповеди о греховности гнева и о величии Татхагаты.]

•

XXIII ДЖАТАКА О МАХАБОДХИ

Даже у испытавших недоброе истинно добрых людей сострадание к прежним благодетелям не ослабевает вследствие признательности и присущей им снисходительности. Вот как об этом назидательно повествуется.

Будучи Бодхисаттвой, господь наш был странствующим монахом по имени Махабодхи. Еще в состоянии домохозяина он досконально изучил, последовательно и с великим напряжением, ценимые миром отрасли науки и удовлетворил свое любопытство к познанию различных искусств. Обратившись всем сердцем к отшельнической жизни, стараясь о благе мира, с особенным вниманием погрузившись в науки о святом законе, он достиг в них степени учителя. Вследствие приобретенной им святости, глубины его мудрости, знания людей и поразительного искусства в обхождении с ними он был желанным и приятным гостем везде, куда бы он ни приходил, — и для ученых, и для царей, любящих ученых, и для брахманов-домохозяев, последователей других вероучений, и для странствующих монахов.

1. Людские добродетели сияют, на святые заслуги опираясь; от обходительности став приятными, они глубокое почтение вызывают даже у врагов, которым славу добрую беречь необходимо.

И вот Великосущный, проходя на благо миру деревни, города, поселки, царства и столицы, прибыл в область одного царя. Наслышавшись о великой силе его добродетелей, тот царь, узнав заранее о его приходе, с радостным сердцем велел построить в одном восхитительном месте своей увеселительной рощи для него жилище. Выразив свое почтение тем, что вышел ему навстречу и иными средствами, приняв его в сво-

ем царстве, он служил ему, словно ученик учителю, и внимательно слушал его.

2. В дом, богатства блеском озаренный, доверчиво вошедший гость добродетельный — великий праздник для того, кто любит добродетель!

Бодхисаттва же ежедневно выражал свою благосклонность к царю беседами о святом законе, радующими слух и сердце, постепенно наставляя его на путь спасения.

3. Ведь те, святой закон кто любит и к ближним сострадание чувствует, стремятся на добро направить мысли всех, даже любовь не проявивших; что ж говорить о человеке, подобном чистому сосуду, к добру стремящемуся и проникнутом глубоко добродетелью любви?

И министры того царя, пользовавшиеся приличествующим ученым уважением и окруженные почетом, потеряв рассудок из зависти к богатству добродетелей Бодхисаттвы, вызывавшему ежедневно возрастающее почтение к нему, не смогли вынести его славы.

4. Ведь муж чудесной силы, что привлекает мир к себе своей великой славой, из добродетелей его высоких исходящей, зажигает злобу в сердцах у тех, кто пользуется уважением лишь за искусство исполнения.

Совершенно неспособные победить Бодхисаттву открыто в диспутах и будучи не в состоянии вынести склонность царя к святому закону, эти люди стали шаг за шагом восстанавливать царя против Бодхисаттвы:

“Не следует государю подходить с доверием к этому странствующему монаху Боддхи. Так как всем известно о любви государя к добродетели и приверженности его к святому закону, он, несомненно, послан искусным соглядатаем какого-нибудь противника царя

и явился, чтоб разузнать о делах государя* и мягкими, коварно сладкими речами привести его к гибели. И вот, под видом праведности, он наставляет государя единственно лишь на дела сострадания, развивает в нем уныние стыдливости и побуждает к принятию обетов, противных полезному и приятному¹, несовместимых с делом властителя, ведущих к безумным поступкам; якобы из милосердия он под видом увещаний внушает тебе взгляды, которым ты должен следовать; он любит водить знакомство с послами других царей; ему неизвестны правила поведения, изложенные в книгах для царей. Поэтому наши сердца исполнены теперь великих опасений”.

Снова и снова обращались многие советники к царю с такими, якобы добрыми, речами, стремясь разъединить их, и расположение царя к Бодхисаттве ослабло, от недоверия уменьшилось проявление его любви и уважения к нему.

5. Когда гремят ревущие удары грома или злословья грозовые стрелы, спокойным и доверчивым кто может оставаться и истинную твердость мужа сохранить, ни в чем душой не изменившись?

И царь, от утраты доверия ослабивший свою любовь и уважение к Великосущному, уже не так, как прежде, стремился к проявлению своего внимания к нему. Бодхисаттва по чистоте своей сердечной думал: “У царей много дела”, — и не замечал этой перемены. Но, заключив об охлаждении царя из уменьшения учтивости и сдержанности со стороны царских приближенных, он, взяв свой тройной посох², чашу и прочую утварь странствующего монаха, приготовился к уходу.

Услышав об этом, царь, повинувшись остатку любви и из благовоспитанности и учтивости придя к нему, в

большом смущении, словно желая удержать его, обратился к нему со следующими словами:

6. “Ты так внезапно покидаешь нас; скажи же, почему к решению уйти склонился разум твой? Быть может, ты во мне заметил что-то, что породило ложные сомнения? Так знай, от упущения погрешность та возникла”.

И Бодхисаттва сказал ему:

7. “Мое стремление уйти не беспричинно, но вызвано оно не оскорблением от обращения дурного; сосудом праведности перестал ты быть от криводушия; поэтому тебя я покидаю”.

Тут подбежал с яростным лаем, широко раскрывая пасть, любимый пес царя; указывая на собаку, Бодхисаттва снова сказал:

“О великий царь, можно судить по этому животному:

8. Ведь прежде этот пес ко мне ласкался в угоду господину своему; теперь же, не умея притворяться, твои все чувства выдает он лаем.

9. Должно быть, что-то обо мне услышав от тебя, жестокое и злое из-за отсутствия любви, он поступает так тебе на радость: зависимых существ то образ действий!”

И царь, услышав эти слова и от стыда опустив глаза, глубоко пораженный этой пронизательностью его разума, в смущении подумал, что теперь ни к чему лицемерить и, поклонившись Бодхисаттве, сказал:

10. “Действительно, ты был предметом одной беседы, и дерзкие в моем совете говорились речи, а я делами занятый, все это допустил; благоволи ж простить мне это и останься, прошу тебя, не уходи отсюда!”

Бодхисаттва сказал:

“О, совсем не вследствие обиды от дурного обхождения, великий царь, и не из злопамятства я ухожу, а потому, что теперь мне не время, о государь, здесь оставаться. Взгляни сам, государь:

11. Если почтение и уважение, утратив блеск, дошло до безразличья, то не уйди я сам из-за привязанности или вялости ума, могло бы и до того дойти, что в шею вытолкали бы меня отсюда.

12. При обстоятельствах таких уйти — вот надлежащий образ действий; и поэтому я ухожу без пламени вражды в моей душе; пренебрежения удары ведь не изгладят в сердце праведных благодеяний прежних.

13. Но к жестокосердному никто не должен приближаться, как жаждущий воды к источнику сухому: усилий тут затратить нужно много, а польза будет и ничтожной и греховной!

14. Общенья искать нам должно с кротким и спокойным, подобным озеру большому, наполненному осенью водою чистой: известный миру этот путь открыт тому, кто блага жаждет и отворачивается от всех других страстей.

15. Кто отвернется даже от проявляющего преданность к нему, иль опечален будет расположением своим к отвергшему его, или забудет прежние благодеяния, тот, несмотря на облик человека, сомненья возбуждает — так ли это.

16. И непочтение, и чрезмерное почтение, и просьбы частые огнем сжигают дружбу: поэтому сберечь мне надлежит остаток нашей дружбы от разрушения моим здесь пребыванием, поэтому и ухожу я”.

Царь сказал:

“Если господин твердо решил уйти, то по крайней мере соблаговолит он снова нас осчастливить своим посещением: ведь и от пренебрежения нам должно охранять дружбу”. Бодхисаттва сказал: “Со многими препятствиями, о великий царь, возникающими из-за многих несчастий, связано наше пребывание в этом мире; зная это, нельзя с уверенностью обещать, что я приду. Если для прибытия сюда будет основательная причина, я снова увижу господина”. Утешив царя этими словами, Великосущный, с благопожеланиями и с великим почтением провожаемый царем, удалился из его царства. Этим общением с миром было смущено его сердце, и он, уединившись в некоей лесной местности и направив дух свой на созерцание, живя там, в короткое время достиг четырех степеней созерцания³ и пяти совершенных знаний⁴.

И меж тем как сам он наслаждался счастьем сладостного спокойствия, у него явилось воспоминание, соединенное с состраданием к тому царю, и он подумал: “Что происходит сейчас с тем царем?” И он увидел, как советники влекут его к ложным воззрениям, которые исповедовали они сами.

Один советник примерами, в которых трудно постигнуть причину, склонял его к учению о беспричинности:

17. “Какая есть причина лепестков и стеблей лотосов, тычинок, чашечек расположенья и цвета их, строенья, мягкости и прочих качеств? Иль кто расцветивает крылья пернатых? Ведь, без сомненья, таким же образом сам по себе мир этот существует”.

Другой советник излагал царю приятное его слуху учение о верховном существе как первопричине:

18. “Нет, беспричинным быть не может это все! И надо всем есть некто бесконечный и еди-

ный, кто утверждением своей чудесной воли сейдивный мир творит и разрушает вновь!”

“Все это — и добро, и зло — следствие действий прежних; личные усилия ни к чему не ведут”, — так ободрял его третий.

19. “Один как может произвести в одно и то же время разнообразную такую цепь вещей, а также и бесчисленных многоразличнейших существ? Все это основанием имеет действия, содеянные прежде. Ведь даже и способный прилагать усилия для достижения блаженства в несчастье впадает!”

Четвертый, излагая воззрения об уничтожении всего после смерти, увлекал царя обратиться к наслаждению земными уладами:

20. “Как дерева куски, различные по цвету, качествам и очертанью, не действиями собственными существуют и все же существуют, и как, погибнув раз, опять не возникают, так и сей мир; раз это так, то наслаждение главною должно быть целью нашей жизни!”

Пятый под видом воинской науки научал царя скверне жестокосердия, связанной лживостью житейской мудрости, противной праведности, утверждая, что это — закон царей:

21. “Царь! Пользуйся людьми, как будто это тень деревьев; стремись добиться доброй славы благодарности потоками до тех лишь пор, пока полезно пользоваться ими, — тому подобно, как при свершение жертвы мы пользуемся жертвенным животным”.

Таким образом, эти советники старались каждый вести царя неправым путем своих собственных лживых воззрений. И, увидев, что от общения с дурными людьми и от подчинения ума руководству других лю-

дей, которым он доверял, царь обратился лицом к пропасти, созданной этими воззрениями, — Бодхисаттва, с сердцем, склонившимся к состраданию, стал думать о средстве вернуть царя на правильный путь.

22. От упражнения в добродетели у праведных благодеянье в сердце остается, а оскорбленье исчезает, как с лotosовых лепестков вода.

И Бодхисаттва, подумав: “Теперь как раз подходящее время!” — создал чудесною силою в своей пустынной хижине большую обезьяну и, сняв с нее шкуру, все остальное заставил исчезнуть. Надев шкуру созданной его чудесной силой большой обезьяны, он явился к дверям царского дворца. Когда о нем было доложено привратниками царю, он был проведен последовательно через помещения, близкие от входа, охранявшиеся вооруженной стражей и наполненные советниками, брахманами, воинами, вестниками и городскими старейшинами, и вошел в царскую палату, у дверей которой стояли стражи с мечами и палицами и в которой окруженный высокообразованными, мудрыми и знаменитыми, хорошо одетыми людьми восседал на троне царь. Царь пошел навстречу Бодхисаттве и почтил его выражением учтивости, как это надлежит делать при приеме гостя, и после взаимных приветствий Бодхисаттва занял предложенное ему место.

Царь, у которого пробудилось любопытство, спросил его о приобретении кожи обезьяны: “Кто принес эту шкуру обезьяны достопочтенному, тем самого себя одарив великой милостью?” Бодхисаттва сказал: “Сам я ее приобрел, великий царь, никто не подносил ее мне. Если сидеть или спать на земле, едва прикрытой редкою травой и жесткой по своей природе, то очень изнуряется тело и нелегко предаваться исполнению предписаний закона. И вот я увидел в пустыне эту большую обезьяну и у меня явилась мысль: “Вот подходящее

средство для исполнения предписаний закона, шкура этой обезьяны!" Сидя или лежа на ней, можно, не желая даже и царского ложа, покрытого драгоценными покровами, предаваться исполнению предписаний святого закона, — с этой мыслью я убил обезьяну и снял с нее эту шкуру". Услышав это, царь по своей благовоспитанности и скромности ничего не ответил Бодхисаттве, только со стыдом в сердце несколько потупился. Советники же, и прежде питавшие в своих сердцах ненависть к Великосущному, теперь, когда представился удобный случай высказаться, с расцветшими лицами взирая на царя и указывая на Бодхисаттву, сказали: "О, до какой степени ум мудрого находит уладу в одной лишь любви к закону! О стойкость! О прекрасная способность решимости! Ведь чудо, что он один, истощенный подвижничеством, убил такую большую обезьяну, пришедшую в пустынь. Во всех отношениях да будет успешно его подвижничество!"

Без всякого негодования против них Бодхисаттва возразил на это:

"Не следует вам, други, меня порицать и забывать о красоте своих учений. Ведь это — не тот путь, каким мы можем снискать славу ученого. Посмотрите!

23. Других кто станет порицать ученье убивающею речью, поистине тот словно бы самоубийством другого обесславить хочет".

Таким образом, обратившись с упреком ко всем советникам вообще, Великосущный, желая выразить порицание каждому в отдельности, обратился к советнику, доказывавшему беспричинность всего⁵, и сказал:

24. "“Сам по себе мир существует” — провозглашаешь громко ты; коль правда это, то зачем меня ты порицаешь? Ведь от природы обезьяне смерть пришла? И грех откуда тут на мне? А посему я сделал правильно, убив ее.

25. Однако если все же на меня пал грех за убийство обезьяны, то ясно ведь, что есть причина этой смерти! Поэтому иль ты оставь о беспричинности учение свое, иль не высказывай здесь взгляды, которые тебе столь неуместны!

26. Ведь если лотосов окраска, их стебли и другие части беспричинны, то почему же появляются они не всюду и не всегда, скажи мне! Ведь из произвели вода и прочие начала; где есть они, является там лотос из семян, и не является он там, где этих нет начал.

Ты, о досточтимый, как следует об этом поразмысли!

27. “Причины нет!” — кто заявляет это громко и доказательства приводит для того, не разрушает ли он сам свое такое утверждение? А если приведением доводов он пренебрег бы, то что могло бы следовать из одного лишь утверждения его?

28. Кто, в единичных случаях причины не найдя где-либо, провозглашает полное отсутствие причин, тот, яркую причину пред собой увидя, становится ее врагом и в споре начинает бранью поносить ее.

29. И если незаметна где-нибудь причина, то как с уверенностью скажешь ты, что нет ее совсем? Ведь существующее можем не увидеть мы и по другой причине, как на исходе дня не видим солнца яркий диск.

30. Конечно же, для наслаждения стремишься ты к желанным лишь предметам и пользоваться им противными не хочешь. И службу царскую ты исполняешь потому, но в то же время возглашаешь: “Нет причины!”.

31. Итак — коль ты, о господин, повсюду видишь беспричинность, — убита обезьяна без причины. Зачем тогда меня ты порицаешь?”

Так, посрамив этими ясными доводами приверженца воззрений о беспричинности всего, Великосущный, обратившись к советнику, видевшему причину всего в верховном существе, сказал:

“Досточтимый также не должен порицать нас! Ведь верховное существо мыслится тобою как причина всего. Смотри!

32. Ведь если все свершает существо верховное, то, несомненно, им убита эта обезьяна! Так почему же ты так недружелюбен, что вину чужую валишь на меня?

33. И если обезьяны царственной убийство то существо верховное, проникшись состраданием, не совершило, зачем так громко провозглашаешь ты верховное то существо причиной всей вселенной?

И далее, ты мыслишь, о друг, что “все сотворено верховным существом”⁶.

34. Как можешь ты надеяться на существа верховного благоволение от того, что восхваляешь ты его и почитаешь: оно ведь самосуще и действует само через тебя.

35. И если свершена тобою жертва, то не оно ль ее свершитель? Кто силою своей великой что-либо совершает, тот ведь и есть свершитель!

36. И если преступления все верховное то существо свершает, то во внимание к какой же добродетели ты преданность к нему питаешь?

37. А если преступления оно от беззакония боязни не свершает, то говорить не подобает нам, что все верховным существом сотворено!

38. Его владычество проистекает из законного вещей порядка или из чего-нибудь другого; и если из законного вещей порядка, то существо верховное ведь ранее его и не могло существовать!

39. “Зависимостью” должно называться, когда другим что-либо создается; и если б это мы владычеством назвали, то нет у нас причины “владычество” кого угодно отрицать!

Даже и теперь от увлечения преданностью не размышляя, что достойно и что недостойно,

40. Коль ты причиной существо верховное считаешь, владыку всей вселенной, никак не должен на меня ты возлагать ответственность за совершенное владыкой умерщвление той обезьяны царственной!”

Таким образом, Великосущный заставил словно онеметь своими прекрасными доводами приверженца того воззрения, что причиною всего является верховное существо, и, обратившись с прекрасным словом увещевания к приверженцу воззрения, что все совершается прежними делами, сказал:

“Господин также не блещет умом, порицая меня; ведь ты полагаешь, что все сделано прежними делами; поэтому я говорю тебе:

41. О, если все является лишь в силу сделанного прежде, то в этом случае без нарушения закона мной убита обезьяна. Она ведь сожжена огнем пожара тех поступков, что ранее свершила; где ж здесь моя вина? И почему меня ты порицаешь?

42. А если умерщвлением обезьяны грех я совершил, тогда я это сделал, а не прежние дела! И если вызывает действие одно им обуслов-

ленное действие другое, никто в сем мире освобожденья не достигнет никогда!

43. Когда бы счастьем наслаждался тот, кто жил в условиях, несчастье производящих, или в несчастье же впадал бы тот, кто жил в условиях, производящих счастье, то можно было б с несомненностью считать, что счастья и несчастья единственная лишь причина — прежние дела.

44. Поскольку же не представляется нам в этом виде счастье и несчастье, то прежние деянья не являются единственною их причиной. А если б новые деянья не свершались, причем же здесь все старые деянья?⁷

45. И если прежними деяньями все сделано, и ты так продолжаешь мыслить, то почему же ты считаешь, что обезьяны умерщвление сам я совершил?”

Таким образом, как бы наложив на него безупречными доводами обет молчания, Великосущный, улыбнувшись, обратился к приверженцу воззрений о полном уничтожении всех вещей⁸:

“Как излишня та пылкость, с какой ты порицаешь нас, о досточтимый, если ты действительно придержи-
ваешься воззрений о полном уничтожении всего.

46. Другого мира если никакого нет, зачем же ограничивать себя и размышлять о чистом и греховном? Пусть мудрый поступает как ему угодно. Раз так, убита обезьяна эта справедливо!

47. А если же людской молвы боязнь от нехорошего должна нас отвращать и направлять на путь благой, то поведением, своим речам противным, людской молвы нам все же не избежать.

48. Ведь счастья на пути ученья своего не достигаешь ты из опасения людей; и потому из всех бесплодных умозрений то заблуждение крайнее, глупца ничтожного достойное вполне.

Вот ты сказал:

49. “Как деревья куски, многоразличные по цвету, качествам и очертанью, не действиями собственными существуют, хотя и существуют, и как, погибнув раз, уж вновь не возникают, так и сей мир, — раз так, то наслаждение главною должно быть целью нашей!”

50. Когда ученье об уничтожении полным тебе так любо, зачем тогда убийцу обезьяны или человека порицать?”

Таким образом Великосущный, рядом ясных и блестящих опровержений заставив приверженца воззрений о полном уничтожении искать убежища в молчании, обратился к советнику, изощренному в воинской науке:

“Ты, о господин, почему так порицаешь меня, если полагаешь, что должно действовать согласно наставлениям в житейской мудрости?”

51. По этому ученью, способом любим — и добрым, и недобрым — возможно добывать себе богатство. И человек, подняв себя на высоту благодаря богатству, закон религиозный будет выполнять⁹.

Поэтому тебе я говорю:

52. Если для личной выгоды должны мы пренебречь хорошим отношением к родне любимой даже — а эта обезьяна мной убита ради шкуры — какой упрек ты можешь сделать мне на поведение, предписанное даже книгами твоими?

53. А если следует нам действие такое порицать, страданье за собой влекущее, к тому же и за то, что совершили мы его без состраданья, то по какой причине ты не обращаешься к ученью, которым это дозволяется?

54. И если это — проявление мудрости житейской, то что ж — немудрости блужданья? И какова же наглость тех, кто, презирая мир, несправедливость проповедует, из книг закона исходя!

55. Раз недостойные дела такие предписаны столь ясным и понятным образом твоим ученьем, то я, путем, указанным твоими книгами, идущий, не должен осуждаться за убийство обезьяны”.

Таким образом Великосущный, совершенно разбив первенствовавших в собрании и полных спеси советников и увидев, что он завоевал все собрание вместе с царем, для устранения сомнений, возникших в их сердце относительно умерщвления обезьяны, сказал царю: “Нет, конечно, о великий царь, не убивал я живой обезьяны. Эта кожа обезьяны, созданной моей чудесною силою”. И, видя царя, а вместе с ним и все собрание, в высшей степени умиленных сердцем, он сказал:

56. “Кто, видящий, что из причин все вытекает, к тому ж свободно поступающий и знающий про мир другой, держащийся учений истинных и состраданием проникнутый, живую тварь убьет?

Смотри, великий царь!

57. Того, что сделает для капли славы тот, кто беспричинность проповедует, или свободу воли отрицает, иль отрицает будущую жизнь, иль воинским воззреньям следует житейским,

не сделает ведь никогда сторонник правых, истинных воззрений.

58. Воззрения, о лучший из людей, — хорошие или дурные — причиною являются и ответствующих действий. Воззрений согласованность имея в мыслях, из них те иль иные в речах или своих поступках люди проявляют.

59. Поэтому благим воззрениям мы следовать должны, оставь же ты источник бед — недобрые воззрения. Держаться надлежит того нам, кто следует добру согласного пути, от злых людей же нужно удаляться.

60. Не укротившие своих страстей, хотя носящие одежды укротивших, монахи по земле, как ракшасы, блуждают — то знаем мы. И губят эти ракшасы простой народ дурными взглядами своими, подобно змеям, что во взглядах яд содержат.

61. Сторонников воззрений беспричинности и прочих грубый вой, как вой шакала, обличает сущность их. Поэтому им следовать не должен мудрый, а должен он добра держаться, насколько хватит сил.

62. В сем мире тем, кто славой доброй обладает, не следует и ради дела дружбу заводить с людьми неправильных воззрений; ведь с зимним скверным днем соединившись, пострадала, свою утратив красоту, сама луна!

63. Поэтому, покинув тех, кто добродетели покинул, и почитая добродетель тех, кто почитать ее умеет, свою ты славу ярко разожги, разбив к грехам наклонность в подданных и к добродетели приязнь создав.

64. И большинство народа твоего с тобой следует закону праведному; к прекрасной жизни

обратившись, он стезей пойдет, ведущей к небесам. Сей мир нуждается в защите, а у тебя к нему стремление есть; и наслаждайся праведным законом, пути которого смирение делает приятным.

65. Свое ты поведение очисти, и славу обрети ты щедро подающего; приязненным свой дух ты сделай к каждому, как бы к родному; и, соблюдая праведный закон, ты долго землю охраняй. Таким путем достигнешь ты блаженства, неба, славы!

66. Земли возделываньем занятых иль скотоводству отдающих силы, словно растения в цвету или покрытые плодами, охраняй: не защищая сельских жителей, платящих подати, со всеми странами враждует царь.

67. Когда земли властитель купцов не охраняет, что заняты покупкой и продажей различнейших товаров, а также горожан, несущих пользу платой пошлин, тот этим вред своей казне приносит.

68. А если царь, по беззаботности своей, не почитает войско, не проявившее пороков в битве, а только доблесть, и славное искусством в деле ратном, то без сомнения победы счастье его покинет в битве.

69. И если царь идет путем, который осквернен пренебрежением к благочестивым, к тем, кто обладает высокой нравственностью, ученостью и сверхестественною силой, души величие являет, тот царь небесного блаженства не достигнет.

70. Как тот, кто с дерева срывает плод незрелый, тем убивает семя, а сока не находит,

так незаконные поборы собирая, свою страну царь губит и счастливым не бывает.

71. Напротив, подобно дереву, обильному прекрасными плодами, которое, когда они созреют, богатый урожай дает, страна, царем хранимая, благое и полезное, а также и приятное владыке своему доставит.

72. Советников надежных, умеющих служить тебе на пользу, друзей достойных и своих родных привязывая сердца приятной речью и ценными подарками, с почетом подносимыми.

73. И посему, закон ты почитая, неусыпно на достижение спасения народа все помыслы направь; и правосудием, свободным от пристрастия и вражды, народ свой охраняя, ты этим и свои миры храни¹⁰.

Таким образом, Великосущный, удалив царя с ложного пути, созданного неправильными воззрениями, и направив его вместе со всем собранием на путь благой, вслед за тем поднялся в воздух и при выражении глубокого почтения народа, благоговейно сложившего руки и смиренно склонившегося перед ним, возвратился в свою лесную обитель.

Таким образом, “даже у испытавших недоброе истинно добрых людей сострадание к прежним благодетелям не ослабевает вследствие признательности и присущей им снисходительности”.

[“Помня об этом, не должно забывать то, что ранее было сделано причиняющим зло”. Таким образом, владыка, не достигнув еще окончательного просветления, побеждая в воззрениях других, распространял правила доброй жизни среди живых тварей. Так должно говорить в рассказе о Будде. “Таким образом, ложные воззрения не могут устоять перед рассуждением вследствие отсутствия в них опоры; поэтому им не

должно следовать”, — так следует говорить при порицании ложных воззрений, а также при прославлении правильных воззрений.]

ОДНО ВД

ОДНО ВД

XXV. ДЖАТАКА О ШАРАБХЕ¹

Даже к желающему убить, попавшему в беду высокосо-
страдательные проявляют сострадание и не оставля-
ют его своим участием. Вот как об этом назидательно
повествуется.

В некой отдаленной лесной местности, где не встре-
тишь человека и не услышишь человеческого голоса,
служившей пристанищем стад диких животных, гу-
сто заросшей кустарниками и деревьями, подножия ко-
торых тонули в зарослях травы, где не проезжало ни
колесо колесницы или телеги, ни нога путника не сту-
пала, очерчивая дорогу или рубеж, где земля была не-
ровная от глубоких ложбин, муравейников и ям, жил
Бодхисаттва в облике шарабхи, одаренный силою, бы-
строю, большим и очень крепким телом прекрасной
окраски. Вследствие его великого сострадания в его
сердце не было коварства против живых тварей; он
питался только травою, листьями и водой; в силу сво-
ей удовлетворенности он всей душой наслаждался жи-
тельством в лесу, как жаждущий уединения отшель-
ник, и украшал собою эту лесную местность.

1. В животном облике он человеческим ра-
зумным духом обладал и, как подвижник, со-
страдательным ко всякой твари был. И жил
в лесу уединенно, словно йог, одной травой до-
вольствуясь.

И вот однажды некий царь, повелитель той страны,
верхом на своем лучшем, поразительно быстром коне,
с натянутым луком и стрелами в руках, желая испы-

тать на животных свое искусство владеть оружием, в страстном увлечении преследуя диких зверей, далеко удалившись от отряда, состоявшего из слонов, конницы, колесниц и пеших воинов, прибыл в ту местность. Издали еще увидев Великосущного и твердо вознамерившись убить его, он, наложив острую стрелу на свой лук, направил к нему коня. И Бодхисаттва, заметив приближавшегося коня и на нем вооруженного царя, хоть и был достаточно силен, чтобы противостоять нападению, но, отрешившись от насилия и вражды, с величайшей быстротой бросился бежать. Преследуемый царем, он встретил на пути большую расщелину и, быстро перепрыгнув ее, словно лужицу, побежал дальше. А конь, мчавшийся с предельной быстротой за шарабхой той же дорогой, достигнув этой впадины и не отважившись перепрыгнуть через нее, внезапно остановился.

2. И тут упал с коня с оружием вместе земли владыка, и полетел он вниз в глубокую расщелину, как воин-дайтъя в океан.

3. Направив взор свой на шарабху, не обращая ни на что вниманья, он пропасть под ногами не заметил; не удержался он в седле из-за того, что конь внезапно стремительный свой бег остановил.

Когда прекратился топот копыт коня, Бодхисаттва подумал: "Почему бы царь мог повернуть назад?" Обернувшись, он посмотрел назад и увидел лошадь без всадника, стоявшую на краю пропасти. Тогда он стал размышлять:

"Несомненно, царь упал в пропасть: нет ведь там ни дерева с густою тенью, к которому можно было бы прислониться для отдыха, ни озера с водою чистою и голубою, как лепестки голубого лотоса, пригодной для купанья. Углубившись в эту населенную хищны-

ми дикими зверями лесную чащу, не стал бы он, оставив где-нибудь прекрасного коня, ни отдыхать, ни преследовать зверя пешком. Нет там и никаких зарослей травы, где бы он мог спрятаться. Поэтому ясно, что царь упал в пропасть". Тогда Великосущный, обретя твердую уверенность, даже к тому убийце почувствовал большое сострадание:

4. "Еще сегодня под звуки громкой музыки его сопровождало украшенное яркими знаменами, доспехами блистая и оружием, войско из конницы, слонов, пехоты, колесниц,

5. Прекрасный зонт был над головой его, сверкали опахала красотой жемчужных ручек; и, как богов, владыку, сложив смиренно руки, его народа толпы прославляли; он обладал благами всеми царского величья.

6. Теперь же он в глубокой пропасти лежит; от быстроты падения разбито его тело; он потерял сознание или мучительно страдает. Увы! Несчастье какое на него свалилось!

7. Лишениями закаленные, сердца простого люда не так глубоко поражаются страданиями, как не выдавшие страданий, нежные сердца людей из знати, случайно оказавшихся в беде.

Он оттуда не сможет выбраться. Если в нем еще осталось дыхание жизни, то так его бросить невозможно".

С таким помышлением Великосущный, влекомый состраданьем, подошел к самому краю пропасти. И там он увидел царя: от пыли его оружие потеряло блеск, измялись его тюрбан, одежда и пояс; боль от удара при падении в пропасть измучила его душу, и он, потеряв присутствие духа, корчился всем телом.

8. Когда увидел он в мученьях корчившегося царя, глаза его наполнились слезами; от

сострадания забыв, что это — враг, он сам почувствовал такие же страдания.

9. И обратился он к царю со скромностью, любезно, свое естественное благородство проявляя и ободряя речью, из ясных слов составленной, проникнутой учтивостью, влекущей сердце:

10. “В расщелину глубокую упав, чего-нибудь, великий царь, не повредил ли ты себе? Чего-нибудь ты не сломал ли в теле? Как боль твоя? Идет она на убыль?”

11. Не демон я, о лучший из людей, а лишь животное, в твоей стране живущее; твоей травой и водой я вскормлен; поэтому ты должен проявить ко мне доверье.

12. Ты от паденья в пропасть твердость духа не теряй, ведь в силах я тебя извлечь оттуда. Если меня считаешь ты доверия достойным, тотчас же прикажи, и я к тебе приду!”

И у царя от этой необыкновенной речи шарабхи сердце наполнилось изумленьем; конечно, ему стало стыдно, и потому он впал в такие раздумья:

13. “Он видел доблесть своего врага — меня, и все же сострадателен ко мне! И как я мог неверно поступать по отношению к сему безгрешному!”

14. Увы, пристыжен я его поступком добрым, но горьким для меня; ведь это я — зверь дикий или бык! А он шарабхи облик только носит.

Поэтому я должен почтить его принятием его приветливого предложения!”

Решив так, царь сказал:

15. "Не очень пострадало мое тело, доспехами покрытое, и выноσιма боль, полученная от паденья в пропасть.

16. Но от страданий, причиненных мне паденьем в пропасть, я меньше мучаюсь, чем от сознания своей ошибки по отношению к тебе, столь сердцем благородному.

17. И не храни ты в памяти своей, что, виду внешнему поверив, тебя я принял за лесного зверя, не ведая природы истинной твоей!"

И шарабха, заключив из этого исполненного дружелюбия обращения царя о его согласии быть извлеченным из пропасти, стал упражняться с помощью камня, имеющего вес человека, и, убедившись в достаточности своих сил, решился извлечь царя из пропасти. Спустившись в расщелину и почтительно приблизившись к царю, он сказал:

18. "С моим ты телом соприкосновенье в угоду делу на мгновенье потерпи, пока, блаженства своего тем достигая, я не заставлю радостью сиять твой лик!

Посему да благоволит великий царь подняться на мою спину и держаться на мне покрепче".

Тот, ответив ему: "Хорошо", — взобрался на него, как на коня.

19. С царем, сидевшим на его спине, поднявшись на дыбы и с изумительною силой и быстротой взлетевший вверх, казался он слоном, изображаемым на арках.

20. Извлеки же из пропасти людей владыку, он, радостный, подвел его к коню и, показав ему в столицу путь, собрался в лес уйти.

И царь в благодарность за его услугу, оказанную с такой скромностью, с умиленным сердцем обняв шарабху, сказал:

21. “Вся жизнь моя — твоя отныне, о шарабха, не говоря о силе моей власти. Поэтому благоволи ты посетить мою столицу, и если там тебе понравится, она твоим пусть будет обиталищем!

22. Но в страшном сем лесу, охотниками полном, столь тягостном от холода, жары, дождя и прочих бедствий, тебя оставив, никак нельзя мне одному уйти домой.

Поэтому иди, идем со мною вместе!”

Бодхисаттва, выражая ему свое благоволение, со скромностью и приятной вежливостью сказал:

23. “О лучший из людей! Для тебе подобных и добродетель любящих такое поведение естественно. Ведь добродетель вселяется в природу праведных благодаря их постоянным упражнениям.

24. И если хочешь ты, дворец свой предлагая, приятное мне сделать, привыкшему так жить в лесу, — о том довольно: одно приятно для людей — иное по рождению привычно для животных.

25. Но если хочешь сделать мне приятное — оставь занятие охотой, о герой! Животные имеют слабый разум по своей природе, поэтому несчастные лесные звери особенно достойны сострадания.

26. Пойми, что сходно чувствуют живые существа, приятное ища и отстраняя неприятное. Поэтому, что не желательно тебе, то и другим ты делать не старайся!

27. Уничтожение славы, людей благочестивых порицание, страдания — от злых поступков происходят; зная это, ты зло как своего врага

уничтожай, потворствовать ему, как и болезни, не годится!

28. Преумножай те чистые заслуги, при помощи которых ты достиг людьми ценимой царской обители блаженства: не должно уменьшать количество заслуг!

29. Так собирай заслуги те святые, несущие блаженство нам и славу, при помощи даров обильных, их поднося во время нужное и с уважением; и с помощью общенья с праведными, от них научись ты нравственному поведению, а также потому, что блага будешь ты желать, как и себе, всем существам”.

Таким образом Великосущный, твердо наставив того царя в делах, относящихся к будущей жизни, своими исполненными благорасположения словами и с великим почтением провожаемый взорами того царя, скрылся в лесу.

Таким образом, “даже желающему убить, попавшему в беду, высокосоудательные проявляют сострадание и не оставляют его своим участием”.

[Еще в рассказе о сострадании следует излагать это, а также повествуя о величии души Татхагаты и наставляя внимательно слушать закон. В проповеди о том, что благодаря дружелюбию успокаивается вражда, и о снисхождении также следует привести это. И в состоянии животного Великосущный даже к убийцам проявлял сострадательное отношение; кто же, будучи человеком или же приняв обеты отшельника, выделялся бы отсутствием сострадания по отношению к живым тварям?

Зная это, благородному следует быть преисполненным сострадания ко всякому живому существу.]

XXX ДЖАТАКА О СЛОНЕ

Даже страдание, если оно несет благо ближнему, праведные ценят высоко, словно прибыль. Вот как об этом назидательно повествуется.

Бодхисаттва как-то был большим слоном, живущим одинокой жизнью в некоем пригодном для жительства слонов лесу, словно украшенном нежными порослями прекрасных деревьев, верхушки которых были скрыты плодами, цветами и побегами; с землей, покрытой разнообразными кустарниками, деревьями и травами; с горами и возвышенностями, которые словно задержались здесь, привязавшись всем сердцем к чарующей красоте леса и не тоскуя по другим местам. Этот лес, имевший многоводное и глубокое озеро, отделенный со всех сторон от населенных мест великою пустыней, где не было ни дерева, ни куста, ни воды, служил прибежищем лесных животных.

1. Деревьев листьями и лотоса побегами, водой питаясь, как подвижник, он наслаждался удовлетвореньем и спокойствием.

Однажды Великосущный, проходя по опушке этого леса, слышал доносившийся из пустыни человеческий крик. У него явилась мысль:

“Что бы это могло быть? Ведь через эту местность не проходит никакая дорога, идущая в какую-либо страну; не похоже, чтобы эту великую пустыню пересекли охотники, тем более ради связанной с большими лишениями ловли моих сородичей-слонов.

2. Значит, либо с дороги это сбившиеся люди, проводники которых заблудились, иль люди, изгнанные гневом царским, либо беспутством собственным своим.

3. К тому же слышится оттуда звук бесильный, лишенный радости, веселья, бодрости

и полный лишь одних страданий, как будто кто-то там рыдает!

Во всяком случае, я это узнаю”.

И с этой мыслью Великосущный, увлекаемый состраданием, устремился туда, откуда слышались звуки человеческого голоса. Когда он услышал более ясные вопли, полные отчаяния и уныния, эти умоляющие крики преисполнили состраданием его сердце, и он побежал туда еще быстрее. Выйдя из лесной чащи и посмотрев вдаль, — а та местность была лишена деревьев и кустарников — он увидел людей, числом семьсот, ослабевших от голода, жажды и усталости, обративших взоры к тому лесу и умоляющих о помощи. Люди эти тоже заметили Великосущного, приближавшегося к ним, словно движущаяся вершина снежной горы, или сгустившийся белый туман, или осеннее облако, как будто гонимое к ним силою ветра; заметив, что он обратился в их сторону, охваченные отчаянием и унынием, они подумали: “Он убьет нас теперь, мы погибли!” Но даже когда ужас овладел их сердцами, лишенные сил от голода, жажды и изнеможения, они не смогли сделать усилия, чтобы бежать.

4. Отчаяньем охваченные, бессильные от голода, усталости и жажды, даже в опасности они попытки сделать не могли к спасенью бегством.

И Бодхисаттва, видя их испуг, промолвил: “Не бойтесь, о не бойтесь! Вам от меня нет никакой опасности!” — и поднял свой хобот с гладким, меднокрасным широким пальцем, успокаивая их. Приблизившись к ним, он, испытывая сострадание, спросил: “Кто вы? И как вы попали в эту страну?”

5. От пыли, солнечных лучей вы побледнели и исхудали! Тоской, усталостью измученные, кто вы, зачем пришли сюда?”

И те люди, пришедшие в себя благодаря его обращению человеческим голосом, выразавшим не только то, что он даровал им безопасность, но и готовность прийти на помощь, поклонились ему и сказали:

6. “Сюда мы гневом царским на глазах родных, отчаявшихся в скорби, заброшены, слонов владыка.

7. Но, видно, не совсем еще несчастна наша доля; теперь лицом к нам счастье обратилось, когда ты нас увидел, прекраснейший из всех друзей и родичей!

8. Теперь же выпало нам счастье лицезреть тебя, и потому мы знаем, что позади остались наши беды! Тебе подобного даже во сне увидев, кто от несчастья бы не спасся?”

И великий слон сказал им: “Сколько же вас?” Люди ответили:

9. “Была нас тысяча мужей, оставленных здесь государем, о прекраснотелый! Но многие, не знавшие страданий раньше, от голода, от жажды и тоски погибли.

10. И вот нас здесь, слонов владыка, семь сотен лишь осталось, которых смерти пасть вот-вот проглотит; для нас ты воплощенным утешением явился!”

Когда Великосущный услышал это, от присущего ему сострадания у него на глазах выступили слезы и, охваченный жалостью к путникам, он сказал им приблизительно так:

“О горе!

11. Увы! Как жалости лишен, стыда не знает, о мире том не беспокоится ум этого царя! О, каково же к собственному благу пренебрежение чувств его, которых увлекает великолепье царское, изменчивое, как зарница.

12. Я думаю, не знает он, что смерть близка, не слушает, что грех плохим кончается. Увы, как же беспомощны цари, что, очень плохо рассуждать умея, столь невнимательны к словам совета.

13. Ведь тела одного лишь ради, вместилища болезней, от смерти гибнущего, подобная к живым жестокость! О неразумие великое!”

И вот у повелителя слонов, обратившего свои взоры, полные нежности и сострадания, на тех людей, явилась мысль:

“Измученные голодом, жаждою и усталостью, сильно ослабевшие телом, как смогут они без целительной пищи пройти эту безводную, без всякой тени, простирающуюся на много йоджан пустыню? Что могло бы без особых затруднений послужить для них пропитанием хотя бы на один день, даже и в этом лесу слонов? Тем не менее они смогли бы, захватив в дорогу мое мясо и набрав воды в мои внутренности, как в меха, пересечь эту пустыню, но никак не иначе!

14. Поэтому пусть станет мое тело, вместилище столь многих сотен немощей, ладьею для спасения от несчастья объятых муками людей.

15. Для достижения блаженства — и неба, и освобождения конечного, пригодно рождение человеком. Но трудно достигается оно. Так пусть же не пройдет оно для них бесследно.

16. В своей я местности здесь нахожусь; пришедшие сюда — мои ведь по закону гости! В несчастье впавшие, родни лишенные, они особенного сострадания достойны!

17. О, наконец-то многих немощей сосуд, труда так много доставляющая из-за своих болезней постоянных, носящая название “тело”,

зла громада на пользу ближних здесь себе употребление найдет!"

Некоторые из путников, с телами, истощенными от страдания, голода, жажды, усталости и зноя, сложив руки в мольбе, со слезами на глазах, поклонились ему и, в изнеможении, знаками рук просили у него воды:

18. "Ведь ты — прибежище для нас, родни лишенных, защита наша! Благоволи спасти нас, высокоблаженный, путем, который знаешь ты!"

Так жалостно они ему говорили. Другие, более сильные духом, просили указать место, где есть вода, и дорогу для спасения из губительной пустыни:

19. "С водою пруд, с холодной водой река, здесь если есть, иль водопад, тенистые деревья иль зеленая лужайка? О царь слонов, ты нам их укажи!"

20. И если полагаешь ты, что из пустыни этой можно выйти, то, милосердие проявив, нам направление это покажи!"

Ведь мы уж много дней бродим здесь, в пустыне. Посему да благоволит владыка нас спасти!"

И сердце Великосущного еще сильнее преисполнилось состраданием из-за этих жалостных просьб, и так как из этой пустыни можно было спастись, то он, показывая им на гору своим поднятым, как изгиб большой змеи, толстым хоботом, сказал: "Под этой горой находится большое озеро с чистой водой, украшенной цветами лотоса; вот этой дорогой вы и идите. Там вы освободитесь от зноя и жажды и от усталости. Недалеко оттуда вы увидите тело слона, упавшего с горы. Захватив с собой в дорогу его мясо и, как в меха, набрав воды в его внутренности, идите все в том же направлении."

Таким образом без больших бед вы выйдете из этой пустыни". Так Великосущный сперва утешил этих людей, а затем поспешил уйти оттуда другою дорою, поднявшись на вершину той горы; в стремлении спасти эту толпу людей, он решился отдать им свое тело и подкрепил свое твердое решение такими словами:

21. "Не для того стараюсь я, чтобы достигнуть состоянья лучшего, и не из-за стремления к зонту, знаку величья царского, ни к наслаждениям несравненным на небесах или к блаженству Брахмы или конечного освобожденья благу.

22. Но если есть заслуг хотя немного у меня, то пусть, стремясь спасти в пустыне гибнущих людей, буду я спасителем для мира, блуждающего в сансаре, как в пустыне".

Придя к такому решению, Великосущный, в радости своей не думая о мучительной смерти от удара при падении, согласно со своим решением бросился с обрыва.

23. Сиял он, падая, как облако осеннее, или как с диском опрокинутым садящийся за Астагири¹ месяц, или как покрывало снежное вершины горной, сброшенное ветром, стремительным от взмахов крыльев гаруды².

24. И, потрясая землю и ее горы, а также сердце Мары, властью опьяненное, как вихрь, с ужасным шумом падал он на землю, склоняя долу все лианы леса и лесные божества.

25. И, несомненно, обитавшие в лесу в то время боги, глубоко изумившись, от радости простерли к небу руки, украшенные пальцев вытянутых нежными побегами, и от восторга поднялись у них на теле волосы.

26. Благоуханными цветами, окрашенными сандаловою пылью, его осыпали одни, другие — украшениями или блиставшими узорами из золота одеждами своими.

27. Одни, благоговейно созданными гимнами, вверх поднимая сложенные руки, похожие на лотоса цветок, склоняя головы в чарующе прекрасных диадемах, в почтительных молитвах славили его.

28. Благоуханным и насыщенным пылью цветочной ветром, убирающим венками пены волны, его другие оведали; а некоторые в воздухе над ним воздвигли балдахин из облаков густых.

29. Его почтить желая, одни в благоговенье в небесные литавры били; другие же украсили тогда деревья расцветшими не в их положенное время цветами, плодами и побегами.

30. А небеса осенней прелестью украсились, и солнца руки словно бы длиннее стали от радости его коснуться, и даже океан в своем стремлении к нему взметнул высоко волны.

Между тем путники, придя наконец к озеру и избавившись от зноя, жажды и усталости, как и было сказано Великосущным, недалеко от озера увидели тело недавно умершего слона. У них явилась мысль:

“О, как этот слон похож на того владыку слонов!

31. То брат того великого слона, иль родственник какой-нибудь, иль сын? Ведь и того, и этого красой вершины снежной блистает тело дивное, хоть этот слон разбился.

32. Как будто красота всех лотосов в одно слилась, иль лунный свет в громаду обратился, иль тень того слона на зеркала поверхности здесь отразилась?”

И у некоторых, которые были более проницательны, явилась мысль: "Насколько мы видим, это тот же самый слон, необычайною красой подобный слонам-миродержателям. Заботясь о спасении людей, настигнутых несчастьем, лишенных родственников и друзей, он сам бросился с обрыва.

33. Так, значит, шум, что был нам слышен, подобный шуму урагана, землю потрясшего, паденьем вызван был его.

34. Сомнений нет — его ведь это тело, — краснеющее, будто корни лотоса; с украшенною пятнами изящно шерстью белой, как месяца лучи; и те же с белыми ногтями ноги, как у черепахи; тот же хребет, изогнутый красиво, словно лук.

35. Тот самый это, мады струйками блистающий, благоуханье ветру отдающий, продолговатый полный лик; и та же голова, высокоподнятая, великолепная, на крепкой шее, которой никогда погонщика не тронуло бодило.

36. Клыков та ж пара медоцветных, со знаком гордым, покрывшимся откоса красной пылью; тот самый хобот, с длинным пальцем-лотосом, которым нам дорогу показал.

Поистине, это самое необыкновенное чудо!

37. О, какую дружбу проявил он к нам, чья вера, поведение, происхождение известны раньше не были ему. Не слышал даже он о нас, судьбой убитых! Так какова же доброта его к друзьям или родным!

Всяческая слава и поклонение да будет ему, высокоблаженному!

38. К таким, как мы, несчастием измученным, от страха и тоски отчаявшимся людям, на помощь приходя и тем поддерживая гибнущее

поведенье праведных³, кто же такой он в образе слона?

39. Где научился он такой необычайной доброте? У ног какого же учителя в лесу сидел он? “Одна телесная лишь красота без добродетелей не радует”, — народ так говорит, и здесь воочию увидеть это можно.

40. О, как своей природы дивной совершенством святую доброту, он, как и должно, проявил! Поистине он даже мертвый, найдя себе удовлетворенье, как будто радость выражает телом, сияющим, как снежная вершина.

Так кто же теперь сможет есть мясо того высокодобродетельного существа, которое, своей добротой далеко превосходя любящих родственников и друзей, явилось спасти нас и пожертвовало даже своею жизнью ради нас? Нам надлежит, оказав должное почитание, уплатить наш долг ему сожжением и похоронами его останков”.

И, видя, что они, словно у них умер родственник, всем сердцем отдались скорби, что глаза их полны слез и рыдания прерываются в горле, более твердые духом, видя разницу в данном случае, сказали:

“Не так должен быть нами почтен и превознесен этот великий слон. Нам должно оказать ему почтение осуществлением его намеренья, вот так мы полагаем.

41. О нашем ведь спасении заботясь, он, незнакомый нам, пожертвовал свое так тело, что было дорого ему, ради любимых еще более гостей.

42. Поэтому намеренье его нам следует исполнить; иначе будет ведь напрасным этот подвиг!

43. Он из любви пожертвовал, чтоб оказать прием гостям, всем, что имел; так кто же, не

приняв его, напрасным сделает его гостеприимство?

44. Приняв его слова, как наставление учителя, мы сможем оказать ему почтение и обеспечить безопасность для себя.

45. Избавившись от этих бедствий, потом, все вместе или порознь, окажем почести ему. Для этого великого слона исполним все обряды, которые для родственника должно совершать, ушедшего от нас”.

Тогда те люди, помня намерение того великого слона, вытекавшее из его заботы о спасении их из пустыни, и не противясь его слову, взяв с собою мясо Великосущного и, как мехи, наполнив его внутренности водою, по указанному им направлению благополучно выбрались из пустыни.

Таким образом, “даже страдание, если оно несет благо ближнему, добродетельные ценят высоко, словно прибыль”. [Это следует сказать при восхвалении добродетельных. Это же должно рассказать в слове о Татхагате. Или научая внимательно слушать святой закон. В слове о приобретении доброты должно говорить: “Таким образом, доброта, которую упражняли в других рождениях, проявляет свое действие и в последующих!” Следует также рассказывать об этом, научая добродетели постоянной щедрости: “Таким образом, привыкнув жертвовать имением, люди без труда жертвуют и любовью к себе самому”. И о словах, сказанных Владыкой в час великой нирваны, когда он был окружен небесными цветами и звуками музыки: “Не так, о Ананда, не таким образом почитают Татхагату!” — это должно рассказать так: “Таким образом, почитание должно быть оказано осуществлением

намерения, а не благоуханием венков и прочими приношениями”.]

XXXIII ДЖАТАКА О БУЙВОЛЕ

Лишь в том случае можно проявить кротость, когда представляется случай простить кого-либо. Поэтому добродетельные даже причиняющих им зло почитают как приносящих пользу. Вот как об этом назидательно повествуется.

Бодхисаттва жил как-то в одном лесном уголке в облике дикого буйвола, с телом в грязных пятнах тины, похожего на движущееся темное облако. Пребывая даже в таком, полном заблуждений, состоянии животного, в котором трудно познать праведный закон, он все же благодаря своему острому уму всеми мыслями ревностно стремился к праведному поведению.

1. И никогда его не оставляло сострадание, что, долго следуя за ним во всех рожденьях, его неотделимым свойством стало. Но все ж его какие-то поступки повлияли на то, что он родился в этом состоянье.

2. Поэтому Владыка говорил, что непонятна связь между поступками и воздаянием за них. Хотя он был проникнут состраданием, на долю его выпало рождение животным. Но и тогда сознание праведности было у него.

3. Без кармы нет рождений ряда, и добрые дела не могут принести дурного плода. Однако, хоть и праведности преданный, он иногда в различных состояниях рождался, определенных мелкими частями кармы¹.

И вот одна низкая, подлая обезьяна, видя его всегда проявляемое врожденное благородство и понимая,

что благодаря милосердию он не может прийти в гнев или ярость и потому его нечего бояться, различным образом очень сильно досаждала Бодхисаттве.

4. Ведь самую большую наглость проявляет негодяй по отношению к сострадательным и мягким, доходит он до самых безобразных действий, так как нисколько не боится их. Но только лишь почувствует малейшую опасность, каким смиренным он становится, как быстро исчезает его наглость!

Эта обезьяна то внезапно прыгала сверху на Великосущного, когда он спокойно засыпал или в полудреме клевал носом, то, взобравшись на него, как на дерево, она раскачивалась на нем. Иногда, когда он был голоден, она, загораживая ему дорогу, мешала пастись. Иногда она тыкала ему в уши палкой. Когда он желал искупаться, она забиралась ему на голову и закрывала ему глаза руками, а иногда, взобравшись на него и нахально усевшись ему на спину, она понукала его поднятой палкой и изображала из себя Яму².

Великосущный Бодхисаттва прощал ей без всякого волнения, гнева или раздражения, считая все это наглое поведение обезьяны как бы даром.

5. Для грешников естественно идти дурной дорогой невоспитанности и нахальства. Для добродетельных же кротость — дар желанный, так долго шли они таким путем.

И вот как-то некий якша, возмущенный такими оскорблениями, наносимыми Великосущному, или же желая испытать его характер, когда низкая обезьяна ехала верхом на буйволе, остановился на пути у них и сказал: "Не довольно ли с тебя? Разве эта низкая обезьяна купила тебя или обыграла тебя в кости, или же ты чего-нибудь опасешься с ее стороны? Или же

ты не знаешь собственной силы, что, подчинившись ей, возишь ее на себе? Поистине:

6. Твои ведь острые рога, подобно молнии, дробят алмаз, стволы деревьев расщепляют, а ноги месят гору в ярости, как будто бы болото.

7. Твое же тело крепкое похоже на утес, и совершенна красота его в соединенье с силой. Известна мощь твоя всем хищникам могучим, и даже льву опасно подходить к тебе.

8. Так сокруши ее копытом смело, иль рога острием разрушь ее нахальство. Зачем страдаешь ты от наглой обезьяны и сносишь все мученья, как бессильный?

9. Да разве скромностью и добротою и отношением добродетельным к нему возможно излечить злодея? Где действительны лишь острые, горячие и грубые лекарства, от неуместного подобного лечения лишь возрастает дерзость, как болезнь, происходящая из флегмы”.

Тогда Бодхисаттва, взглянув на якшу, сказал мягким голосом, выразившим его приверженность к кротости:

10. “Я знаю нрав ее непостоянный, к распушенности склонный. Поэтому я прав, когда ее прощаю.

11. И разве это называют кротостью, если сильнейшему не можешь ты ответить? А праведному, стойкому в смирении и поведенье добродетельном нам нечего прощать.

12. Поэтому, даже имея силу отомстить, сносить нам следует от слабых оскорбления. Лучше стерпеть обиду от него, чем добродетелей лишиться.

13. Слабого дурное обращение — возможность лучшая для проявления добродетели. За-

чем же тот, кто предан добродетелям, в подобных случаях применит свою силу, чтоб в результате стойкость потерять?

14. Обычно ведь для проявления кротости удобный случай зависит от других и трудно достигим. И если кто-то нам дает для этого возможность, к чему здесь в ярость приходить?

15. Не думая о разрушении собственного блага, ведет себя он так, словно старается мои грехи очистить. И если кротость я не проявлю, то кто же, как не я, окажется неблагодарным?"

Якша сказал: "Тогда ты никогда не освободишься от ее преследований."

16. Не уважающего добродетели нахального злодея как можно укротить, не отказавшись от смиренного терпенья?"

Бодхисаттва сказал:

17. "Если счастье достается благодаря мученьям ближних, иль отвращается таким же образом беда, то счастья в результате не достигнуть, и так не стоит поступать."

18. А если он того не понимает, в чем наставляю я его своим терпением, то потом столкнется с тем, кто не прощает, и тот свернет его с неправого пути."

19. Узнав дурное обращение, он перестанет относиться дурно ко мне подобным. Наказанный, он больше так себя вести не станет, и я тогда освобожусь".

Тогда якша, преисполнившись верой, изумлением и уважением, воскликнул: "Прекрасно, прекрасно!" — кивая головой и делая одобрительные жесты, и прославил Великосущного следующими словами:

20. "Откуда у животных поведение такое? Откуда безграничное почтение к добродетелям?"

С каким-либо намереньем ты принял этот облик, несомненно; наверное, ты — подвижник, обитающий в лесу”.

Так восхвалив Бодхисаттву, якша сбросил негодную обезьяну с его спины и, научив его предохраняющим чарам, исчез.

Таким образом, “лишь в том случае можно проявить кротость, когда представляется случай простить кого-нибудь, поэтому добродетельные даже причиняющих им зло почитают, как приносящих пользу”. [Так должно говорить, проповедуя о кротости. Также следует говорить: “Так проявляется непоколебимая стойкость бодхисаттв даже в животном облике; может ли человек или давший обет отречения от дома быть лишенным ее?” А также следует излагать этот рассказ при восхвалении Татхагаты и в проповеди о почтительном внимании праведному закону.]

XXXIV ДЖАТАКА О ДЯТЛЕ

Даже побуждаемый к дурным поступкам добродетельный человек не будет совершать их в силу своей непривычности к ним.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Бодхисттва как-то жил в одной лесной стране в облике дятла, отличавшегося своим сияющим разными оттенками оперением. Проникнутый состраданием, даже в таком состоянии, он не следовал обычному образу жизни дятлов, оскверненному причинением вреда живым существам.

1. Он был вполне доволен нежными побегами деревьев, благоухающими ароматами цветов и сладкими плодами, разнообразными по вкусу, запаху и цвету.

2. Он наставлял как должно в праведности ближних, посильно помогая в беду попавшим, удерживал неблагородных от безнравственных поступков, свою заботу проявляя так об интересах ближних.

Таким образом, в том лесном уголке счастливо процветало под покровительством Великосущного множество животных, словно имевших в его лице наставника, родственника, целителя и справедливого царя.

3. И в той же степени, как многократно увеличивалось их число под покровительством величья сострадания его, в такой же мере росли и добродетели им охраняемых животных.

И вот однажды Великосущный, чувствовавший сострадание к живым существам, гулял по лесу. Он увидел корчившегося от нестерпимо острой боли, словно пронзенного ядовитой стрелой, льва с грязной от пыли и растрепанной гривой.

Подойдя к нему, движимый состраданием, он спросил: "Что случилось, о царь зверей? Я вижу, что ты, несомненно, тяжело болен.

4. Из-за того ль, что слишком заносился ты перед слонами, или из-за стремительной погони за оленем? Чем вызвано твое недомогание? Усталостью, стрелой охотника или какой-нибудь болезнью?

5. Скажи же, что с тобой, а также объясни, что нужно сделать для тебя. И если есть возможность у меня прийти на помощь другу, то будешь ты доволен тем, как я ее использую, чтобы вернуть тебе здоровье".

Лев рассказал: "О добродетельный, лучший из птиц! Мое недомогание вызвано не усталостью, не болезнью, не стрелой охотника. Кусок кости, застряв в горле, непрерывно терзает меня, как острие стрелы.

Я не могу ни проглотить его, ни выплюнуть. Поэтому только друзья могут помочь мне. И если ты знаешь, как помочь, то сделай меня счастливым". Тогда Бодхисаттва, обдумав своим проницательным умом способ извлечения этого острого осколка, взял палку, достаточную по размерам, чтобы вставить ее в виде распорки в пасть льва, и сказал ему: "Открой рот, насколько можешь". Тот так и сделал. Тогда Бодхисаттва, укрепив как следует палку между двумя рядами зубов, проник до основания его глотки. Взяв клювом торчащий поперек горла кусок кости за один конец и расшатав его, он схватил его с другой стороны и наконец вытащил. После чего он выбросил палку, удерживавшую челюсти льва.

6. Хирург искусный и умелый так ловко не извлек бы, сколько ни старался, подобную занозу, как вытащил ее он благодаря своим талантам, развившимся не от упражнений, а шедшим вслед за ним через рождений сотни.

7. Извлеки вместе с костью боль и причиняемые ею мученья устранив, возрадовался он тому, что удалил страдания причину, не меньше льва, спасенного от кости.

Такова праведная натура добродетельного человека:

8. Доставив счастье или отвратив несчастье от другого существа, хоть и с трудом великим, гораздо более доволен добродетельный, чем если бы с легкостью он своего добился счастья.

Таким образом, Великосущный, избавив льва от страданий и радуясь этому всем сердцем, попрощался с ним и, выслушав его почтительную благодарность, отправился своим путем.

И вот однажды этот дятел летал повсюду, сияя блеском своих расправленных крыльев, и не смог нигде

найти ничего пригодного для еды. Сжигаемый пламенем голода, увидел он того самого льва, наслаждавшегося мясом недавно убитой молодой антилопы. С испачканными кровью пастью, когтями и гривой он был похож на осеннее облако, освещенное отблеском заката.

9. Даже оказав когда-то льву услугу, он с неприятными словами просьбы к нему все ж обратиться не посмел. И хоть он был в речах искусен, на этот раз его заставила стыдливость дать обет молчанья.

10. И все-таки желая своего добиться, он стал прогуливаться с робким видом пред его глазами. Но негодяй хотя следил за ним, не произнес ни слова приглашенья.

11. Как семя, брошенное на скалу, как жертва, вылитая на потухший пепел, или как цветок на дереве видула¹, — такой же плод дает неблагодарному услуга, когда расплачиваться нужно.

Тогда Бодхисаттва, подумав, что лев, конечно, его не узнает, приблизился к нему, не испытывая никаких опасений, и попросил у него уделить что-нибудь, сопровождая просьбу, по обычаям просителей, надлежащими словами благословения:

12. “Да будет тебе благо, царь зверей, своей отвагой жизнь свою поддерживающему! Прошу тебя почтить просителя и увеличить тем свои заслуги и славу добрую”.

Но даже когда к нему обратились с такими приятными словами благословения, лев, чье поведение из-за его жестокости и себялюбия было недостойно благородного, посмотрел искоса на Бодхисаттву, словно желая испепелить его взглядом своих глаз, покрасневших от пламени гнева, и сказал:

“Довольно!

13. Достаточно того, что ты ушел живым, попавши в пасть ко мне, не знающему сострадания и пожирающему трепетных оленей.

14. Ты снова оскорбил меня, своею просьбой беспокоя. От жизни, видно, ты устал и хочешь мир иной увидеть”.

Тогда его отказ, выраженный такими грубыми словами, вызвал чувство стыда у Бодхисаттвы, и он поднялся в небо. Он полетел своим путем, говоря ему шумом своих распростертых крыльев, что он — птица.

Между тем некий лесной бог, то ли потому, что не мог вынести такого оскорбительного обращения, или же желая испытать пределы его сдержанной стойкости, взлетел в небо и сказал Великосущному:

“О лучшая из птиц! Почему ты, оказав этому негодяю услугу, прощаешь его оскорбительное обращение, хотя в силах отомстить ему? Что значит твое бесстрастное отношение к этому неблагодарному?

15. Как ни могуч он, но, напав внезапно, ты можешь вырвать у него глаза, иль пищу утащить, зажатую в его зубах. Зачем же наглость ты его прощаешь?”

Тогда Бодхисаттва, хотя и оскорбленный грубым поведением, несмотря на подстрекательства лесного бога, ответил ему, раскрывая все благородство своей натуры:

“Довольно говорить о таких поступках. Не этим путем идут мне подобные.

16. Из сострадания, не из корысти поможет добродетельный в беду попавшему, и безразлично для него, поймет ли это тот. К чему же гнев здесь?

17. И тот — другой, не зная благодарности, обманывает только сам себя. Ведь кто, желая платы за услугу, второй раз сделает ему добро?

18. А тот, кто оказал услугу, в мире ином достигнет праведности и ее плодов благодаря спокойствию, а здесь — блестящей славы.

19. Если услуга — праведный поступок, то кто же будет сожалеть потом? А то, что сделано в расчете на награду, — не услуга, а лишь отдача в долг.

20. Кто замышляет вред ближнему, в обиде на его неблагодарность, тот, добродетелью своею сначала славу добрую сыскав, затем ведет себя слонам подобно.

21. Если же ближний по неразумению не знает как отблагодарить, он не достигнет того блеска, который любит только добродетели. Так кто ж благоразумный предпримет шаг такой, чтобы разрушить высоко поднявшуюся славу?

Вот что мне кажется наиболее подобающим.

22. Кто дружелюбья не питает, даже после услуги, оказанной ему достойным человеком, того покинуть следует спокойно, без грубости, без гнева”.

Тогда бог, радуясь всем сердцем подобным прекрасным словам, несколько раз с похвалой воскликнув: “Прекрасно, прекрасно!” — сказал ему несколько приятных слов:

23. “Не носишь ты пучка волос на голове, себя не затрудняешь ты одеждой из рогожи, но в остальном ты — настоящий риши, грядущее постигший. Ведь не одежда делает святого, поистине святой лишь тот, кто добродетелями наделен”.

Отличив и почтив его таким образом, он исчез.

Таким образом, “даже побуждаемый к дурным поступкам добродетельный человек не будет совершать их в силу своей непривычности к ним”. [Так следует говорить, восхваляя добродетельных. Это же нужно приводить в проповеди кротости и говорить так: “Человек, проникнутый кротостью, не знает ни с враждой, ни с оскорблениями. Он приятен многим людям, любящим его”. Говоря о благоразумном спокойствии, следует привести следующие слова: “Мудрые, великие в своем благоразумном спокойствии, сохраняют блеск своих добродетельных качеств”. Так же, восхваляя величие души Татхагаты и постоянно проявление благородства его натуры, следует говорить: “Таким образом, даже в состоянии животного стремление к проявлению благородства характера не дает уйти с правильного пути”.]

ПРИМЕЧАНИЯ

ORIGINAL

ТОВАРИСТВО

ОИЖҮН 9Ж

44-38861-100

1. **Ом** — односложное слово, которое считали обладающим магической силой. Три составляющих его звука $a + u + m$ почитались олицетворением трех *Вед*, или индуистской триады Вишну — Шива — Брахма. Слог “Ом” ставился в начале индуистских сочинений. В ряде буддийских сочинений и магических формул также употребляется слог “Ом”.

2. М у н и — “молчальник”, отшельник, аскет, святой мудрец.

І. ДЖАТАКА О ТИГРИЦЕ

1. Т р и с о к р о в и щ а б у д д и з м а — Будда, его учение и религиозная община.

2. **Д ж а т а к а р м а н** — обряд, совершаемый при рождении ребенка и заключающийся в том, что ему трижды смазывают язык топленным маслом, читая при этом соответствующие молитвы.

3. ...превосходной помощи в занятиях — имеется в виду помощь со стороны родителей и лучших наставников.

4. Восемнадцать областей знания включают в себя четыре *Веды*, шесть *Веданг* (см. прим. VII, 1), четыре *Упаведы* (четыре науки, считавшиеся дополнениями к *Ведам*: медицина, военное искусство, музыка, архитектура или наука о ремесле), пураны (эпические поэмы мифологического, космогонического и легендарного содержания), итихаса (предания), ньяя (наука о правильном рассуждении, логика) и миманса (философская система, занимающаяся интерпретацией ведического ритуала и текста).

5. Эта строка может быть истолкована и переведена различным образом. Слово *brahman*, кроме данного в переводе значения “Веды”, “священные тексты” означает также

“*братман* — мировая душа, первичная реальность”. Таким образом, эту строку можно также перевести: “Он был чтим знатоками *братмана* как сам *братман*, а царями — как царь [царей]”.

6. ...б о г т ы с ы ч е г л а з ы й — эпитет Индры, бога неба, повелителя грома и молний в индуизме, слившегося в буддизме с Шакрой — владыкой второго божественного мира, называемого Траястринша.

7. ...д о м о х о з я и н а а ш р а м у — вторая ступень жизни брахмана, когда он живет в доме, являясь главой семьи и выполняя обычные обязанности брахмана. Согласно установлениям индуизма, жизнь брахмана делилась на четыре ступени, так называемые ашрамы: первая — ученичество, когда брахман изучал *Веды* и соблюдал обет воздержания, вторая — состояние домохозяина, третья — жизнь отшельника в лесу, посвященная религиозным упражнениям и размышлениям, и четвертая — жизнь странствующего монаха, живущего подаянием, аскета, отрешившегося от всех страстей и привязанностей.

8. ...ч и с т о т о ю ч у в с т в — вероятнее всего, слово *indriyabhāvanā*, стоящее здесь в тексте, употреблено в значении специфического термина буддийской психологии: развитие, культивирование пяти положительных свойств психики, направляющих моральных сил: вера, энергия, внимательность, сосредоточенность мысли и мудрость.

9. ...о д р у ж е л ю б и и и п р о ч е м — речь идет о четырех “безграничных, неизмеримых созерцаниях”, положительных состояниях психики, называемых также *brahmavihāra* — “высочайшие, божественные состояния, возвышенные настроения”, а именно: доброжелательность, дружелюбие, альтруистическая радость, сострадание и беспристрастие, которые достигаются созерцанием и составляют одновременно его содержание. Объектом этих созерцаний являются все живые существа.

10. Ц а р ь г о р — Сумеру или Меру — мифическая золотая гора, центр мира, от которой расходятся, как лепестки лотоса, мифические континенты (четыре или семь), омываемые соответственно четырьмя или семью мифическими океанами.

11. **С а н с а р а** — непрерывная цепь перерождений живых существ, источник страдания, от которого, согласно буддизму, можно освободиться, познав истинное учение и достигнув нирваны.

12. **М а р а** — олицетворение греха, соблазна, вожделе-ния, дурных страстей и привязанностей в буддизме; в легендах выступает как мифическое существо, злой дух, мешающий Будде и его последователям идти по пути к просветлению. Народная этимология связывает имя Мары со словом “смерть”. Войско Мары изображается в легендах как состоящее из десяти частей, каждую из которых Будда обратил в бегство одним из своих совершенных качеств — *парамит*.

13. ...**л у ч ш а я к о л е с н и ц а**, или “лучший путь” — путь бодхисаттвы, преисполненного любви и милосердия к страдающему миру, идеал махаяны, в отличие от узко-эгоистического пути архата, достигающего просветления только ради себя самого, идеала хинаяны.

14. ...**и з с т р е м л е н ь я к б л а г у б л и ж - н и х** — в тексте *parārthasiddhi*, что можно перевести также “достижение высшей цели”. Очевидно, автор “Гирлянды джатак” имел в виду оба значения, ибо для бодхисаттвы высшей целью является благо ближних.

15. **М а н м а т х а** — “волнующий душу”, один из эпитетов бога любви Камы, слившегося в буддизме с Марой.

16. **Г а н д х а р в ы** — название класса низших божеств, первоначально лесных божеств, позже небесных музыкантов и виночерпиев богов; по буддийской мифологии, они обитают в низшем из шести божественных миров — небе четырех охранителей мира.

17. **Я к ш и** — полубожеества, выступавшие иногда благожелательными, иногда враждебными к людям; индийцы верили, что они могут по желанию принимать любой облик. В буддизме рассматривались как один из классов живых существ, рождение в котором зависит от деяний прошлой жизни; они могут воспринимать учение Будды и достигать нирваны.

18. **Н а г и** — “змии”, мифические существа, наделенные большой силой и чудесными способностями, обитающие под

горой Меру. Их представляли в виде полузмей-полулюдей. Наги играют большую роль в буддийских легендах.

19. В квадратные скобки заключены концовки джатак, являющиеся более поздними добавлениями. Они содержат рассуждения о том, по поводу какого положения буддийской этики и морали следует излагать ту или иную джатаку, и являются, очевидно, замечаниями переписчиков.

II. ДЖАТАКА О ЦАРЕ ШИБИ

Благородный и самоотверженный царь народа Шибид (или Шиви) является героем многих легенд, в одной из которых (изложенной в *Махабхарате* и пуранах) он отдает свое тело как выкуп за голубя, преследуемого соколом. В буддийских легендах чаще всего излагается эпизод с пожертвованием глаз.

1. ... т р и а д а — согласно воззрениям индуизма, три основные цели или фактора жизни, которые должны находиться в равновесии: *dharma* — религия, долг, праведность; *artha* — материальные интересы, богатство и *kāma* — чувственные удовольствия. Таково обычное толкование этой строфы. Но, возможно, здесь имеется в виду другая триада — мысль, слово, действие.

2. К р и т а ю г а — название первого мирового периода, юги (*yuga*), “Золотого века” в индийской космологии. Вторая юга носит название Трета — “Серебряный век”, третья — Двапара — “Медный век” и четвертая — Калиюга — “Железный век”, начавшаяся в 3102 г. до н. э. и продолжающаяся в настоящее время. С каждой югой происходит падение физических и моральных качеств людей. Четыре юги составляют великую югу (*mahāyuga*), тысяча махаюг — одну кальпу, равную суткам Брахмы, или 4 320 000 000 земных лет. В конце кальпы миры разрушаются и создаются вновь в следующей кальпе. В буддизме существует несколько иное деление мировых периодов. Великая кальпа (*mahākālpa*) означает полный цикл сотворения и разрушения мира. Махакальпа состоит из четырех кальп: сотворение, сотворенное состояние, разрушение и разрушенное состояние мира. Длительность махакальпы — 1 280 000 000 земных лет.

3. ...ни в ком не встретивши к себе рас-
п о л о ж е н ь я — благодаря многозначности слова
рапауа — “любовь”, “дружеское расположение”, “жела-
ние”, “просьба”, “мольба”, “почтение” — возможны другие
варианты перевода этого места.

4. В оригинале в этой строфе неперевоаемая игра слов,
основанная на различных значениях слова maḍa — “надмен-
ность”, “высокомерие” и “ароматные истечения из лобных
пазух слонов во время течки”.

5. Ш а к р а — владыка второго божественного мира
Траястринша, расположенного на вершине Меру; предво-
дитель богов в их борьбе с демонами (асурами). На Шакру
были перенесены многие эпитеты Индры, хотя при этом они
получили другое толкование. В буддийских легендах Ша-
кра изображается как добрый и справедливый властитель,
не свободный, однако, от многих несовершенств. Так, не-
смотря на свое долголетие, он, как и все живые существа,
подвластен законам смерти и перерождения. Часто он про-
являет в своих поступках жадность, глупость, страх, ро-
бость и т. п.

6. Г а н а — класс полубогов, служителей Шивы.

7. А п с а р ы — небесные танцовщицы и музыкантши,
жены гандхарвов, воплощение женской красоты в индий-
ской мифологии.

8. Й о д ж а н а — мера длины, равная 15–17 км.

9. В оригинале неперевоаемая игра слов: nidhāna —
сокровищница и nidhana — уничтожение, гибель.

VII. ДЖАТАКА ОБ АГАСТЬЕ

1. ...В е д ы с А н г а м и — *Веды* — древнейшие
памятники индийской литературы, собрания гимнов, почи-
тающиеся священными: *Ригведа*, *Самавед*, *Яджурведа* и
Атхарваведа. К ведической литературе относятся также
позднейшие комментарии на сборники гимнов — брахманы,
араньяки, упанишады. Создание древнейшего из сборни-
ков — *Ригведы* — относят обычно к середине второго тыся-
челетия до н. э. *Анги*, или *Веданги* — “часть вед” — вспомо-
гательные дисциплины при изучении *Вед*: фонетика, про-
содия, грамматика, этимология, астрономия и ритуал.

2. ...остров *Кара* — остров недалеко от области Нагадипа, отождествляемой с современным полуостровом Джафна и северо-западной частью Цейлона.

3. *Амрита* — нектар, божественный напиток, дарующий бессмертие. Согласно мифу, боги добыли амриту при пахтанье молочного океана.

4. *Агнихотра* — жертвоприношение огню, чаще всего молоком, маслом и рисом.

5. Хотя героя джатаки зовут *Агастья*, *Шакра*, обращаясь к нему, называют его *Кашьяпа*. То же самое в соответствующем месте палийской джатаки. Г. Малаласеке-ра высказывает предположение, что, возможно, *Акитти* (в “Гирлянде джатак” — *Агастья*) принадлежал к *готре* (роду, клану) *Кашьяпа*.

6. *Васава* — в индуистской мифологии эпитет *Индры* как предводителя класса богов *Васу*, персонифицированных сил природы. В буддийской литературе *Васава* употребляется как эпитет *Шакры*.

7. *Сокрушитель дайтьев* — один из эпитетов *Индры-Шакры*.

8. *Пратьекабудда* — “индивидуальный будда”, достигший высшего состояния, просветления, совершенной мудрости и знания, но не открывающий его миру. Путь *пратьекабудды* занимает среднее положение между путем ученика и путем бодхисаттвы как высшим путем.

9. *Риши* — вдохновенные творцы ведийских гимнов. Впоследствии слово “риши” стало употребляться в значении “мудрец”, “учитель”.

10. *Татхагата* — эпитет будды *Гаутамы* (*Шакьямуни*), а также всех других будд.

VIII. ДЖАТАКА О МАЙТРИВАЛЕ

1. В оригинале непереводаемая игра слов: *ṣastra* — “меч”, “оружие” и *śāstra* — шастры, священные книги, излагавшие религиозные обязанности индусов, наставления, руководства по различным дисциплинам.

2. *Бодхи* — состояние внутреннего просветления, постижения божественной истины.

Примечания

3. О д ж о х а р а — “уносящий (жизненную) силу”, эпитет класса якшей.

4. Ц а р ь я к ш е й — Кубера, бог богатства, охраняющий сокровища Индры, один из богов — охранителей мира, страж севера.

5. Р а к ш а с ы — по индийской мифологии, злые духи, пожирающие трупы и живых людей.

6. П и ш а ч а — класс демонов, питающихся человеческим мясом.

7. С в а с ь я я н а — магические действия и заклинания, благоприятствующие счастью и успеху.

8. А р ь я — “благородный”; в отличие от индуизма, где это слово связано с принадлежностью к высшим сословиям — варнам, в буддизме оно означало вступившего на путь, ведущий к спасению.

9. К у б е р а — бог богатства.

10. ...соединиться с *брахманом* — *брахман* — мировая душа, первичная реальность, божественная субстанция, являющаяся объектом не поклонения, а абстрактного мышления. Соединение, слияние с *брахманом* является высшей целью, конечным освобождением в индуизме.

11. ...от умиления и радости поднялись волосы на теле — обычное в индийской литературе выражение, символизирующее высшую степень восторга или радостного волнения.

12. ...пятеро (первых учеников) — после того как Будда ушел из дома, он в течение некоторого времени предавался аскетическим подвигам в лесу Урувела, и его сподвижниками были пять отшельников. Когда же Будда отказался от умерщвления плоти, увидев, что этот путь не ведет к познанию истины и спасению, они, разочарованные, покинули его. Но, достигнув просветления, Будда им первым поведал свое учение. Они были слушателями первой проповеди Будды, так называемой “Бенаресской проповеди” о приведении в движение колеса дхармы.

IX. ДЖАТАКА О ВИШВАНТАРЕ

Считается, что рождение Вишвантарой было предпоследним перерождением Будды на его пути к просветлению

Примечания

и что в этом рождении совершенные качества (*парамиты*) милосердия и щедрости достигли своего высшего развития. Поэтому джатака о Вишвантаре очень популярна и существует в виде пересказов и переводов на многих языках народов, воспринявших буддизм. Имя героя Вишвантара в литературе на санскрите объясняется как “все [чувства] подчиняющий”.

1. ...м и р о в т р и а д а — небеса, земля и промежуточное пространство, атмосфера или же, по другому толкованию, — небеса, земля и низший мир, ад.

2. П а р в а н — день изменения фазы луны, а также жертвоприношение, совершаемое в этот день.

3. К а й' л а с а — гора в Гималаях, резиденция Шивы.

4. Часто повторяющаяся в “Гирлянде джатак”, характерная для буддизма мысль, что тот, кто стремится причинить зло, на самом деле творит добро, так как дает возможность пострадавшему проявить добродетели кротости, щедрости, милосердия.

5. ...с поднятым кувшином золотым — обычай лить воду на руки служил символом завершения акта передачи собственности, например, при дарении, передаче невесты жениху при бракосочетании и пр.

6. Т р и ц е л и — см. прим. II, 1.

7. С и д д х и — полубожества, обладающие в силу своей исключительной святости и благочестия сверхъестественными способностями.

8. Д у к у л а — очень тонкая ткань из волокон растения того же названия.

9. М и р о х р а н и т е л и — согласно буддийской мифологии, обитающие в низшем божественном мире боги — охранители четырех стран света. Из богов-охранителей индуистской мифологии (Куберы, Индры, Ямы и Варуны) в буддизме сохранился только Кубера — страж севера, часто называемый Вайшравана; три других буддийских мирохранилителя: Дхритараштра — страж востока, Вирудхака — страж юга и Вирупакша — страж запада.

10. В и ш в а к а р м а н — мифический архитектор и художник богов.

11. ...п р е к р а с н о й с у п р о т и в н и ц е й — в оригинале непереводаемая игра слов: брахман называет

женщину *vāmā*, что означает “прекрасная”, но с ударением на первом слоге слово *vāma*, означает “левый”, “противоположный”, “противный”.

12. Ч а т а к а — *Cuculus melancholeus*, пестрая индийская кукушка.

13. К а м а — здесь выступает как Мара, посрамленный стойкостью Вишвантары в стремлении к щедрости.

Х. ДЖАТАКА О ЖЕРТВЕ

1. Д и к ш и т а — так называется человек, начиная с момента *дикши* (очищающие обряды перед большим жертвоприношением) до *авабхритха* (см. прим. ниже).

2. С а т т р а — великое жертвоприношение богу луны Соме, а также другие столь же важные жертвоприношения.

3. А в а б х р и т х а — заключительное омовение после совершения жертвоприношения.

4. Б р а х м а — высший бог, творец вселенной в религиозно-философской традиции индуизма.

5. К т о с о т н ю ж е р т в п р и н е с — один из эпитетов Индры.

ХІ. ДЖАТАКА О ШАКРЕ

1. Д и т и — слабо персонифицированное ведическое божество, противопоставляемое Адити (“безграничная”) — матери богов. Сыновья Дити, дайтьи — демоны, враждующие с богами.

2. Д и н а г а — мифические слоны, поддерживающие землю.

3. А р х а т — человек, достигший нирваны, состояния, позволяющего прервать цепь сансары.

4. Д а н а в ы — класс демонов, враждующих с богами; часто их объединяют с дайтьями.

5. ...б о ж е с т в е н н ы е д е с я т ь т р о и ц — класс буддийских богов, обитающих в мире Шакры.

ХІІІ. ДЖАТАКА ОБ УНМАДАЯНТИ

1. Л а к ш м и — богиня счастья, любви и красоты. Р а т и — персонифицированное наслаждение, жена бога любви Камы. В буддийской мифологии Рати — одна из дочерей Мары.

2. К а у м у д и — лунный свет, персонифицированный как жена бога месяца — Чандры, а также день полнолуния в месяце карттика (октябрь — ноябрь) и отмечавшийся в этот день праздник, посвященный богу войны Карттикейе (месяц карттика считался наиболее удобным для ведения военных действий).

3. ...р а з д а е т с я з в о н — звон металлических литавр, отбивавших время каждые полчаса.

4. ...о г н я в е л и к о г о , т е б я п р е в ы ш е — в тексте āhavanīya — “тот, кому следует приносить жертву, совершать возлияния”, образное название жертвенного огня. Абхипарага сравнивает Бодхисаттву с ним, а Унмадаянти с жертвенным приношением огню, а также с платой жрецу за совершение жертвоприношения.

5. Б р и х а с п а т и — одно из древнейших ведийских божеств, мудрый наставник и жрец богов.

ХVІІ. ДЖАТАКА О ЧАШЕ

1. С у р а — хмельной напиток.

2. А с а в а , с и д х у , м а й р е я — названия различных опьяняющих напитков.

3. Н и р г р а н т х а — букв. “отрешившийся от уз”. В буддийской литературе это слово часто употребляется как презрительное наименование джайнских монахов, особенно принадлежащих к секте дигамбаров (“одетый странами света”), ходивших обнаженными.

4. В р и ш н и , А н д х а к а — названия двух родов, часто упоминаемых вместе. Легенда о междоусобице в роде Вришни изложена в *Махабхарате*.

5. Здесь перечисляются три дурных состояния, в которых человек рождается за греховные деяния, совершенные в прошлых рождениях: пребывающим в аду, в состоянии

животного и в состоянии призрака — преты. В индуистской мифологии прета — злое существо, дух мертвеца, потомки которого не совершают обрядов почитания предков. В буддийских легендах преты описываются как существа с огромными животами и крошечными ртами, обреченные страдать от голода и жажды. Хорошими состояниями являются рождение в мире людей и в мире богов.

6. ...кто человека путь проходит — т. е. кто рождается в состоянии человека.

7. А в и ч и — название самого ужасного из адов буддизма, пылающего языками пламени, расположенного в самом низшем месте вселенной.

8. ...м и р п р е д к о в — мир праотцев, питаров. В буддизме питар является синонимом слова "прета".

XXI. ДЖАТАКА О ЧУДДАВОДХИ

1. Выцветшее желтое одеяние из старых изношенных лохмотьев было отличительной одеждой буддийского странствующего монаха.

2. Ч а к р а в а к а — Anas Sasangka, индийская казарка, птица с красновато-коричневым оперением.

XXIII. ДЖАТАКА О МАХАВОДХИ

В этой джатаке особенно ярко проявляется пропагандистская тенденция буддизма. Сюжет джатаки специально сталкивает здесь буддизм со всеми основными этическими и онтологическими идеями того времени.

1. ...п р о т и в н ы х п о л е з н о м у и п р и я т н о м у — т. е. материальным интересам, богатству и удовольствиям.

2. Т р о й н о й п о с о х — посох из трех связанных вместе палок являлся принадлежностью странствующего аскета.

3. Ч е т ы р е с т у п е н и с о з е р ц а н и я (catvari dhyānāni) в буддизме суть следующие: первая *дхьяна* — радость и восторг, экстаз, порожденные уединением, сопровождаемые рассуждением и исследованием какого-нибудь одного объекта мысли; вторая *дхьяна* — радость и экстаз вну-

треннего спокойствия и глубокой умиротворенности, освободившиеся от рассуждений и исследования; третья *дхьяна* — освобождение от экстаза, чистая радость полного отсутствия всех страстей и привязанностей; четвертая *дхьяна* — состояние полного бесстрастия, лишенное как приятных, так и неприятных эмоций.

4. Пять совершенных знаний — пять высших психических способностей, достигаемых совершенством в созерцании и сосредоточении мысли:

- 1) сверхъестественная способность творить чудеса;
- 2) божественный слух, позволяющий слышать на любом расстоянии;
- 3) видение на любом расстоянии, чудесное зрение;
- 4) проникновение в мысли других людей;
- 5) память о прошлых рождениях.

Ниже Бодхисаттва использует одну из этих способностей — чудесное зрение.

5. Учение о беспричинности противоречило идее буддийского закона зависимого происхождения.

6. ...все сотворено верховным существом — буддизм отрицал идею личного бога, творца и руководителя вселенной, и рассматривал мировой процесс как управляемый естественным законом зависимого происхождения.

7. Буддизм в своем понимании закона кармы выступает против такой абсолютизации причинно-следственной связи, полного детерминизма. Настоящее не определяется механически прошлым, а согласуется с ним, и для человека остается огромное поле для проявления своей энергии, для изменения своей кармы и преодоления ее.

8. ...уничтожение всех вещей — по-видимому, здесь имеются в виду воззрения, близкие к *локаяте* (древне-индийский материализм).

9. Т. е. с помощью богатства будет выполнять свои религиозные обязанности и накапливать добродетельные заслуги.

10. ...народ свой охраняя, ты этим и свои миры храни — игра слов, основанная на значениях слова *loka* — “мир”, “народ”, “люди” и “миры” — этот и тот, “мир после смерти”.

Примечания

XXV. ДЖАТАКА О ШАРАБХЕ

1. Ш а р а б х а — сказочный олень с восьмью ногами, обитающий в снежных горах и превосходящий силой льва и слона.

XXX. ДЖАТАКА О СЛОНЕ

1. А с т а г и р и — мифическая гора на западе, за которую заходит солнце.

2. Г а р у д а — мифическая гигантская птица с человеческой головой.

3. А н а н д а — любимый ученик и слуга Будды.

XXXIII. ДЖАТАКА О БУЙВОЛЕ

1. В строфах 1-3 автор "Гирлянды джатак" пытается как-то объяснить рождение такого совершенного, исполненного добродетелей существа, как Бодхисаттва, в одной из низших сфер существования — в облике животного.

2. Я м а — бог смерти, обычно изображался верхом на буйволе.

XXXIV. ДЖАТАКА О ДЯТЛЕ

1. В и д у л а — растение *Calamus Rotang Fasciculatus*.

РЕДАКТОР
Б. ОСТАНИН

ХУДОЖНИК
В. ТРИЛЕССКИЙ

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР
С. ШЕРЕМЕТЬЕВА

КОРРЕКТОР
Е. ПАВЛИКОВА

ДЖАТАКИ,
или
СКАЗАНИЯ О ПОДВИГАХ БОДХИСАТТВЫ

ОРИГИНАЛ-МАКЕТ ВЫПОЛНЕН
В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ СТУДИИ
КНИЖНОГО ИСКУССТВА
ИЗДАТЕЛЬСТВА "МИФРИЛ"
КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА
А. Г. НАСЛЕДНИКОВА

ЛР N 061186
Сдано в набор 18.12.93
Подписано в печать 24.01.94. Зак. N 35
Формат 60 x 88 / 16. Усл. печ. л. 12,0
Печать офсетная. Бумага офсетная
Гарнитура ComputerModern. Тираж 50000 экз.

Издательство Чернышева
194044, Петербург, Выборгская наб., 41
Типография им. И. Е. Котлякова
Министерства печати и информации РФ
195273, Петербург, ул. Руставели, 13